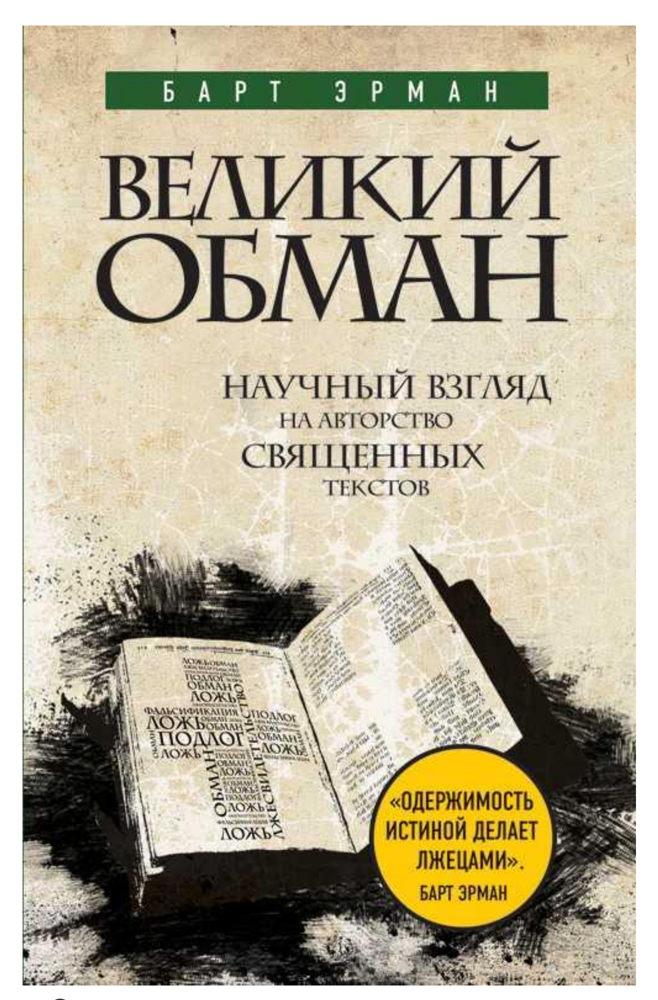
Барт Д. Эрман

Великий обман.

Научный взгляд на авторство священных текстов

Посвящается внучке Сьерре

Введение

Сын-лжец перед лицом истины

Ярким солнечным днем в июне, когда мне было четырнадцать лет, мама сказала, что они с отцом собираются съездить поиграть в гольф. В уме я быстро подсчитал. У них бы заняло двадцать минут, чтобы добраться до загородного клуба, и около четырех часов, чтобы пройти восемнадцать лунок. Потом небольшой отдых, и они поедут домой. У меня было пять часов.

Я позвонил своему другу Рону, жившему в конце улицы, чтобы сказать ему, что моих родителей полдня не будет и что я стащил пару сигар из неизменно полного отцовского припаса. Рону понравился ход моих мыслей, и он сообщил, что у него за домом в кустах припрятано несколько банок пива. Перед нами открывались райские наслаждения.

Как только Рон пришел, мы направились вверх по лестнице в мою комнату, где распахнули окно, закурили сигары, открыли по банке пива и настроились на не слишком интеллектуальное времяпровождение. Но через каких-то десять минут, к моему ужасу, мы услышали, как подъехала машина, хлопнула задняя дверь дома и мама крикнула, что они вернулись. Поле для гольфа было так переполнено, что родители решили не ждать сорок минут, чтобы сделать первый удар.

Мы с Роном моментально переключились в аварийный режим: спустили сигары с пивом в унитаз, спрятали банки в мусорной корзине, а затем схватили два баллончика дезодоранта и принялись распылять их по комнате, пытаясь замаскировать дым (который практически валил из окна). Рон выскользнул через заднюю дверь, и я был оставлен один, в холодном поту и уверенности, что жить мне осталось недолго.

Я спустился вниз, и папа задал мне роковой вопрос: «Барт, вы там с Роном курили наверху?» Тогда я сделал то, что сделал бы любой уважающий себя четырнадцатилетний подросток, – я соврал ему в глаза: «Не, пап, ну ты что!». (Дым ещё стоял в воздухе, как я говорил.) Его лицо смягчилось, он едва сдержал улыбку, а потом произнёс то, что осталось со мной весьма надолго (уже на сорок лет, на самом деле): «Барт, мне нет большого дела, если вы украдкой покуриваете. Только не надо мне врать». Естественно, я заверил его: «Я больше не буду, папа!»

Взрослеть с преданностью истине

Через пять лет я был уже другим человеком. Конечно, все меняются к концу подросткового возраста, но я бы сказал, что моя перемена была более чем радикальной. Помимо прочего, в переходном возрасте я стал рожденным свыше христианином, окончил среднюю школу и отучился в фундаменталистском библейском колледже – Библейском институте Муди (Moody Bible Institute), так что имел за плечами два года серьезной подготовки в библеистике и богословии. В колледже нам не позволялось курить («Тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа», как учит Новый Завет, и вы же не хотите осквернять Храм Божий!), пить алкогольные напитки («Не упивайтесь вином», – говорит Библия; мне тогда не приходило в голову, что, может быть, можно упиваться виски) или, скажем, делать много других вещей, которые делают нормальные люди в этом возрасте: ходить в кино, танцевать, играть в карты. На самом деле я не был согласен с принятым в школе «кодексом поведения» (там также были свой дресс-код и даже «код» для мужских волос: запрет на длинные волосы и бороды), но мое мнение: если уж я решил туда идти, то должен был играть по их правилам. Если бы я хотел иных правил, я мог бы пойти в другое место. Но самое главное – из четырнадцатилетнего ученика чуть выше среднего уровня, думающего в основном о спорте, имеющего слабое представление о мире или о своем месте в нем и без особой склонности к правдолюбию, я стал девятнадцатилетним студентом, чрезвычайно ревностным, скрупулёзным, благочестивым (по-фарисейски), прилежным к учёбе, верным христианином-евангеликом с твердыми представлениями о том, что правильно, а что нет, где истина и где заблуждение.

Мы в колледже были весьма преданы истине. Я бы сказал, даже сегодня, что нет на планете человека, более преданного истине, чем серьезный и честный христианин-евангелик. И в колледже мы были именно серьезны и честны. Истина для нас была так же важна, как сама жизнь. Мы верили в Истину с большой буквы. Мы клялись говорить истину, мы ожидали истину, мы искали истину, мы изучали истину, мы проповедовали истину, мы верили в истину. «Слово Твое есть истина» – говорит Писание, и сам Иисус был «путь, и истина, и жизнь». Никто не может «прийти к Отцу», кроме как через него, истинное «Слово,

ставшее плотию». Только неверующие, подобные Понтию Пилату, могли в смущении спросить: «Что есть истина?» Как последователи Христа мы относились совершенно к другой категории. Как сам Иисус сказал: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными».

Наряду с нашей преданностью истине мы верили в объективность. Мы имели дело только с объективной истиной. Не существовало такой вещи, как «субъективная истина». Что-то было либо истиной, либо ложью. Личные чувства и мнения не имели к этому никакого отношения. Объективность была реальна, возможна, достижима и доступна для нас. Именно благодаря нашему объективному знанию истины мы познали Бога и что есть Бог (и Христос, и Дух, и всё остальное).

Один из парадоксов современной религии заключается в том, что абсолютная приверженность истине в некоторых формах евангелического и фундаменталистского христианства и сопутствующее мнение, что истина объективна и может быть проверена любым беспристрастным наблюдателем, заставили множество верующих следовать истине, куда бы она ни повела. А то, куда она приводит, часто находится далеко от самого евангелического и фундаменталистского христианства. Так что, если, теоретически, у вас получается проверить «объективную» истину религии и по результатам такой проверки религия оказывается ложной, где вы окажетесь? Если вы христианин веры евангельской, вы окажетесь в пустыне за пределами евангелического лагеря со своим нераскаянным видением истины. Объективная истина, перефразируя одну не особо христианскую песню, «стала погибелью для многих бедолаг, и, Боже, знаю, я один из них» (песня «House Of Rising Sun». – Прим. пер).

Прежде чем переместиться в пустыню (которая, как оказалось, представляла собой цветущий рай по сравнению с бесплодным лагерем фундаменталистского христианства), я чрезвычайно интересовался «объективными доказательствами» веры: доказательством того, что Иисус физически воскрес из мертвых (пустая гробница! очевидцы!), доказательством того, что Бог действовал в этом мире (чудеса!), доказательством того, что Библия – непогрешимое слово Божие, лишенное каких-либо ошибок. В результате я посвятил себя области исследований, известной как христианская апологетика.

Термин «апологетика» греческого происхождения и значит для нас разумное обоснование или защиту веры. Христианская апологетика заключается в том, чтобы показать не только разумность веры во Христа, но и то, что истинность христианского благовестия очевидна, как в этом может убедиться любой, лишь бы он пожелал отложить неверие и объективно посмотреть на доказательства.

Причина, по которой эта преданность доказательствам, объективности и истине вызвала со временем так много благонамеренных евангелических проблем, заключается в том, что евангельские христиане (по крайней мере, некоторые из них), на самом деле уверены, что если что-то истинно, то это обязательно исходит от Бога, а самое худшее, что вы можете сделать, это уверовать в то, что является ложным. Но поиск истины приводит вас туда, куда ведут доказательства, даже если поначалу вы и не хотели туда идти.

Чем больше я изучал евангелические утверждения об истине, касающиеся христианства, особенно касающиеся Библии, тем больше я понимал, что «истина» уводит меня куда-то, куда я вовсе не хотел идти. Когда я окончил колледж Муди и пошел в колледж Уитон (Wheaton College) для завершения степени бакалавра, я прошёл курс греческого, так что смог читать Новый Завет на языке оригинала. Оттуда я поступил в Принстонскую духовную семинарию, чтобы учиться у одного из великих специалистов по греческому Новому Завету Брюса Мецгера; я писал под его руководством магистерскую диссертацию, а затем и докторскую. Во время моей дипломной работы я изучал текст Нового Завета усердно, интенсивно и подробно. По одним лишь книгам Нового Завета, изучавшимся на языке оригинала, я взял выпускной семинар длиной в семестр. Я писал работы по трудным местам. Я читал всё, что мог достать. Я был одержим учебой и истиной, которую я мог обрести.

И прошло совсем не много времени, когда я начал понимать, что «истина» о Библии вовсе не то, что я когда-то думал, будучи убежденным евангельским христианином в колледже Муди. Чем больше я видел, что Новый Завет (не говоря уже о Ветхом Завете, где проблемы еще более серьёзные) переполнен противоречиями, тем больше я становился неспокоен. В Муди я думал, что все противоречия могут быть объективно согласованы. Но в конце концов я увидел, что на самом деле это не так. Я боролся с этими проблемами, я молился о них, я изучал их, я искал духовного руководства, я прочитал все, что мог. Но как человек, который верил, что истина была объективна, и который не желал верить в то, что было ложным, я пришел к выводу, что Библия не могла быть тем, что я о ней думал. В Библии есть ошибки. И если в ней есть ошибки, это уже не вполне истина. Это было проблемой для меня, потому что мне хотелось верить в истину, божественную истину, а я увидел, что Библия вовсе не является всецело божественной истиной. Библия была очень человеческой книгой.

Но на этом проблемы не закончились. В конце концов, я осознал, что Библия содержит в себе не только погрешности и случайные ошибки. Она также содержит то, что большинством в наше время признаётся ложью. Об этом и будет настоящая книга.

Истина в истории христианства

Можно смело утверждать, что нынешняя одержимость истиной среди евангелических деноминаций была обусловлена преданностью истине в первые годы христианства. Это одна из особенностей христианства, выделяющая его среди других религий античности.

Сегодня большинство людей не понимает, что древние религии практически никогда не интересовались «истинными верованиями». Языческие религии, под которыми я подразумеваю неиудейские и нехристианские политеистические культы подавляющего большинства жителей Древнего мира, не имели вероисповедных формулировок, требующих торжественного зачитывания, верований, требующих подтверждения, или писаний, которые должны быть восприняты как богооткровенные. Истина являлась предметом интереса философов, а не практикующих верующих (если только последние также не интересовались и философией). Как ни странно это выглядит для нас, древние религии не требовали от человека веры в ту или иную вещь. Религия касалась правильности практик, идёт ли речь о жертвах богам, например, или общепринятых молитвах. Более того, поскольку религия не особо касалась предмета веры и поскольку все существовавшие религии позволяли или даже приветствовали служение многим богам, у человечества практически не было мысли, что если одна религия права, то остальные неправы. Они все могли быть правы! Было много богов и много образов поклонения им, а отнюдь не единственный путь к божеству.

Конечно, эта точка зрения, доминировавшая в античности, стоит в полном противоречии с нашими представлениями о религии. В наших представлениях если правы баптисты, то неправы католики, если правы иудеи, тогда неправы буддисты, если правы мусульмане, тогда неправы христиане и так далее. А в древности было не так, и служение Зевсу не было более правильным, чем служение Афине, Аполлону, богам-покровителям вашего города или семьи.

Другое ключевое различие между современностью и античностью заключалось в том, что древние политеистические религии не придавали слишком большого значения загробной жизни. Они заботились о настоящей жизни. О том, как выжить в жестоком и изменчивом мире и как достичь в нем процветания, как быть уверенным, что пойдёт дождь и взойдёт урожай, как пережить болезни и войны, как избежать голода, как сделать свою жизнь насыщенной и плодотворной и как заставить без памяти влюбиться в себя юношу или девицу по соседству.

Среди многих вещей, отличавших христианство от прочих религий Римской империи (частично исключая иудаизм), было представление христиан о том, что важен предмет веры,

что вера в правильные вещи делает тебя правым, а вера в ошибочные – неправым и что если ты неправ, то будешь наказан вечным адским пламенем. В отличие от других религий христианство считало себя единственным и исключительным. Оно считало себя пребывающим в Истине, а все прочие религии – пребывающими в заблуждениях. Более того, эта истина касалась утверждений о Боге (например, что он только один и что он творец мира), о Христе (что он и Бог и человек одновременно), о спасении (что оно приходит только через веру во Христа), о вечной жизни (каждый будет спасен или осужден навечно), и т. д. [1]

Христианская вера пришла, чтобы твердо укорениться в представлениях об истине, которые, в конце концов, приняли ритуальные формы, как, например, Никейский Символ веры. В результате для обоснования своей веры христианам с самого начала пришлось ссылаться на авторитеты. Вы верите, что это мнение истинно, а это – нет? А на чьем авторитете вы это основываете? Конечным авторитетом был Бог, конечно. Но большинство христиан пришло к убеждению, что Бог не открывает истин веры простым людям. Если бы он так поступил, возникли бы невероятные проблемы, поскольку одни ссылались бы на божественный авторитет для утверждения своего учения, а другие делали бы то же самое для утверждения противоположного. Таким образом, большинство христиан не делало акцента на личные божественные откровения. Вместо этого они настаивали, что Бог открыл свою истину ещё в прежние времена через Христа его апостолам. Вот апостолы изначальной церкви и были теми авторитетами, которым можно было доверять. Но когда все апостолы покинули этот мир, где было найти им замену?

Можно заявить (и многие заявляли), что главам церквей, которых поставили апостолы, было передано их учение, так что авторитет этих глав был равен божественному. Бог послал Иисуса, тот избрал апостолов, они научили своих преемников, которые передали священное учение простым христианам [2]. Однако в связи с этим возникло несколько проблем. С одной стороны, по мере умножения церквей ни одна из них уже не могла утверждать, что во главе её стоит кто-то знавший апостола или даже знавший кого-то, кто некогда знал апостола. А гораздо большей проблемой стало то, что разные главы церквей, не говоря уже о простых членах церкви, учили апостольским истинам, но эти «истины» оказывались в противоречии с апостольскими истинами, провозглашаемыми другими церквами.

Как было разобраться с этими проблемами? Очевидный ответ возник сам по себе тогда же, в самом начале христианского движения. Было известно, что апостолы учили через свои писания, которые остались после них. Эти авторитетные авторы произвели авторитетные учения, так что авторитетная истина содержалась в апостольских писаниях [3].

Хотя это и похоже на прекрасное решение проблемы, из него возникла другая проблема. Существует некая данность, которая не сильно обращала на себя внимание ранних христиан, зато остро осознается современными учеными. Большинство апостолов были неграмотны и просто не умели писать (подробнее см. Главу 2). То есть они не смогли бы оставить авторитетные писания, даже если бы от этого зависело спасение их душ. Другой проблемой было то, что начали появляться писания, которые претендовали на апостольское авторство, но при этом содержали самые эксцентричные и причудливые взгляды. В обращении были евангелия, надписанные именами учеников Иисуса – Петра, Филиппа, Марии и его братьев – Фомы и Иакова. Появились послания, якобы написанные Павлом (вдобавок к тем, которые он действительно написал), Петром и Иаковом. Апокалиптические писания, описывающие конец света или посмертную участь душ, появлялись под именами последователей Иисуса: Иоанна, Петра и Павла. Появились даже писания, якобы написанные самим Иисусом.

Существует много причин, по которым авторами этих писаний не могли быть те, за кого они себя выдавали, и это понимали даже ранние христиане. Мнения, представленные в этих писаниях, часто расценивались как еретические (т. е. передающие ложные учения), они противоречили друг другу и тем учениям, которые уже стали в церкви общепринятыми. Но зачем было авторам прятаться за чужими именами? Зачем говорить о себе, что он апостол,

когда на самом деле он им не является? Зачем неизвестному человеку писать книгу и при этом называть себя Петром, Павлом, Иаковом, Фомой, Филиппом или даже Иисусом?

Ответ совершенно очевиден. Если тебя зовут Иосафат и никто (кроме твоих ближайших родственников) понятия не имеет, кто ты такой, а ты хочешь написать авторитетное Евангелие о жизни и учении Иисуса или авторитетное письмо, говорящее христианам, как им следует жить и во что верить, или вдохновенный апокалипсис, детально описывающий посмертный путь души, тебе, право, не стоит подписывать книгу своим именем. Никто не воспримет Евангелие от Иосафата всерьёз. Если уж хочешь, чтобы это было кем-то прочитано, назовись Петром. Или Фомой. Или Иаковом. Иными словами, соври про себя.

Часто говорится – даже учеными, которым бы уж следовало знать, – что этот род псевдонимных (т. е. носящих ложные имена) писаний в античном мире не рассматривался как лживый и вовсе не преследовал обманной цели. Часть моей книги посвящена опровержению этой точки зрения как совершенно несостоятельной (см. Главу 4). Античные авторы, говорившие о практике надписания своих книг чужими именами, называют её и лживой, и обманной, и непринятой в обществе.

Многие ранние христианские произведения псевдонимны, известны под ложными именами. Более общее слово для писаний такого рода – подложные (более точные определения этим терминам см. в Главе 1). В античном мире литературный подлог несколько отличался от сегодняшнего тем, что формально не был противозаконен. Но хотя он и не являлся незаконным родом деятельности, он считался обманным, поскольку строился на сознательной лжи, как об этом говорили сами жители античного мира.

Ключевой вопрос вот в чём: возможно ли, что в состав Нового Завета проникли некоторые раннехристианские подлоги? Что некоторые из книг Нового Завета не написаны теми апостолами, которым они приписываются? Что некоторые послания Павла были написаны не Павлом, а кем-то, кто себя за него выдавал? Что послания Петра не принадлежат Петру? Что Иаков и Иуда не писали книг, которые носят их имена? Или – несколько иной случай, как мы увидим, – что Евангелия от Матфея, Марка, Луки и Иоанна не были на самом деле написаны ни Матфеем, ни Марком, ни Лукой, ни Иоанном?

Ученые уже больше ста лет назад поняли, что так оно и есть. Авторы некоторых книг Нового Завета не те, за кого себя выдают или за кого их считают. В некоторых случаях это произошло из-за того, что автор изначально никак не назвал себя и позже его труд получил чьё-то чужое имя. Маловероятно, что Матфеем было написано Евангелие от Матфея, а Иоанном – от Иоанна (см. Главу 7). С другой стороны, эти книги и не претендуют быть ими написанными. В иных случаях это произошло потому, что автор солгал о себе, претендуя быть тем, кем он не был на самом деле. Как я уже упоминал, некоторые ученые долго отказывались называть этот род авторской деятельности обманом, а его рабочую продукцию – подлогом. И в дальнейшем я поясню подробнее, что тем ученым, которые действительно знакомы с высказываниями об этом явлении античных авторов, подобного рода сомнения неизвестны.

Скорее всего, античные авторы, которые скрыли свои настоящие имена, чувствовали себя вполне комфортно, и совесть их не мучила, поскольку они считали сделанное ими совершенно оправданным. Сами по себе они могли думать и верить, что у них для этого были весьма существенные причины. Но как мы увидим в последующих главах, по античным стандартам сами они считались фальсификаторами, а их произведения – фальшивками.

Позвольте просто подытожить это введение тем фактом, что я провёл последние пять лет за изучением литературных подделок в античном греко-римском мире, особенно христианском (хотя и не только). Моей целью было написание подробной научной монографии, касающейся этой проблематики. Но книга, которую вы сейчас читаете, не

является этой монографией. В настоящей книге я пытаюсь обсудить тему на непрофессиональном уровне, подчеркивая по-настоящему интересные аспекты проблемы результатами собственных исследований и рассказывая то, что ученые уже давно знали о книгах Нового Завета и псевдонимных христианских произведениях, не входящих в новозаветный канон. Готовящаяся к выходу научная монография будет гораздо более тщательно документирована и технически аргументирована, а эта книга не предназначена для моих ученых коллег, которые если и прочитают её, то только из любопытства. Она предназначена для тебя, обычного читателя, который, как и я, когда-то заинтересовался истиной.

1. Мир фальшивок и подлогов

Всегда, когда я читаю лекции о подлогах, я мысленно возвращаюсь к своей первой лекции по этому предмету двадцать пять лет назад в Рутгерском университете. Как это ни покажется странным, тогда все только и говорили о подлоге. Всего несколькими месяцами ранее тема подлога не сходила с первых страниц мировых газет. Ведь были открыты дневники Адольфа Гитлера, и их подлинность была подтверждена одним из главных мировых экспертов по фюреру британским историком Хью Тревором-Ропером. Дневники были куплены за несколько миллионов долларов сначала немецким журналом «Штерн», а затем Руперт Мердок выкупил права на публикацию в Великобритании. Но едва им стоило появиться на свет, стало ясно, что это ничего не стоящая фальшивка [4].

Изготовителем фальшивки был житель Западной Германии Конрад Куяу. Вырос он в бедной рабочей семье и в раннем возрасте обнаружил таланты художника, что открыло перед ним карьеру мошенника. Некоторое время ему пришлось провести в тюрьме для малолетних преступников за подделку талонов на питание, но он пользовался разными именами, да и покупатели дневников Гитлера не усердствовали в изучении его биографии.

Дневники Гитлера состояли из почти шестидесяти переплетенных тетрадей, якобы исписанных Гитлером от руки в пору его пребывания у власти с июня 1932-го до самого конца в 1945 г. Для коллекционеров нацистских реликвий такое открытие было бы бесценно. У нас есть много документов и картин, принадлежащих руке фюрера, но нет ничего, подобного этому: личный отчет о повседневной деятельности, встречах, успехах, неудачах, симпатиях, антипатиях и случайных мыслях. Когда «Штерн» вступил во владение рукописями и решил публиковать их в течение 1984 года, издатели проконсультировались с Тревор-Ропером, который, несмотря на первое подозрение в подделке, убедился в их подлинности после беглого просмотра нескольких страниц. Документы выглядели старыми, содержали много подлинной информации и не относящихся к делу отступлений, которые так естественны для личного дневника. И их было так много! Какой подделыватель взялся бы за такую работу?

Кроме того, существовало правдоподобное объяснение тому, как дневникам удалось сохраниться. Хорошо известно, что когда поражение стало неизбежным, Гитлер самолётом отправил из Берлина несколько металлических ящиков со своим имуществом, но самолёт был сбит и пилот погиб. Местные крестьяне растащили обломки самолёта, и ящики оказались в частных руках. Позднее коллекционеры стали скупать такого рода реликвии, и одним из них оказался Конрад Фишер (вымышленное имя Конрада Куяу), которому и достались дневники. Якобы они были контрабандой переправлены через границу его братом, генералом армии ГДР.

На самом деле это всё было фальсификацией Куяу, который научился прекрасно имитировать почерк Гитлера, подробно изучил его биографию по авторитетным источникам и старательно корпел над подделкой дневников три года подряд в начале 1980-х. Чтобы состарить бумагу, он мочил её чаем и сушил, распластав на столешнице. И дурачил он экспертов довольно долго, так что успел получить 4,8 миллиона долларов за свои усилия.

Однако за день до назначенной публикации дневников Тревор-Ропер начал сомневаться. В течение следующих нескольких дней, когда «Штерн» уже объявил о самой значимой исторической находке последних десятилетий, были привлечены другие специалисты. И они признали дневники подделкой вне всякого сомнения. Эксперты-криминалисты обнаружили, что бумага, клей и чернила изготовлены уже после 1945 года, а историки указали на массу фактических ошибок в дневниках.

Куяу был обвинен в подлоге, по нынешним законам являющемся преступлением (однако, как мы увидим, не по древним меркам), и провел несколько лет в тюрьме. Вышел он оттуда всё же нераскаявшимся и провёл большую часть оставшейся жизни изготавливая имитации Моне, Рембрандта и Ван Гога, но уже продавая их именно как имитации. Это даже создало рынок для других подделывателей, которые изготавливали и продавали копии с имитаций Куяу. В итоге этой затянувшейся истории Куяу к концу своей жизни написал автобиографию, но так и не издал её. Вместо неё под его именем вышла книга «Подлинность подделки». Куяу клятвенно утверждал, что ни одного слова в ней им написано не было.

Подлоги в Древнем мире

Когда я читаю публичные лекции о подделках, то часто слышу вопрос: «Кто способен на такие вещи?» Ответ прост: «Да многие!» И по многим разным причинам. Сейчас самая распространенная причина, конечно, это деньги. Конрад Куяу здесь служит самым известным и показательным примером, но у него есть сотни менее известных коллег и последователей. Торговля подделками по-прежнему процветает. Фальшивки, якобы принадлежащие Джорджу Вашингтону, Аврааму Линкольну, лорду Байрону, Роберту Фросту и многим, многим другим, продолжают наводнять рынок, о чем ярко свидетельствует новейшая литература по современным подделкам [5]. Все эти подделки почти всегда изготавливаются для того, чтобы быть проданными в качестве подлинников. В Древнем мире этот род деятельности также процветал, только не хватало экспертов, которые могли бы определить подлог. Но в самом христианстве материальная заинтересованность никогда не была главным фактором по очень простой причине: христианские книги, в общем-то, не предназначались для продажи.

Иные мошенники в наши дни готовы подделать документ просто для того, чтобы посмотреть, получится ли это у них. Такое также случалось и в Древнем мире. Самый известный пример – это хорошо известная история Дионисия Гераклейского.

Дионисий был образованным ученым и философом III в. до н. э. В конце жизни он заработал прозвище «Перебежчик», потому что отпал от учения стоицизма, когда осознал, что его философские взгляды противоречат реальному жизненному опыту. Стоики учили, что люди должны умственно и эмоционально удалиться от боли и страданий этой жизни, чтобы обрести внутреннее спокойствие духа. Долгое время Дионисий и следовал этой установке. Но потом он заболел и испытал очень много боли, в результате чего пришел к выводу о лицемерности своих философствований о ней. Тогда он покинул стоиков, за что они и назвали его перебежчиком.

Но по-настоящему известным его сделала история с проделкой, которую он устроил другому философу, своему бывшему учителю и неизменному оппоненту Гераклиту Понтийскому. Проделка была основана на подлоге, и имела целью выставить Гераклита в глупом виде [6].

Дионисий написал и пустил в обращение трагедию, которую назвал «Парфенопей», утверждая, что эта пьеса принадлежит известному греческому драматургу Софоклу. Пьеса попала в руки Гераклиту и не вызвала у него сомнений в её подлинности. Гераклит стал постоянно цитировать её, говоря о Софокле. Именно на это Дионисий и рассчитывал, чтобы посмеяться над своим недругом. Он триумфально предстал пред Гераклитом и заявил, что пьеса подделана им самим. Гераклит, однако, не поверил ему и принялся настаивать, что Дионисий лжёт. Но у Дионисия была пара козырей в рукаве. Он указал Гераклиту, что если

сложить начальные буквы строк первой части пьесы в акростих, то получится имя Панкалос, которое принадлежит любовнику Дионисия.

Гераклита это не убедило, и тогда Дионисий предъявил ему два других акростиха, полученных из текста. Первый представлял собой поэтический куплет:

На старых обезьян ловушек нет.

Есть и на них: дай срок, и попадутся.

Другая строка была ещё более оскорбительна:

И не стыдно тебе, Гераклит, что ты и буквы складывать разучился?

Мы не найдём ничего столь же веселого или оскорбительного в трудах первых христиан. Мы не имеем достаточно свидетельств того, чтобы кто-то из христианских авторов подделывал документы, лишь чтобы увидеть, получится ли это у него. Тем не менее было много раннехристианских подделывателей, которые совершили массу подлогов по многим иным причинам. Как я уже отмечал во Введении, у нас есть многочисленные поддельные документы, относящиеся к ранней церкви: различные Евангелия, Деяния, Послания и Апокалипсис (все четыре литературных жанра Нового Завета), и все они претендуют на апостольское авторство.

Многие из этих неканонических книг примечательны и заслуживают прочтения [7]. Среди них есть, например, Евангелие от Петра, которое даёт детальное описание Воскресения. Это необычно, потому что – многие читатели этого даже не замечали – новозаветные Евангелия не дают никакого описания. Они говорят, что Иисус был похоронен и что в третий день гроб был пуст, но не рассказывают, как происходило исхождение из гроба. А в Евангелии от Петра такое описание есть, и, согласно ему Иисус вышел из гроба, поддерживаемый двумя ангелами, которые были высотой с гору, а Иисус был ещё выше, и сзади них поднялся Крест, говорящий с Богом в Небесах. Другие «апостольские» Евангелия, якобы написанные братом Иисуса Фомой, его учеником Филиппом и Марией Магдалиной, рассказывают другие поразительные истории об Иисусе или передают эксцентричные поучения, якобы им сказанные. Все эти книги претендуют на подлинность, и все они были признаны подложными ещё ранними христианами, которые не поверили, что апостолы могли такое написать.

Есть ещё неканонические Деяния, которые рассказывают о приключениях апостолов после вознесения, например, Деяния Павла, в которых Павел учит, что для того, чтобы наследовать жизнь вечную, последователи Иисуса должны воздержаться от секса даже в браке и избегать брака, если ещё не вступили в него. Эта книга была сфальсифицирована в Малой Азии (территория современной Турции) во втором столетии. Мы знаем об этом благодаря известному отцу церкви Тертуллиану, который рассказывает, как некий пресвитер был пойман на подлоге и по церковному суду без церемоний лишен своего места [8]. Большинство церковных руководителей ни во что не ставили фальшивки, но всё равно множество их ходило в обращении. До сих пор у нас есть полные копии Деяний Иоанна, Петра, Андрея и Фомы, а также фрагменты более ранних работ, которые целиком не сохранились.

Были также поддельные послания, среди которых есть переписка между Павлом и Сенекой, которая призвана показать, что Павел не только был тесно знаком с величайшими умами империи, но также ценился и почитался ими. Некоторые позднейшие главы церквей считали эту переписку подлинной, но прочие считали её подлогом, совершенным ради большего прославления Павла. Были и дебаты относительно подлинности других посланий Павла, Петра и даже Иисуса. Некоторые из этих писаний сохранились.

Христианский литературный мир наполнен также подложными апокалипсисами, включая интереснейший экземпляр, обнаруженный в 1886 году в египетском захоронении: рассказ Петра, ведущийся от первого лица, о персональной экскурсии по раю и аду, которую провёл для него сам Иисус, о надлежащем благоденствии спасенных и страшных мучениях

проклятых. Эта книга, как оказалось, едва не попала в канон Нового Завета, поскольку даже в четвертом столетии в церковном руководстве были люди, считавшие её Священным Писанием. Другие, правда, считали её подделкой.

Это лишь несколько документов из тех, о которых спорили в Древнем мире. Одни христиане считали, что это действительно апостольские труды и их место в Новом Завете, другие настаивали, что это подделки. Сколько было всего таких документов? Мы никогда не узнаем. В настоящее время нам известно более ста писаний первых четырех веков, которые считаются подделками, изготовленными самими христианами [9].

Ранние христианские подделки

В большинстве только что упомянутых случаев речь шла о подделках второго, третьего и четвертого столетий. Но большая часть книг Нового Завета была написана в первом веке. Есть ли какие-нибудь свидетельства, что подлоги совершались и в этот ранний период? Да, есть очень хорошие свидетельства, и присутствуют они на самих страницах Нового Завета.

В Новом Завете содержится тринадцать посланий, которые считаются принадлежащими апостолу Павлу, в том числе два послания Фессалоникийцам. Во втором из них есть весьма интригующая фраза, в которой автор наставляет своих читателей не смущаться письмом, «как бы» им посланным и говорящим о наступлении «дня Христова» (2 Фес 2:2). Иными словами, автор знает о существовании письма, написанного от имени Павла, но Павлу не принадлежащего. И это письмо, как видно, учит тому, с чем Павел спорит. Кто мог совершить такой подлог? Очевидно, что некий человек, который желает распространить свои собственные взгляды о времени конца света, и решает эту задачу, прикрываясь именем Павла, хотя сам Павлом не является.

Но этот пассаж сам по себе вызывает иронию. Дело в том, что, согласно широко принятому в ученом мире мнению, Второе послание Фессалоникийцам не принадлежит авторству Павла, хотя и претендует на это (почему это так, мы увидим в Главе 3). Если 2 Фес является подложным, почему оно предупреждает о другом подлоге? Можно не сомневаться в ответе: одним из приёмов, которые использовали древние подделыватели с целью убедить читателей в подлинности своих писаний, было предупреждение против подложных писаний. Конечно, читатели понимали, что автор не будет делать то, что осуждает [10].

Есть и другие интересные примеры этого феномена в ранней христианской литературе. Так, три века спустя, к концу четвертого столетия появилась книга, которую принято называть Апостольские Постановления. Эта пространная книга в восьми частях даёт инструкции, касающиеся организации и управления церковью. О себе книга сообщает, что она написана Климентом (четвёртым епископом Рима, согласно преданию), поставленным управлять церковью самим апостолом Петром. На самом деле книга была написана три века спустя после того, как Климент упокоился, и является подлогом. Более того, книга называется «апостольскими» Постановлениями потому, что в ней содержатся советы и указания самих апостолов, которые часто говорят о себе от первого лица: «я, Петр» говорю это, «я, Иоанн», «я, Иаков» и т. д. Одна из самых чудесных инструкций, данных настоящим автором (мы не знаем, кто им был на самом деле), появляется в конце и указывает своим читателям не принимать книги, которые якобы написаны апостолами, хотя на самом деле им не принадлежат. Иными словами, автор говорит своим читателям не читать таких книг, как та, которую они читают, т. е. подложную. Зачем было вставлять сюда такую инструкцию? Снова, как и в 2 Фес, это должно завоевать доверие читателей.

Во Втором послании Фессалоникийцам мы имеем дело с особенно интересной ситуацией. Независимо от отношения к подлинности письма, оно со всей определенностью указывает на существование подложных посланий Павла в самую раннюю новозаветную эпоху. Если, как считают одни ученые, Павел написал 2 Фес на самом деле, – тогда оно показывает, что

Павел сам знал о существовании подлога со своим именем, полученного Фессалоникийской церковью. Но если правы другие ученые и Павел не писал 2 Фес, тогда это обращавшееся в церкви послание само было подложным. В любом случае мы видим, что подложные письма под именем Павла существовали уже в первом веке.

Есть ли другие подделки, относящиеся к ранней христианской эпохе? Я рассматриваю этот вопрос подробнее в дальнейшем, при изучении свидетельств существования новозаветных книг, написанных не теми людьми, которым они приписываются. Но сейчас я лишь хотел бы обратить внимание, что это вовсе не находки современных ученых. Авторство многих книг Нового Завета обсуждалось ещё в раннем христианстве, среди христианских ученых, когда решалось, какие книги могут войти в Священное Писание.

Самый известный пример – это книга Откровения. В третьем веке ученый из Александрии по имени Дионисий настаивал, что книга не была написана апостолом Иоанном, сыном Зеведея. Аргумент Дионисия был и остается убедительным даже для современных ученых. Дионисий считал, что стиль письма так разительно отличается от стиля Евангелия от Иоанна, что просто не мог принадлежать одному и тому же человеку (современные ученые здесь отличаются от Дионисия лишь тем, что и Евангелие считают вряд ли написанным Иоанном). Дионисий полагал, что было два автора с одним именем, которых впоследствии смешали друг с другом. Но интересно то, что, согласно Евсевию Кесарийскому, Дионисий имел предшественников, которые вообще настаивали, что авторство Откровения принадлежит даже не какому-то другому Иоанну, а еретику по имени Керинф, который пытался через этот подлог утвердить своё учение о тысячелетнем царстве Божием на земле [11].

Маленькое послание Иуды, якобы написанное братом Иисуса, также было предметом спора в Древней церкви. Некоторые христиане (в частности, об этом говорит Иероним Стридонский [12]) считали, что оно не может быть подлинным, так как цитирует апокрифическую книгу Еноха словно Священное Писание. Второе послание Петра отвергалось многими из ранних отцов церкви, как об этом говорилось и у Иеронима, и у Евсевия, но наиболее прямо об этом говорил александрийский учитель Дидим Слепец: «Послание является фальшивым, и ему не место в каноне священных текстов» [13]. Петр, иными словами, не писал этого письма, хотя автор и заявляет противоположное.

Другие христианские учителя дискутировали о подлинности Первого и Второго посланий Тимофею, причем некоторые считали, что Павел не мог написать их по самому их контексту [14]. Послание к евреям обсуждалось также. Книга не говорит прямо, что написана Павлом, но автор применяет в конце некоторые уловки, чтобы читатель подумал, что он – Павел (см. Евр 13:22–25). Авторство письма обсуждалось столетиями. В конце концов, книга была включена в канон, когда уже практически каждый считал, что её написал Павел.

В общем, в Древней церкви имели место очень продолжительные и часто горячие споры о подлинности документов. Ранние христиане понимали, что в обращении находится огромное количество подложных писаний, и они хотели знать точно, какие книги были подлинными, а какие нет. Как мы дальше увидим, практически никто не оправдывал практику подлогов. Напротив, фальшивки всячески осуждались даже в самих подложных документах (как 2 Фес и Апостольские Постановления).

В основном эта книга сосредоточена на примерах подделок в раннем христианстве. Но чтобы грамотно осветить вопрос раннехристианских подлогов, придётся немного отступить и рассмотреть феномен подлогов в Древнем мире более широко. Этому мы и посвятим остаток этой главы. Мы начинаем очень важный разговор о терминологии, которую будем использовать в дальнейшем.

Термины, которые нам понадобятся

Первые два термина носят технический характер, и хотя я не буду их часто использовать, важно понимать их смысл. «Ортоним» (буквально – «правильное имя») – это произведение, действительно написанное человеком, который претендует на его авторство. Практически все сходятся на том, что из тринадцати посланий апостола Павла, имеющихся в Новом Завете, только семь являются ортонимами, то есть действительно написаны им.

«Омоним» (буквально – «одинаковое имя») – это текст, написанный кем-то, кто по случайности носит то же имя, что и кто-то другой. В Древнем мире большинство людей не имело фамилии, и множество людей носило одинаковые имена. На христиан это правило распространяется так же, как на всех остальных. Например, было много Иоаннов, Иаковов или Иуд. Если некто по имени Иоанн написал книгу Откровения и подписался своим именем, совсем не обязательно думать, что он выдавал себя за какого-то другого Иоанна. Когда позднейшие христиане решили, что этот Иоанн должен быть апостолом Иоанном, сыном Зеведея, в этом не было вины автора. Он просто носил то же имя, что и его более известный тезка. В таком случае его книга оказывается не подложной, а омонимной, что является безопасным допущением для большинства ученых критиков. А в канон она была включена из-за ошибочной идентификации.

Другие писания «анонимны», то есть, буквально, «не имеют имени». Это тексты, авторы которых себя не обозначили. Формально к ним относится добрая треть новозаветных книг. Ни одно из Евангелий не сообщает нам имя своего автора. Уже позднее христиане дали им имена Матфея, Марка, Луки и Иоанна, и переписчики включили эти имена в названия книг. Также анонимны Деяния и все три послания Иоанна. Опять же формально это относится к Посланию к Евреям: его автор ни разу не называет себя, хотя и пытается казаться Павлом [15].

С термином «псевдоним» (буквально – «ложное имя») всё немного тоньше, и мне придётся объяснить, как я буду его использовать. Формально он относится к любой книге, которая появляется не под своим именем, но следует различать два типа псевдонимов. Иногда автор сам берёт литературный псевдоним. Когда Сэмюэл Клеменс написал «Гекльберри Финна» и подписался Марком Твеном, он не пытался выдать себя за какую-то знаменитость; это был просто литературный псевдоним, который призван скрыть настоящее имя. То же и с Мэри Энн Эванс, написавшей «Сайлес Марнер» и подписавшейся Джорджем Элиотом. Подобное использование литературного псевдонима не было типично для Древнего мира, хотя отдельные случаи нам известны: греческий историк Ксенофонт, например, написал свой известный «Анабасис» под именем Фемистогена, а греческий философ Ямвлих написал трактат «Египетские мистерии» под вымышленным именем Аббамон. В этих случаях нет ничего похожего на то, что автор пытался выдать себя перед читателями за кого-то известного [16].

Совсем другой вид псевдонимного произведения – это книга, подписанная чужим именем, принадлежащим, как правило, личности известной и авторитетной для читательской аудитории. Для обозначения этого типа литературы я буду использовать термин «псевдоэпиграф» (буквально – «ложно подписанный»). Таким образом, псевдоэпиграф – это произведение, претендующее на авторство известного или авторитетного человека, на самом деле не создававшего его.

Но, оказывается, есть и два типа псевдоэпиграфов. Иногда произведение выходит в свет анонимно, без указания авторского имени, как это было, например, с Евангелием от Матфея. Но со временем читатели и переписчики приходят к убеждению, что они знают, кто был автором, и утверждают, что это известная и авторитетная личность, в данном случае апостол Матфей. В писаниях такого рода автор не пытался никого обмануть, просто его работа была неправильно атрибутирована [17]. Сам он остался анонимен, и лишь позднейшие читатели делают какие-то заявления относительно авторства. То есть этот псевдоэпиграф был ошибочно приписан кому-то, кто его не писал.

Второй вид псевдоэпиграфов представляет собой намеренный обман автора. Это происходит, когда автор намеренно представляется чужим именем. Именно это я и называю подлогом. Таким образом, я определяю подлог как текст, который говорит о себе, что он написан некой известной личностью, которая на самом деле его не писала.

За прошедшее время мне неоднократно приходилось сталкиваться с людьми, которые отвергали моё определение термина «подлог», и я хорошо понимаю сомнение других ученых в его правильности. В английском языке у этого слова есть также значение «фальшивка», а в современном мире, когда мы говорим о фальшивке, мы подразумеваем в высшей степени незаконную деятельность вроде подделки драгоценных камней, денег или книг с целью извлечения прибыли. Обычно за это отправляют в тюрьму. Древних изготовителей литературных фальшивок за это в тюрьму не сажали просто потому, что не было законов, регламентировавших изготовление и распространение книг. Например, не было закона об авторских правах. Но сами древние авторы прекрасно видели в этом мошенничество, распознавали обман и называли жульничеством (а то и жёстче), и нередко наказывали подделывателей сами, если те попадали к ним в руки. Поэтому, когда я использую термин «подлог», я подразумеваю все содержащиеся в нем отрицательные коннотации, отчасти потому, что древние авторы, как мы видели, сами не скупились на негативные определения.

Тем не менее мой термин «подлог» не даёт правовую оценку документу в связи с преступной деятельностью его автора. Это лишь технический термин, касающийся одного из видов псевдоэпиграфов, в котором автор сознательно выдаёт себя за другого. Одним из общих тезисов моей книги является утверждение, что занимавшиеся этой деятельностью в Древнем мире резко осуждались за ложь и попытку обмануть своих читателей.

Мотивы создания подлогов

Если изготовление фальшивок всеми осуждалось, почему им всё-таки занимались? И какую оценку давали этому в собственных глазах? Это будет два основных вопроса до конца этой главы. Вопрос, «почему» они это делали, несколько сложен, и чтобы было проще в нем разобраться, следует провести различие между намерением и мотивацией. Думаю, разница понятна.

Если жена спросит меня: «Зачем ты идёшь в магазин?» – я могу дать разные ответы. Например, один будет таким: «Купить что-нибудь к ужину», а другой таким: «Потому что холодильник пустой». Это действительно разные ответы. Первый показывает, что я намереваюсь сделать в магазине: купить какую-то еду на вечер. Второй показывает, что заставляет меня идти в магазин: я мотивирован отсутствием еды в доме. Намерение и мотивация – это действительно разные вещи. Намерение отвечает за то, что вы хотите сделать, мотивация – за то, почему вы хотите это сделать.

Это положение вещей вполне применимо и к подделывателям. Между их намерениями и мотивацией есть разница. Практически в каждом случае подделыватель намерен обмануть читателей относительно своей личности, заставив их поверить, что он кто-то другой. Но у него может быть множество различных причин для того, чтобы хотеть этого.

Авторы подделок всегда имели разнообразные причины для своей деятельности. В наше время основной причиной являются деньги, как мы уже видели в истории с Конрадом Куяу и дневниками Гитлера. Но в античности это отнюдь не было главной причиной. Рынок для таких «подлинников» был крайне ограничен скромными возможностями книжной индустрии – не было массовых изданий и их широких продаж. Хотя обстоятельства, при которых поддельные книги могли принести доход, порой и возникали, как рассказывает нам Гален, известный сочинитель и врач, живший в Риме во II в. н. э.

Гален был чрезвычайно образованный и плодовитый писатель античного мира. И этот мир по большей части не имел публичных библиотек, доступных для народа. Но иногда местный правитель основывал библиотеку, предназначенную преимущественно для ученых,

и между такими библиотеками возникало что-то вроде состязания, чья коллекция окажется полнее. Ведь богатство собрания книг придавало библиотекам определенный статус, хотя бы и символический. Двумя самыми богатыми библиотеками античности были Александрийская в Египте и Пергамская в Малой Азии. Согласно Галену, создавшие эти библиотеки цари всячески стремились расширить свои собрания и особенно гнались за оригинальными текстами таких авторов, как Платон, Аристотель, Гиппократ, Эсхил, Софокл и Еврипид. Обладание оригиналами было чрезвычайно важно в век ручной письменности, потому что переписчики книг снабжали каждую новую копию новыми ошибками. Если же у тебя был оригинал, ты знал точные слова автора, не искаженные промахами местных писцов. Так что обе эти библиотеки были готовы щедро заплатить за оригинальные труды столь желанных для них авторов.

Вы будете поражены, сколько сразу «оригинальных» работ Платона, Аристотеля и Еврипида стало появляться на свет, лишь стало известно о чьей-то готовности заплатить за них золотом. Согласно Галену, недобросовестные писатели просто из жажды денег сразу стали производить массу подделок [18].

Мы видели и другую мотивацию или сочетание мотиваций в случае Дионисия Перебежчика. Можно подумать, что Дионисий затеял проделку с поддельной пьесой просто для того, чтобы посмотреть, как у него это получится. А можно решить, что он сделал это с целью выставить дураком своего заклятого недруга Гераклита. Из Древнего мира до нас дошли и другие примеры схожей мотивации одурачить кого-то. Но как показывает жизнь, в наше время подобный мотив тоже оказывается вполне действенен. Так, одному ученому едва не удалось ввести в заблуждение других своим «историческим открытием». Речь идёт о скандально известном «Тайном Евангелии от Марка», якобы найденным Мортоном Смитом в 1958 году [19].

Другие авторы фабриковали тексты с военными или политическими целями. Иудейский историк Иосиф Флавий, например, сообщает, что враг Александра, сына царя Ирода, написал письмо от имени Александра, в котором объявляет о своих планах убийства отца. Согласно Иосифу, подделывателем был секретарь царя, «дерзкий малый, изощрявшийся в подделке почерков обеими руками». Но план его провалился, и пойманный мошенник «поплатился жизнью за своё искусство» [20].

Подлоги в политике редко удавались, хотя иногда срабатывали. В третьем веке у римского императора Аврелиана был секретарь по имени Эрос, который навлёк на себя гнев господина и ожидал наказания. Действуя на опережение, он подделал и распространил список политических лидеров, которых император якобы собирался казнить за измену. Люди из этого списка восстали и убили императора [21].

Иногда мотивы для подделки были скорее религиозными, чем политическими. Это происходило, когда требовалось защитить от оппонентов религиозные установления, практики или чьи-то религиозные утверждения. Об одном из самых забавных таких случаев рассказывал Лукиан Самосатский, блестящий острослов и язвительный критик всего, где он замечал лицемерие. Один из весёлых трактатов Лукиана, «Александр Лжепророк», направлен против человека по имени Александр, который решил устроить «оракул», то есть место, где бог общается с людьми, в городе Абонотихе. Александр был сообразительным малым и понимал, что ему придётся убедить людей, будто бог Аполлон действительно решил общаться с народом через него, Александра, в этом новоустроенном месте для пророчеств, поскольку планировал получать плату за откровения Аполлона с тех, кто мог бы за ними прийти. Тогда, как рассказывает Лукиан, Александр подделал медные дощечки и закопал их в одном из самых древних и известных храмов Аполлона в Халкидоне. Когда дощечки вскоре были откопаны, стала распространяться молва о том, что было написано на этой «чудесной»

находке. А на этих дощечках Аполлон объявлял, что вскоре будет иметь своим местопребыванием Абонотих. Тогда Александр устроил оракул, к которому стало стекаться множество народа, и всё это в немалой степени благодаря подделанным письменам от имени бога, которого он якобы представлял.

Иудейский пример подлога ради утверждения иудаизма можно найти в известном «Письме Аристея». Аристей якобы был язычником и придворным египетского царя Птолемея II Филадельфа (правившего в 285–246 гг. до н. э.). В этом письме «Аристей» описывает, как царь решил пополнить свою библиотеку копией иудейского Писания, для чего договорился с иудейским первосвященником в Израиле о присылке в Египет ученых, которые могли бы перевести священные тексты с иврита на греческий язык. Были присланы семьдесят два книжника, которые благодаря чудесному божественному вмешательству порознь создали полностью совпавшие друг с другом переводы Писания. Поскольку «Письмо Аристея» якобы нееврейского происхождения, оно должно производить впечатление более или менее незаинтересованного источника информации о том, как еврейская Библия переводилась на греческий, и обладать всеми признаками документа, передающего факты как есть. На самом же деле письмо является подделкой, написанной евреем из Александрии во II в. до н. э. Оно было написано, в частности, с целью указать на богодухновенность священных иудейских текстов даже в греческом переводе.

На прошлых примерах, вроде Дионисия Перебежчика, мы уже видели, что иногда подделки создавались с явной целью выставить в невыгодном свете своих личных врагов или с целью доставить им неприятности (случай с письмом царю Ироду). И оказывается, что в Древнем мире эти мотивы засвидетельствованы лучше остальных. Римский поэт Марциал, автор большого количества остроумных и очень смешных эпиграмм, в нескольких местах жалуется, что под его именем в свет выходят чужие стихи, просто плохие или в дурном вкусе, именно для того, чтобы выставить глупым его самого, Марциала [22]. Ещё более очернительский эпизод есть у историка философии Диогена Лаэртского. В нем говорится о враге Эпикура, стоике Диотиме. Этот недоброжелатель известного философа написал и распространил от его имени пятьдесят писем развратного содержания. У Эпикура и без того были совершенно незаслуженные проблемы с репутацией, вызванные его мнимой зависимостью от удовольствий, так что подлог Диотима лишь подлил масла в огонь [23].

Ещё можно вспомнить историю Анаксимена в пересказе географа II в. н. э. Павсания. Анаксимен был умен, но имел дурные наклонности. Как-то он поссорился с известным оратором по имени Феопомп и, чтобы насолить ему, написал трактат от его имени с точным соблюдением литературного стиля Феопомпа. В этом трактате он поносил граждан трёх главных городов Эллады – Афин, Спарты и Фив – и по этим же городам распространил свой пасквиль. Разумеется, после этого на Феопомпа обрушился гнев эллинов, им совершенно не заслуженный [24].

Иные подделыватели делали свою работу с более благородными целями, например, чтобы подарить своим читателям надежду. Одна из самых распространенных форм литературных подделок в иудаизме времен раннего христианства – это жанр апокалипсиса. Апокалипсис (что на греческом означает «Откровение») – это текст, открывающий перед смертными истину о Царстве Небесном, чтобы помочь им понять смысл происходящего здесь, в земной жизни. Иногда истина открывается через перенасыщенные символикой причудливые видения, которые автор якобы видит и которые поясняет ему некий ангел. Пример подобных видений есть в книге пророка Даниила. А иногда автор сам попадает на Небо, чтобы увидеть конечные истины Божьего Царства, наделяющие смыслом ужасные события, происходящие на земле. Христианский пример книги Откровения, как мы знаем, есть в Новом Завете.

Эти книги призваны пробудить надежду в своих читателях. Несмотря на происходящие на земле совершенно необъяснимые вещи, несмотря на неистовствующие боль, невзгоды и

страдания, несмотря на войны, голод, эпидемии и природные катаклизмы, сотрясающие человечество, несмотря на кажущуюся неподконтрольность этого мира Божьей воле – несмотря на все эти обстоятельства, на самом деле всё идет так, как задумано. Бог скоро исправит все дурное. Людям стоит лишь подождать ещё совсем немного, и их вера в Господа будет оправдана, и он вмешается в ход земной жизни, чтобы установить вечные мир, справедливость и счастье.

Апокалипсисы практически всегда пишутся псевдонимно, под именами известных религиозных фигур прошлого [25]. В христианских кругах есть апокалипсисы под именами Петра, Павла и пророка Исайи. В иудейских кругах мы находим апокалипсисы, приписываемые Даниилу, Еноху, Аврааму и даже Адаму! Ученые обычно не считают эти книги подложными, потому что их псевдонимность является важной частью их замысла. Сам литературный жанр подразумевает, что откровение может исходить только через того, кто весьма приятен Богу и потому наверняка знает такие вещи. Но я считаю такую точку зрения упрощением, ведь сохранились свидетельства подлинной веры людей древности в то, что эти книги написаны теми, кому приписываются [26]. И сами авторы книг знали об этой вере, потому и использовали чужие имена, чтобы их работа была наиболее эффективна.

Теперь мы приблизились к единственному самому важному мотиву, заставлявшему древних авторов выдавать себя за других. Просто-напросто это было нужно для того, чтобы их собственное мнение было услышано. Если ты никому не известная личность, но имеешь сказать нечто важное и хочешь, чтобы люди тебя услышали (не для того, чтобы они прославляли тебя, а чтобы они познали истину), то единственный путь для тебя – это выдать себя за хорошо известного автора, известную фигуру, авторитет.

Так, например, если ты хочешь написать философский трактат, в котором разбирается одна из самых запутанных этических проблем, стоящих перед человечеством, но при этом ты не являешься знаменитым философом, ты можешь утвердиться, просто подписавшись Платоном или Аристотелем. Если ты хочешь написать апокалипсис, который объяснит, что земное страдание временно и Бог вскоре вмешается, чтобы посрамить зло, и ты хочешь, чтобы люди тебя услышали и вняли тебе, тебе следует подписываться не своим именем (Откровение Васи), а именем известного религиозного персонажа (Откровение Даниила). А если ты хочешь сообщить самые важные учения из благовестия Иисуса, но на самом деле живешь спустя столетие после него и сам никогда его не слышал, ты можешь собрать самые интригующие высказывания, какие найдешь, и назвать всё это Евангелием от Фомы или Филиппа, сделав вид, будто сам слышал говорящего Иисуса.

Эта мотивация бытовала как в христианских, так и нехристианских кругах. Мы знаем о ней потому, что сами древние авторы сообщают нам об этом. Например, языческий ученый по имени Давид, комментировавший труды Аристотеля, писал: «Если кто-то неизвестен и ничтожен, но хочет, чтобы его творения читали, он пишет под именем кого-то влиятельного из живших ранее, так, чтобы через его влиятельность добиться признания своих работ» [27].

А вот единственный известный случай, когда подделыватель-христианин был пойман и письменно объяснил, почему он совершил подлог. В пятом веке в Марселе жил пресвитер Сальвиан. Как и многие в ту пору, он решил со своей женой выразить свою преданность Богу отвержением мира и принятием аскетической жизни. Сальвиан был возмущен обмирщением церкви и её членов, которые больше заботились о земном комфорте и благополучии, нежели о соблюдении евангельских добродетелей. Тогда он написал послание «Тимофея к церкви». Написанное в достаточно властной манере, послание казалось его читателям действительно написанным Тимофеем, известным спутником апостола Павла четырехвековой давности. Но каким-то образом епископ Сальвиана сумел заподозрить его в подлоге. Он приступил к Сальвиану с уликами, и тому пришлось сознаться.

Но Сальвиан умел защищаться и поэтому дал объяснение, зачем им было написано псевдонимное послание. Как часто и делают люди, склонные к самооправданию, Сальвиан

придумал себе массу извинений. Имя Тимофей, например, значит «почитающий Бога», так что он использовал его для того, чтобы почтить Господа. А его главный аргумент в свою защиту так и звучал, что сам по себе он никто, так что подпишись он своим именем, никто бы и внимания не обратил на его письмо. Или, если точно его цитировать, автор «мудро предпочёл использовать псевдоним, по очевидной причине нежелания неизвестностью своей персоны умалить влияние своей ценной книги» [28].

Через использование имени Тимофея он надеялся приобрести читательскую аудиторию. Его взгляды казались ему достаточно важными, чтобы воспользоваться чужим именем. Эта история рассказана нам Сальвианом, и из неё не видно, чтобы епископ благосклонно воспринял оправдания своего пресвитера, но если епископ был в данном вопросе обычным человеком своей эпохи, отношение которой к проблеме подлогов нам уже известно, то вряд ли он был так уж доволен Сальвианом.

Техника подлога

Нам неизвестно, каким именно образом епископ Сальвиана узнал, что якобы написанное Тимофеем письмо принадлежит авторству его пресвитера. Но, скорее всего, догадаться об этом было не очень сложно. Основное содержание письма касалось тех же тем, о которых Сальвиан, без сомнения, многократно говорил перед своими прихожанами и другими пресвитерами. Поскольку он был грамотен, то наверняка и раньше писал трактаты по этой и смежным проблемам. Если епископ знал о взглядах Сальвиана и читал его прежние работы, а значит, был знаком с его литературным стилем, то мог понять как дважды два, что новое, внезапно и неизвестно откуда взявшееся произведение принадлежит тому же автору, несмотря на свою псевдонимность.

Но вообще, в Древнем мире по вполне очевидным причинам подделывателей ловили за руку крайне редко [29]. Во-первых, древние ученые, которые могли быть заинтересованы в поиске мошенников, не имели современных нам сложных методов анализа, компьютеров, баз данных, замысловатых анализов авторского стиля и т. п. Древний ученый часто мог сказать, что литературный текст не принадлежит тому же автору, который написал другой текст (например, что книга Откровения не была написана тем же человеком, который написал четвертое Евангелие). Но и в самом деле, гораздо легче сказать, кто не писал книгу, чем сказать, кто её написал (кто написал послание Эфесянам, раз это был не Павел?).

Что ещё важнее, мошенники специально шли на ухищрения, чтобы их не поймали, и по большей части вполне успешно. В одном из современных интереснейших обсуждений проблемы Энтони Грэфтон из Принстонского университета показывает, как с веками утончалось искусство подделки параллельно с улучшением методов обнаружения подделок. Чем лучше ученые определяли подлоги, тем лучше совершали их подделыватели. Ученые постоянно совершенствовали свои методы, а подделыватели постоянно повышали своё мастерство [30].

Обычно древние мошенники использовали несколько приёмов, чтобы их не раскрыли. Первый и наиболее очевидный – самое тщательное копирование стиля и активного словаря известного автора, под которого подделываются. У каждого есть особенности стиля, и в принципе все они могут быть сымитированы. Менее искусные имитаторы просто выделяли для себя необычные слова, которые употреблялись автором, и использовали их постоянно, иногда гораздо чаще, чем это делал сам автор. Другие пытались имитировать примечательные моменты авторской грамматики: длина предложений, характерные причастные обороты, использовали целые фрагменты предложений и так далее. Высокообразованным литераторам практическая имитация чужого стиля была прекрасно знакома: регулярные упражнения в написании работ или составлении речей, копирующих стили известных писателей или ораторов, были частью образовательной программы высшего общества. Образованная часть имперского общества просто училась этому в школах, но

большинство этих людей, конечно, никогда не занималось исследуемым нами родом мошенничества [31].

Имитирование авторского стиля может создать известное затруднение для распознания подделок. Но на самом деле далеко не все были так искусны. Точно так же, как большинство людей не смогло бы подделать Рембрандта, даже если бы от этого зависела их жизнь, мало кто способен писать в точности как Аристотель, Плутарх или Павел.

Второй уловкой служило включение в текст некоей правдоподобности. Термин «правдоподобность» относится к заявлению, комментарию или неформальному замечанию, которые призваны сделать текст очень похожим на тот, который вы ожидали бы увидеть от предполагаемого автора. Так, подделыватели оставляли личные комментарии адресатам письма, даже если на самом деле они его никому не посылали. Зачем говорить, что вы будете молиться о получателе письма во всё время его преследования, если вы не посылаете его никому, кто подвергается гонениям? Потому что если вы так скажете, это прозвучит именно так, будто вы пишете кому-то, кто гонения испытывает! Зачем просить об одолжении человека, которому вы на самом деле не пишете? («Привет, Иаков, обязательно поприветствуй за меня свою мать и не забудь принести мне книгу, которую я забыл у вас дома».) Потому что нет ничего лучше, что бы могло придать письму вид подлинного. Зачем придумывать имена адресатов, ваши прежние связи с ними, вспоминать какой-то совместный опыт и тому подобное? Потому что всё это придаст письму убедительности, создаст впечатление, что вы и вправду пишете именно этому человеку, именно сейчас и именно при описываемых условиях, даже если пишете вы тремя столетиями позже, ни к кому конкретно не обращаясь.

Мы уже видели один пример «правдоподобности» несколько выше. Во Втором послании Фессалоникийцам и Апостольских Постановлениях спустя три столетия псевдонимный автор призывает своих читателей не читать псевдонимных писаний. Или, если быть более точным, не читать подделок. Зачем? В частности, затем, чтобы дать читателям меньше поводов заподозрить подделку. Да, это тоже род «правдоподобности».

Последняя уловка, к которой прибегают некоторые подделыватели, это рассказ о чудесной находке. Если книга появляется на этой неделе и говорит о себе, что написана двести лет назад, каждый поинтересуется, где же она была всё это время. Поэтому мошенники иногда начинают или заканчивают свой текст описанием событий, приведших к исчезновению и обретению книги. Например, автор может начать книгу с описания сна, в котором ему повелевается глубоко копать с южной стороны дуба, что стоит в поле у ручья близ его фермы. Когда он выкопал яму, то нашёл в ней старинный деревянный ящичек, а внутри ящичка обрёл поврежденный временем манускрипт. Теперь он переписывает этот манускрипт от руки и видит, что это откровение самого Христа, данное апостолу Иакову и доселе скрытое от мира.

Затем книга подписывается именем Иакова, как «переписал» с манускрипта «нашедший» его человек. Книга неизвестна, конечно, поскольку была всё это время скрыта, зато теперь вот она, явилась миру. Вернее, не она, а книга, написанная мошенником, выдающим себя за Иакова и рассказавшим всю эту историю, чтобы объяснить, почему раньше никто об этой книге не слышал.

Взгляды древних на подлог

Я уже упоминал, что ученые иногда решительно избегают употреблять термин «подлог» из-за его смысловой близости к «фальшивке» по отношению к псевдоэпиграфам. Ниже я поясню более развернуто аргументацию ученых, не желающих подразумевать в этих книгах фальшивку. Это будет в четвертой главе, когда у нас уже накопится пара глав материалов, которые помогут разобраться с обоснованностью их мнения. Оказывается, многие специалисты по Новому Завету, высказывающиеся так о подлогах («В этом не было

намерения обмануть», «Никто не подразумевал в этом лжи», «Это не было оскорблением читателя»), просто никогда не читали древних источников на данную тему. По мере чтения этой книги должно стать совершенно ясно из самих древних текстов, что хотя подлоги широко практиковались, они так же широко осуждались и расценивались, как ложь. Здесь для начала я хочу просто дать несколько примеров того, что древние думали и говорили о подлогах, а количество этих примеров при желании можно многократно увеличить.

Первый момент, обращающий на себя внимание, заключается в том, что литературные подлоги осуждает практически любой автор, который упоминает о них. Есть несколько исключений, но мы поговорим о них отдельно в четвертой главе, и эти исключения уж действительно чрезвычайно исключительны, как станет видно. В целом же преобладающий дискурс в отношении подлогов в Древнем мире противостоял им и видел в них лишь обман и беззаконие. Это не означает, конечно, что никто не занимался подлогами, ведь адюльтер сейчас тоже обычно рассматривается как предосудительный обман, однако многих это не останавливает. Несмотря на всеобщее осуждение, практика подлогов процветала в Древнем мире.

Один из известных примеров есть у древнеримского врача Галена, которого мы уже упоминали. В дошедшем до нас автобиографическом очерке он рассказывает, как однажды подлог попался ему самому. Как-то раз он шел по римской улочке и увидел в окне книжной лавки двух людей, спорящих о книге, якобы написанной Галеном. Один горячо доказывал авторство Галена, другой настаивал, что авторский стиль совсем не его и Гален этого не писал. Сам Гален чрезвычайно разволновался, поскольку не писал той книги, и, придя домой, немедленно сел писать трактат, который нам хорошо известен поныне и иногда называется «Как отличить книги, написанные Галеном».

Думал ли Гален, что кому-то позволено писать от его имени книги? Очевидно, что нет. Как и любой другой, кому попадались подделки с его собственным именем. Мы уже упоминали о поэте Марциале, разгневанном попытками других поэтов выдать их стихи за его. Среди христиан возмущенные жалобы на подлоги мы видим у Оригена, Иеронима и Августина. Подлоги так широко осуждались в древности, что их порицали даже их создатели, как в случае с 2 Фес и Апостольскими Постановлениями.

Некоторые ученые настойчиво, хотя и бездоказательно настаивали, что в философских школах это было обычным делом – написать философский трактат и подписать его именем мастера этой школы: Платона, Пифагора и т. д., а не своим, и никто, дескать, не смотрел на это неодобрительно. В четвертой главе мы увидим, что это безосновательные утверждения, и если попросить такого ученого процитировать древний источник в подтверждение подобной античной практики, тот сразу почему-то онемеет [32].

Что подлоги всеми осуждались, можно увидеть даже из того, в каких словах описывалась эта практика; по большей части они вполне соответствуют слову «фальшивка». В Греции два самых используемых слова для обозначения литературного подлога звучали как «псевдо», т. е. «фальшивый» или «ложный», и «нофос» (νόθος), что значит «незаконнорожденный». В последнем случае с коннотациями, близкими знакомому нам слову «бастард» (ублюдок) [33].

В защиту первого слова некоторые ученые настаивали, что «псевдо» не обязательно имеет негативный смысл заведомой лжи, поскольку иногда использовалось для обозначения просто неверной информации. Да, в некоторых контекстах так и есть. Но с оговоркой, что только в тех контекстах, когда говорящий неправду не понимает сам, что ошибается. А если говорящий неправду прекрасно знает, что это неправда, то «псевдо» имеет то же значение, что и в нашей речи имеет слово «ложь»: намеренный обман или введение в заблуждение

читателей и слушателей. И у нас не может быть сомнений относительно коннотаций, связанных здесь с употреблением слова «псевдо» древними. Понимал ли человек, написавший Евангелие от Петра через шестьдесят лет после смерти апостола и утверждающий, что он и есть апостол Петр, что на самом деле он не апостол Петр? Конечно, понимал, если только не был лунатиком. Но он намеренно называл себя чужим именем. По-гречески это называется «псевдо», по-нашему – ложь.

Второй термин, «нофос», может немного сбить с толку. Само слово нередко переводится как «фиктивный», что может быть и вполне точно, но не передаёт коннотаций, имеющихся в греческом оригинале и связанных с незаконнорожденным ребёнком. Если внебрачного ребёнка растят его мать и её муж, не являющийся отцом ребёнка, то по происхождению ребёнок не принадлежит к роду своего мнимого отца, они не являются родственниками. Более того, в античности у такого ребёнка не было законных прав. То же относится и к литературному произведению. Если оно идёт под именем автора, который его не писал, то оно не связано с ним никакими узами родства или закона, а связано с кем-то другим, почему и называлось нофосом, незаконным отпрыском.

Оба эти определения негативны, совсем не нейтральны и вполне демонстрируют отношение древних к практике подлогов. Автор подлога производит на свет «фальшивое писание», «ложь», «незаконнорожденного» или «ублюдка». Аналогичные слова, использовавшиеся латинскими авторами по отношению к изготовлению подложных текстов, также переводятся как «лгать», «фальсифицировать», «фабриковать», «подделывать».

Вопреки утверждениям некоторых ученых, подделыватели древности пытались именно обмануть читателей, приписывая авторство авторитетным лицам. Это уже давно установлено действительными специалистами в вопросе древних подлогов [34], да и здравое рассуждение лишь утвердит в этой мысли. Вспомним мотивацию подделывателей, о которой говорилось выше: тем из них, кто просто хотел посмотреть, как у них это получится, вовсе не было интересно делать свои уловки прозрачными и очевидными, они-то уж действительно хотели обмануть. Те, кто хотел заработать деньги на «подлинном» экземпляре, скажем, диалогов Платона, не заработали бы ни гроша, если бы их подлог был известен. Ну а для тех, кто желал утвердить политический институт или религиозное установление, ссылаясь упомянутым способом на взгляды авторитетного лица, или хотел бы свои взгляды представить в виде авторитетного источника, и вовсе не имело никакого смысла называться собственным, никому не известным именем.

Что подлог совсем не был очевидной вещью, свидетельствуется и теми отрицательными суждениями, которые высказывали о нем древние. Как я говорил раньше, практика подделки осуждалась практически в каждом случае, когда она упоминалась. Более того, реакция на авторов подлогов, когда их всё-таки ловили, показывает совершенно ясно, что в них видели обманщиков и что люди отнюдь не были рады обнаружить, что их водили за нос. Гален и Марциал были в ярости от того, что кто-то подписывал свои произведения их именами, а порой реакция была и более жесткой.

Самые первые сведения о поимке подделывателя встречаются у известного греческого историка Геродота в V в. до н. э. [35] У него есть не совсем понятный отрывок, рассказывающий об Ономакрите из Афин, толкователе оракулов (т. е. священных прорицаний), который собрал и обнародовал пророчества Мусея – мифического персонажа, по поверьям предсказывавшего будущее. Одно из пророчеств гласило, что некая группа островов исчезнет в морской пучине. Неизвестно, зачем Ономакрит подделал это предсказание и чем оно так расстроило людей, но правитель Афин Гиппарх изгнал за это Ономакрита из города, так что тот вовсе покинул Элладу и пристал к персам. Были и другие случаи, в которых Ономакрит подозревался в подделке оракулов и резко осуждался другими античными авторами, например Плутархом [36].

Иногда наказание за подлог было и более жестоким. Раньше я упоминал о пятидесяти письмах развратного содержания, которые философ Диотим написал и распространил от имени Эпикура, чтобы запятнать его репутацию. Согласно древним источникам, последователям Эпикура это настолько не понравилось, что один из них, по имени Зенон, выследил и убил Диотима [37]. Кстати будет вспомнить и рассказ Иосифа Флавия о казни секретаря царя Ирода за подделку письма сына царя Александра, в котором тот якобы делится планами отцеубийства.

Из всех древних повествований на эту тему мы вполне можем сделать несколько основных выводов. Подлоги широко практиковались в Древнем мире среди язычников, иудеев и христиан. Подделыватели в силу различных мотиваций намеренно обманывали своих читателей. Древние авторы, упоминавшие о подлогах, осуждали их и рассматривали как обман. Подделыватели, которых ловили за руку, подвергались осуждению или ещё более суровому наказанию.

Вероятные оправдания подлогов

В написанном австрийским ученым классиком Вольфгангом Шпейером самом полном труде по древним подлогам, какой только есть, говорится так: «Любой подлог даёт представление о положении дел, не соответствующее реальности. Поэтому подлог принадлежит царству лжи и обмана» [38]. Этот взгляд полностью соответствует тому, который я пытался изложить в настоящей главе, но он создаёт нам некую проблему. Когда мы рассматриваем именно христианские подлоги, мы имеем дело с писаниями, оставленными нам последователями Иисуса, т. е. людьми, которые очевидно являлись приверженцами его нравственного учения и более ранних моральных норм Ветхого Завета. Безусловно, они знали, что неправильно лгать и обманывать. Зачем же они делали это? Конечно, вопрос касается и язычников с иудеями, чьи этические нормы в целом были такими же. Почему же они шли против собственных нравственных установок?

Конечно, при поверхностном взгляде этот вопрос выглядит глупо. Все люди делают вещи, о которых они знают, что их делать не следует. Но я бы хотел рассмотреть его глубже. Считали ли все эти подделыватели свою ложь оправданной? Имеет ли ложь оправдание вообще? Я вернусь к этому вопросу в восьмой главе, а сейчас просто хотел бы подготовить площадку, задав более общий вопрос. Что люди древности думали о лжи и обмане?

Спрашивать, что думали о лжи древние люди, всё равно что спрашивать современных людей, – всё зависит от того, кого именно спросить. Некоторые думают, что никакая ложь неприемлема ни при каких обстоятельствах. Другие полагают, что при некоторых обстоятельствах ложь нравственно оправдана. И остальные вообще не задумываются на эту тему, используя ложь, когда им это удобно.

Некоторые древнегреческие философы, в частности, Аристотель, подчеркивают важность правдивости как нормы [39]. Но большинство философов считает, что могут быть исключения. Ксенофонт, например, передаёт слова Сократа, что справедливо лгать другу, который хочет совершить самоубийство, если это позволит его остановить [40]. Сократ говорит также, что справедлива ложь полководца, если она поднимет упавший дух его воинов на поле брани сообщением о приближении союзников и заставит их сражаться отважнее; справедлива и ложь отца, обманом заставляющего больного сына принять нужное лекарство, от которого тот отказывался. И Платон учил, что некоторая ложь бывает полезна, вроде той, что врачи могут сказать своим пациентам для их блага, или правители могут сказать своему народу для его спокойствия. Как выразился античный писатель Гелиодор: «Ложь хороша, когда она приносит пользу тому, кто лжёт, и не наносит вреда тому, кто её слушает» [41].

Но что насчёт христиан? Разве их не учили всегда говорить правду? Именно об этом говорил великий богослов V в. н. э. Августин в двух своих трактатах, посвященных лжи:

никогда и ни при каких условиях непозволительно лгать. Этот взгляд отца церкви был не простым упрощением, дескать, всегда хорошо говорить правду, а плодом глубоких богословских размышлений об отношениях истинного человека с Богом истины, который сам стал человеком [42].

Но множество других христианских мыслителей, как до, так и после Августина, думали иначе. Такие, как Климент Александрийский в конце второго века и его соотечественник Ориген в начале третьего – возможно, самый великий богослов до Августина, – соглашались с Платоном в его «медицинской лжи»: если ложь врача заставит пациента принять нужное лекарство, то она этически оправдана [43]. Оба они также указывали, что в Ветхом Завете сам Бог иногда говорит неправду. Когда Бог сказал Ионе возвестить жителям Ниневии, что через сорок дней их город погибнет, он совершенно очевидно знал, что после этой новости горожане начнут каяться и он удержит свою десницу от суда над ними. Соответственно, Бог никогда не имел планов уничтожить город, хотя и приказал пророку говорить о его уничтожении. Порой лживое заявление может принести колоссальную пользу.

В Писании есть много других примеров того, как ложь избранников Божиих приносит добро. Если бы Авраам не солгал о своей жене Саре, что она его сестра, его бы убили, и не появился бы народ Израиля (Быт 12). Или если бы блудница Раав не солгала и не укрыла бы израильских шпионов, те были бы убиты, и никогда дети Израиля не наследовали бы Обетованную землю (Нав 2). Можно привести много примеров того, что иногда самое правильное – это солгать.

Не это ли думали и подделыватели? Что их ложь стоит того? Что положительный эффект от их обмана перевесит их грех? Что цель оправдывает средства?

Боюсь, никогда мы не узнаем, что заставляло этих людей делать то, что они делали. Мы просто не можем проникнуть в глубину их сердца и разума, чтобы увидеть, о чем они думали, когда решили обманом выдать себя за кого-то другого. Скорее всего, если бы их читатели знали об их обмане, они бы назвали авторов лжецами и осудили их писания. Но в собственных глазах их совесть вполне могла быть свободна от угрызений и их намерения могли быть белы как снег. Они обладали истиной, в которой надо было убедить остальных, и они были счастливы солгать ради этого.

2. Подлоги под именем апостола Петра

До сего момента в своем рассказе о лжи, обмане и подделках в Древнем мире я использовал слово «истина» в самом простом смысле для обозначения корректной информации. Однако в жизни истина и противоположная ей ложь выглядят сложнее. Я думаю, внутренне мы все прекрасно это понимаем, даже если никогда об этом не задумывались. Когда мы смотрим фильм, мы часто спрашиваем: «Это настоящая история?» То есть мы имеем в виду: «Это то, что происходило на самом деле?» Если ответ положительный, то мы как-то успокаиваемся на том, что события фильма действительно когда-то имели место и, таким образом, его история оказывается правдивее, чем некий вымысел. Но даже в этом случае мы не думаем, будто абсолютно всё, что составляет фильм – действующие лица, диалоги, отдельные сцены и т. д., – представлено совершенно так, как это было на самом деле. Мы всегда оставляем место для творческого домысла, даже когда признаём историю подлинной.

Хотя можно и представить дело так, что в более глубоком смысле фильм может быть правдивым, даже если рассказывает о том, чего никогда не было. Этой точкой зрения я много лет сбивал с толку своих детей. Например, мы смотрим кино, и дети спрашивают: «Пап, а это правда?» И почти всегда я отвечал утвердительно. Но тут они вспоминают, что иногда у меня бывает иной взгляд на вещи, и переспрашивают: «Не, пап, ну в смысле, это правда было на самом деле?» Тогда я отвечал отрицательно, и они оставались в недоумении. Как и сейчас, возможно, некоторые мои читатели. Как история может быть правдой, если её

никогда не было? На самом деле, есть самые разные правдивые истории, которые никогда не происходили, и это признает любой, если хоть немного задумается. Чтобы проиллюстрировать это своим студентам, я обычно пересказываю историю о Джордже Вашингтоне и вишневом дереве.

Истинные истории, которые никогда не происходили

Каждый школьник знает историю про вишневое дерево. Ещё мальчишкой Джордж Вашингтон зачем-то срубил отцовскую вишню. Когда отец вернулся домой и увидел срубленное дерево, то спросил: «Кто это сделал?» Юный Джордж ответил: «Не смею врать. Это сделал я». Обычно на этом история заканчивается, так что мы не знаем, что было потом, может, Джорджа заперли в чулан. История заканчивается признанием Джорджа [44].

Мы знаем, что эта история никогда не происходила на самом деле, потому что тот, кто её придумал, позже в этом признался. Это был человек по имени Парсон Уимз, некогда церковный прислужник и книготорговец. Позже, став биографом Вашингтона, Парсон Уимз признал, что выдумал историю с вишней, хотя до этого и заявлял, будто узнал о ней от её свидетеля, которому можно доверять. (Забавный парадокс: он буквально сказал неправду в этой истории о том, что следует говорить правду.)

Итак, этот сюжет, как мы знаем, неисторичен. Но мы по-прежнему пересказываем его своим детям. Почему? Не потому, что мы пытаемся научить их американской истории, а потому, что хотим научить их правде. Эта история претендует на истину в нескольких смыслах. Во-первых, она является хорошим образцом американской пропаганды. Кем был Джордж Вашингтон? Он был отцом американской нации. Что он был за человек? Он был честным человеком, который никогда не лгал. Правда? Насколько честным? Ну, однажды, когда он был ещё мальчишкой… Вывод ясен. Эта страна основана на честности. Это честная страна. Эта страна никогда не скажет неправду. Или так гласит легенда.

Но легенда о Джордже Вашингтоне и вишневом дереве имеет и другой смысл, благодаря которому родители в основном и рады её рассказывать детям. Эта история о личной нравственности и ответственности. Я рассказал её своим детям потому, что хотел их видеть такими же, как юный Джордж. Даже если бы они что-то натворили, я хотел, чтобы они были честны и имели силы в этом сознаться. Лучше быть честным и не бояться последствий, чем жить бесчестно. Лучше не говорить неправды.

То есть я хочу сказать, что вымысел, даже исторический вымысел, может в некотором смысле сообщать истину, даже если это что-то, чего не было. Истина – это больше, чем просто корректная информация.

Это не значит, конечно, что такой вещи, как неправда, вообще не существует. Как раз наоборот, есть множество разных неправд: некорректная информация, заведомый обман, истории, смысл которых мы не принимаем в качестве истины, основанной на нашем понимании мира [45]. Если бы мне пришлось читать книгу о детстве Сталина, в которой подчеркивались бы его кроткий нрав, добрый и мягкий характер, а также глубокая обеспокоенность всеобщим благоденствием, я бы сказал, что всё это неправда.

Люди древности тоже имели развитое чувство истины и неправды. У них тоже были легенды, которые они принимали как истину в некотором роде, не думая при этом, будто они происходили на самом деле [46]. В основном современные ученые осознают, что большинство образованных людей Древних Греции и Рима не воспринимали события своей мифологии буквально. Они понимали, что миф призван сообщить некое истинное понимание божественного царства и его связи с человеком. И ещё у древних была своя беллетристика. Многими подчёркивается, и это действительно так, что современные представления о художественной литературе гораздо сложнее и тоньше, чем они были в античности. И всё же в дополнение к мифам у людей древности были эпосы, легенды, романтические произведения, которые во многом соответствуют современным повествовательным формам.

Люди рассказывали и пересказывали, читали и цитировали все эти произведения не потому, что думали, будто они точно передают описываемые в них события, а по тем же причинам, по которым и мы сейчас читаем беллетристику: чтобы развлечься, что-то узнать, научиться лучше понимать себя и окружающий мир.

Очень интересно представление о вымысле. Если мы читаем книгу, являющуюся официальной биографией Рональда Рейгана, то ожидаем увидеть в ней четкое следование фактам и полное отсутствие некорректной информации. А вот если мы читаем роман о президенте 1980-х гг., который является просто беллетристикой, нам достаточно некоторого исторического правдоподобия (например, президент в этом романе не будет шарить по Интернету и проверять, что ему написали в Фейсбуке). Но мы не ожидаем встретить там точных исторических фактов и реальных исторических деятелей. Древние эквиваленты современной развлекательной литературы работали по тому же принципу. Читатели рассчитывали на некоторое историческое правдоподобие повествования, но никогда не рассчитывали на его точное соответствие историческим событиям.

Разница между современной биографией и современным романом, конечно, является вопросом литературного жанра. Оставим специалистам пространные дебаты о том, чем характеризуется жанр, нам же будет достаточно приблизительного определения. Жанр – это тип литературы, который подходит какому-то заданному формату. Короткий рассказ, например, должен быть коротким; роман гораздо длиннее. В обоих есть герои, сюжет и другие особенности, отличающие их от хайку. Лимерик обладает двумя парными рифмами и неожиданной ударной строкой в конце. Белый стих ничего этого не имеет, но для передачи смысла опирается на глубину языка. И так далее. В каждом жанре как бы заложено некое соглашение между писателем и читателями. Это напоминает контракт, в котором автор обязуется соответствовать тому роду литературы, который ожидают встретить читатели, а читатели обязуются не ожидать ничего нехарактерного для этого рода.

Когда речь идёт практически обо всех видах развлекательной литературы, читатели снисходительно относятся к исторической неточности, но при этом ждут исторического правдоподобия [47]. Чтобы беллетристика доставляла удовольствие, все следуют этим негласным принципам.

Совсем другое отношение мы видим к биографическим или историческим работам. Здесь другие условия контракта: автор придерживается исторических фактов насколько возможно точно, и читатели ожидают именно этого. Любое отступление от этих правил всеми осуждается.

В древних исторических трудах всё было несколько сложнее. По большей части из-за того, что в античности просто не существовало научного инструментария, которым мы владеем сегодня. Не было широкого доступа к надёжным источникам информации, обилия самих письменных источников, баз данных, поисковых систем, не было возможностей, которые нам сейчас предоставляют СМИ и электронные средства коммуникации. Древние историки работали почти на ощупь, собирая такие рассказы о событиях прошлого, которым можно было бы верить. Было действительно крайне сложно передать точную картину, но большинство историков честно пытались это сделать. И больше всего эта сложность была заметна в попытках передать подлинные слова тех людей, что жили много лет назад. Некоторые из лучших образцов истории, созданных в античности, в значительной степени состоят из прямой речи своих персонажей. Но если события происходили на десятилетия или даже столетия раньше, то откуда историк мог знать, что было точно сказано в ту эпоху, когда не было ни диктофонов, ни стенографистов, ни ежедневных публикаций в прессе? Конечно, ниоткуда.

Поэтому такой великий историк V в. до н. э., как Фукидид, и говорит совершенно откровенно, что все слова, передающие прямую речь его героев, сочинены им самим. А какой у древних историков был выбор? Самое большое, что они могли, это придумать для

исторических персонажей слова, которые наиболее подходили бы их характеру и поводу для их произнесения, и потом верить, что эта выдумка приблизительно соответствует тому, что было сказано на самом деле. Чтобы установить, насколько историку удалась его затея, не было решительно никаких способов. Но образованные читатели это понимали, так что здесь мы снова видим негласное соглашение между автором и читателями: автор высказывает самую лучшую догадку относительно содержания речей своих героев, а читатели именно так её и принимают, то есть как самую лучшую догадку.

Некоторые ученые полагали, что подложные писания имели ту же общую черту – что-то вроде беллетристики, сопоставимой с придуманными историческими монологами, где настоящий автор и настоящие читатели как бы соглашаются не принимать всерьёз фальшивое авторство текста. Но как я уже показывал выше, современные ученые, серьёзно изучавшие отношение древних к подлогам, думают иначе. В подлогах автор текста действительно использовал вымысел, но делал это без согласия читателей. И читатели, когда обнаруживали вымысел, отнюдь не были за него признательны. Древние расценивали исторические подлоги, будь то повествования, трактаты или письма, как ложь и фальшивку, лишенную безобидности художественной литературы. Именно поэтому они проявляли заинтересованность в выяснении «законорожденности» текста от названного автора или его незаконности через непричастность тому же автору.

Так что и люди древности понимали разницу между выдуманными повествованиями и рассказами по истории. Некоторые историки, такие, как Лукиан Самосатский и Полибий, в отличие от Фукидида твёрдо придерживались взгляда, что исторический труд должен передавать исключительно происходившее на самом деле и что историку не следует придумывать сюжеты или прямую речь героев для своих работ. Во II в. до н. э. Полибий выразил это так: «Задача историка состоит не в том, чтобы рассказом о чудесных предметах наводить ужас на читателей, не в том, чтобы изобретать правдоподобные рассказы и в изображаемых событиях отмечать все побочные обстоятельства, как поступают писатели трагедий, но в том, чтобы точно сообщить только то, что было сделано или сказано в действительности, как бы обыкновенно оно ни было» [48].

Причина, по которой Полибию приходится об этом говорить, заключается в том, что другие историки поступали ровно наоборот, «изобретая правдоподобные рассказы» и придумывая речь героям своих трудов по истории. Это правда, что не только профессиональные историки, но и прочие люди придумали множество историй про исторических деятелей. В христианском сообществе это касается практически всех известных личностей: Иисуса, Павла, Петра и других членов апостольского круга. Поскольку сейчас нас интересуют подлоги с именем Петра, в этой главе мы начнем с рассмотрения историй, сочиненных о Петре, чтобы потом перейти к текстам, которые ложно приписываются ему самому.

Истории о Петре

У нас есть несколько книг времен раннего христианства, в которых рассказывается о Петре. Их сюжеты практически полностью придуманы неизвестными нам христианскими авторами. В нашей системе определений эти тексты не являются подлогами, поскольку не приписываются авторству Петра. Но они могут быть названы подделками, потому что при своей претензии на историчность являются выдумками [49].

Одна из самых интересных таких историй содержится в подложном тексте. Однако это подлог под именем не Петра, а Тита, бывшего спутником апостола Павла. В Новом Завете есть также подложное послание Титу, якобы написанное Павлом (почему это подлог, объясняется в третьей главе). Около четырехсот лет спустя появляется другое письмо, якобы написанное Титом. Письмо довольно занимательное, так как в нем громогласно заявляется, что единственный путь к обретению спасения лежит через аскетичную и целомудренную

жизнь. Если говорить проще, то обрести жизнь вечную можно только воздерживаясь от секса. В контексте излагаемых взглядов подделыватель ссылается на историю о чуде Петра.

Некий крестьянин приводит к Петру свою дочь для получения благословения. Петр произносит над ней молитву, прося у Бога сделать то, что будет для девицы самым лучшим. Девушка тут же падает мертвой. Вполне понятно, что крестьянин глубоко расстроен, но автор повествования называет его «неверным», поскольку тот не верит, что всё произошло в интересах дочери. Отец умоляет Петра вернуть дочери жизнь, и апостол исполняет его мольбу. Но через несколько дней некий человек, гостивший у крестьянина и называвший себя христианином, соблазняет дочь и навсегда исчезает с ней. На этом история заканчивается, и её смысл вполне прозрачен: лучше смерть, чем реализация полового влечения.

Нечто похожее можно найти в сборнике историй о миссионерской деятельности Петра, вероятно, написанном во втором веке. Этот сборник, известный как «Деяния Петра», описывает чудеса, которые Петр сотворил после воскресения и вознесения Иисуса и которыми он демонстрирует силу воскресшего Господа, а также обращает к вере бессчетное количество людей.

В одной из этих историй Петр говорит у себя дома перед воскресным собранием христиан, которые принесли ему для исцеления несколько больных. Но тут из толпы собравшихся кто-то спрашивает, почему Петр не излечит собственную парализованную дочь, лежащую в углу. Петр уверяет собравшихся, что Бог имеет власть исцелить её, если только пожелает. Чтобы доказать это, Петр приказывает дочери встать и пройтись перед людьми, после чего возвращает её в прежнее состояние. Собрание и изумлено, и смущено.

Тогда Петр рассказывает историю своей дочери. Ещё когда та была маленькой, Петру было видение, из которого он узнал, что если она останется здоровой, то многих совратит с пути истинного. Она была красивым ребенком и, повзрослев, соблазнила бы многих мужчин. Так и случилось, когда ей было всего десять лет. Сосед польстился на её красоту, но прежде, чем он успел реализовать свою похоть, по милости Божьей девочку парализовало. Сосед же ослеп за свои грехи, пока Петр не исцелил его и не обратил в христианство. Но девочка осталась парализованной, чтобы не соблазнять других мужчин. Смысл снова ясен: секс опасен, и его следует избегать любой ценой, даже ценой пожизненной инвалидности.

По большей части сюжет «Деяний Петра» выстроен вокруг его борьбы с еретиком Симоном, где апостол выступает представителем истинного Бога, а Симон – волхвом, действующим властью дьявола. Каждый из них творит чудеса, и каждый через это пытается убедить толпу, что истина стоит именно за ним, а не его оппонентом. В одном из чудес Петра участвует копченая рыба. Апостол, как мы уже говорили, пытается убедить толпу, но без особого успеха. В какой-то момент он останавливается у лавки рыботорговца, где видит висящую в окне копченую рыбину, и спрашивает окружающую его толпу, уверуют ли они, если он её оживит. Толпа отвечает положительно, и Петр снимает рыбу с крюка, бросает в близлежащий водоём и приказывает ей ожить. Рыба оживает – не на несколько минут, а по-настоящему, – и толпа с радостью приобщается вере.

На этом чудеса не заканчиваются. Петр и Симон-волхв призываются местным римским властителем на арену для соревнования, которое должно показать, кто из них говорит от имени Бога. На арену приводят мальчика-раба. Симону приказывается убить мальчика, а Петру оживить. Симон что-то шепчет в ухо раба, и тот немедленно умирает (от слов еретиков веет смертью). Но Петр приказывает хозяину мальчика взять его за руку и поднять, и тот немедленно оживает (человек Бога имеет глаголы жизни).

Богатая женщина приходит к Петру и с плачем молит о помощи. Её сын умер, и она отчаянно просит оживить его. Петр бросает вызов Симону, чтобы все увидели, кто может воскрешать мертвецов. Под взглядом толпы Симон делает несколько загадочных

манипуляций, трижды опускаясь на колени и снова поднимаясь. И вот покойник поднимает голову, и толпа убеждается, что Симон действует властью Божьей, а Петр её обманывает. Толпа уже собирается сжечь Петра, но тот криком заставляет её замолчать и указывает, что покойник ещё не воскрешен, он лишь пошевелил головой. Если Симон действительно человек от Бога, покойный должен подняться и заговорить. Когда у Симона ничего не получается, наступает время Петра. Он произносит слово, которое поднимает человека и заставляет говорить. С этого момента народ «стал поклоняться Петру, как богу».

Но кульминация наступает, когда еретик Симон объявляет толпе, что докажет своё превосходство и взлетит, словно птица, над холмами и храмами Рима. Наступает обещанный день, и Симон действительно поднимается в воздух и начинает летать. Но Петр не позволяет превзойти себя, он призывает Бога и низвергает Симона на землю в разгар его полёта. Падая, тот ломает себе ноги. Толпа сбегается к месту падения и забивает Симона камнями, как обманщика. Всем очевидно, что только Петр обладает истинной силой Божией.

Можно приумножить здесь количество таких историй. Фактически, благочестивые рассказчики и приумножали их, сочиняя во втором и третьем веках христианские апокрифы о титанах веры, в том числе об апостоле Петре. Но сочиняли ли они тексты не только о Петре, но и от его имени? В этом не приходится сомневаться. Нет сомнений и в том, зачем они их сочиняли. В немалой степени по тем же причинам, о которых мы говорили выше. Разные христиане имели разное богословие, взгляды, упования, практики – всё, за чем должен стоять апостольский авторитет. И если приписать одному из апостолов свои идеи, то такие писания за его именем должны придать им несомненный авторитет.

Неканонические подлоги под именем Петра

Евангелие от Петра

Одним из самых значительных Евангелий, заново открытых в нашу эпоху, является так называемое Евангелие от Петра. Я сказал, что оно открыто заново потому, что фактически мы столетиями знали о его существовании, прежде чем обрели в одной из археологических раскопок в конце XIX века. Самым ранним источником информации об этой книге был Евсевий Кесарийский. Его часто называют «отцом церковной истории», потому что его труд Церковная История, состоящий из десяти книг, был первой работой такого рода в Древней церкви. В своей книге Евсевий прослеживает распространение христианства со времен Иисуса до своего собственного времени, начала IV века. Евсевий является бесценным источником информации по первым трем столетиям христианства. Многие факты и события известны нам исключительно благодаря ему. Правда, ученые со временем стали всё отчетливее осознавать, что Евсевий весьма субъективен, и то, как он подаёт свой материал, во многом продиктовано его личными взглядами, богословскими воззрениями и скрытыми планами. Часто его сведения следует воспринимать с огромным скептицизмом. Однако он чрезвычайно ценен, когда дословно цитирует ранние источники, которые были ему доступны. В этих случаях мы фактически получаем сведения непосредственно от живших прежде него авторов; сведения, которые без Евсевия были бы для нас потеряны.

В шестой книге своей Церковной Истории Евсевий в связи с интересующим нас апокрифом цитирует антиохийского епископа Серапиона, жившего в конце второго века [50]. Как архиерей одной из самых больших церквей тогдашнего христианского мира, Серапион имел под своим началом приходы в городах и селах прилегающей территории, в числе которых была церковь в городе Россос. Серапион сообщает, что при обозрении своей епархии он посетил Росскую церковь и обнаружил в ней разделение. Он оценил ситуацию как незначительный конфликт, причина которого кроется в Евангелии, использовавшемся этой церковью. Это было именно Евангелие от Петра, и епископ решил, что раз Петр является учеником Христовым, то написанное им Евангелие достойно доверия. Рассудив так, он позволил христианам Россоса пользоваться им.

Однако он принял такое решение, даже не прочитав книгу. Когда же вернулся в Антиохию, то узнал от нескольких человек, что текст Евангелия представлял собой проблему, поскольку содержал еретические учения. Это Евангелие, в частности, использовалось группой христиан, известных как докеты. Докеты (от греческого слова δοκέω – «кажусь») утверждали, что в силу своей всецелой божественности Христос не мог быть человеком и, соответственно, не мог страдать, потому что страдают люди, а не Бог. Почему же Христос казался человеком? Для докетов это было только видимостью. Христос не имел настоящей плоти и крови, не страдал и не умирал. Всё это только казалось окружающим.

Среди докетов существовали две точки зрения на иллюзорность Христа. Одни думали, что тело Христа только казалось человеческим, будучи на самом деле призрачным (как у Каспера – Доброго Привидения). Другие видели всё несколько сложнее и считали, что был настоящий человек Иисус (из плоти и крови, как все мы), но было и иное существо, известное как Христос. Христос был божественным существом, которое в виде голубя сошло с Небес и вошло в Иисуса в момент его крещения, позволив ему творить чудеса и учить божественным истинам. Впоследствии, прежде чем Иисус умер, Христос покинул его, чтобы вернуться в свою небесную обитель. Таким образом, некоторые люди могли ошибочно решить, будто Христос был человеком, который действительно умер, но это был лишь Иисус. Христос был Божеством и не мог страдать.

При получении известия, что ранее одобренное Евангелие может содержать докетическое учение, Серапион, естественно, обеспокоился, так что раздобыл себе экземпляр для чтения. Как и следовало ожидать, он сделал вывод, что если большая часть текста вполне ортодоксальна (содержит правое учение), то остальные части, увы, нет. Серапион решил, что книга является подложной, и написал христианам в Россос, чтобы они отказались от её использования. К письму он приложил список предосудительных отрывков из Евангелия.

Евсевий цитирует письмо в своей Церковной Истории, но, к сожалению, не включает в него список отрывков, которые вызвали возражение Серапиона. Это достойно всяческого сожаления, потому что сейчас, когда Евангелие от Петра найдено, без тех отрывков мы не можем быть уверены, что это та же самая книга.

Её находка произошла в 1886 или 1887 году во время археологических раскопок близ города Ахмим в Верхнем Египте. К северо-востоку от города есть три кладбища, и зимой 1886/87 гг. там работала группа французских археологов из Каира. Они вскрыли могилу человека, которого приняли за монаха, поскольку тот был похоронен с духовной книгой (современные ученые не так уверены в его монашестве – с важной книгой мог быть похоронен почти каждый). Сама по себе книга была выдающаяся. Шестьдесят шесть страниц пергамента содержали маленькую антологию четырех текстов на греческом. Первый из них, занимавший десять страниц, был ранее неизвестным Евангелием [51].

Это Евангелие не было цельным текстом с началом, серединой и концом. Оно начинается с половины рассказа: «…но никто из иудеев не умыл своих рук, ни Ирод и ни один из его судей. И поскольку они этого не сделали, поднялся Пилат». Далее следует альтернативная версия суда, распятия и воскресения Иисуса – альтернативная постольку, поскольку она сильно разнится с версиями канонических Евангелий. Одно из ключевых различий видно уже в приведенной первой строке. В Новом Завете только Евангелие от Матфея рассказывает, как на суде над Иисусом Пилат умыл руки и объявил себя невиновным «в крови этого человека» (Мф 27:24). Матфей не говорит, чтобы кто-то ещё умывал руки или отказывался их умыть. А здесь этот момент подчеркивается. Кто не умыл своих рук? Иудеи, Ирод (иудейский царь) и его (иудейские) судьи.

Это Евангелие гораздо категоричнее каноничных Евангелий настаивает, что вина за смерть Иисуса ложится непосредственно на иудейский народ и его правителей. Такой антииудейский акцент является частью тенденции, развивавшейся в течение всего

раннехристианского периода. Со временем тот факт, что Иисуса убили римляне, отходит на задний план, а вина иудеев и их лидеров только возрастает. Это видно, если посмотреть на канонические Евангелия просто хронологически.

Наше самое раннее Евангелие, от Марка, видимо, возлагает вину за распятие Иисуса в равной степени на иудейскую верхушку и римского наместника Пилата (хотя первые будто бы и вынуждают Пилата). Когда мы переходим к Евангелию от Луки, написанному позже, то видим, как Пилат трижды объявляет Иисуса невиновным, так что вина за его смерть ложится на иудейских правителей, которые её требовали. Евангелие от Матфея, написанное приблизительно в то же время, что и от Луки, показывает Пилата умывающим руки в знак своей невиновности в пролитии крови Иисуса. Народ же иудейский (это есть только у Матфея) выкрикивает роковое: «Кровь его на нас и на детях наших!» (Мф 27:25) Иначе говоря, по мысли Матфея, еврейский народ охотно принимает ответственность за смерть Иисуса и её последствия, а также передает эту ответственность своим потомкам. Конечно, именно этот стих стал основанием для ужасных проявлений христианского антисемитизма в Средние века и даже в наше время.

Евангелие от Иоанна, последнее в Новом Завете, идёт ещё немного дальше. Здесь нам сообщается, что еврейский народ отверг Иисуса как своего царя и заявил, что у него «нет другого царя, кроме кесаря» (несмотря на то, что над ним должен был царствовать сам Бог). После чего Иоанн говорит, что Пилат «предал его им на распятие» (Ин 19:16). В этой искаженной исторической перспективе получается, что в действительности это евреи сами и убили Иисуса.

Таким образом, с течением времени Пилат становится всё менее виновным в смерти Иисуса, а вина еврейского народа и его старейшин возрастает. Евангелие от Петра появилось ещё позже, чем от Иоанна, и в нём ответственность иудеев ещё выше. Теперь приказ о распятии Иисуса отдаёт даже не Пилат, а иудейский царь Ирод: «Тогда Ирод-царь приказывает взять Господа, говоря им: «Что я приказал вам сделать с Ним, сделайте» (ст. 2).

В других местах этого текста дурное обращение иудеев с Иисусом также усиливается. Автор абсолютно недвусмыслен в представлении об их исключительной вине: «И исполнили все и довершили грехи над головами своими» (ст.17). Что ещё более важно, еврейский народ понимает, что они сделали неправильную вещь, за которую будут наказаны: «Тогда иудеи, и старейшины, и жрецы, поняв, какое зло они сами себе причинили, начали бить себя в грудь и говорить: «Увы, грехи наши! Грядет суд и конец Иерусалима» (ст. 25). Это иллюстрация взгляда, существовавшего среди христиан второго столетия, на то, что разрушение Иерусалима римской армией в 70 г. н. э., после иудейского восстания, произошло вследствие не военных или политических, а единственно религиозных причин. Иерусалим был разрушен, и иудейский храм был сожжен дотла в знак божественного возмездия иудеям за их страшное убийство Божиего Мессии. Здесь, в Евангелии от Петра, народ иудейский сам осознаёт свою вину и своё неминуемое наказание.

В дополнение к антиеврейскому характеру этого произведения есть ещё ряд интересных легендарных деталей. Здесь, как и в канонических Евангелиях, Иисус распинается между двумя злодеями. Но в этом Евангелии описывается любопытный эпизод. Когда распинатели бросают жребий, чтобы разделить между собой одежды Иисуса, один из распинаемых злодеев упрекает их: «Мы из-за зла, которое совершили, так страдаем, Он же, явившийся Спасителем людей, что дурного Он сделал вам?» Солдаты негодуют и приказывают «не перебивать ему голеней, чтобы он умер в мучениях» (стт. 13–14) [52]. Смысл в том, что распятый умирает быстрее, если не может опираться на ноги для того, чтобы ослабить давление на лёгкие и свободнее дышать. Не ломая преступнику ноги, солдаты продлевают его мучения.

Один из существенных вопросов к этому Евангелию – испытывал ли мучения сам Иисус? В ст. 10 нам говорится, что Иисус «молчал, как будто не испытывал никакой боли».

Существует ли вероятность, что это один из стихов, которые Серапион счёл спорными? Что Иисус предстаёт здесь, как не испытывающий боли, потому что он не испытывал её на самом деле? Что его тело было призраком?

Дальше есть столь же озадачивающий стих. Перед своей смертью Иисус вместо того, чтобы воскликнуть «Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?», как, например, в Евангелии от Марка (15:34), он восклицает: «Сила моя, сила, ты оставила меня!» И потом говорится, что, «сказав это, он вознесся». Разве это не похоже на докетизм второго типа, где божественный Христос оставляет умирать человека Иисуса? [53]

Наиболее примечательный пассаж Евангелия ожидает нас в самом конце. Пассаж, который изображает нечто, чего мы не встречали в Новом Завете: сцену воскресения. Как я упоминал в первой главе, канонические Евангелия не описывают воскресение Иисуса. Они рассказывают лишь, что Иисус был распят, потом умер и похоронен, а на третий день женщины пришли к его гробу и увидели, что он пуст. Но в новозаветных текстах нет повествования об Иисусе, живым выходящем из гроба. А вот в Евангелии от Петра есть.

Как говорится в Евангелии от Матфея (и больше ни в одном каноническом Евангелии), у гроба была поставлена стража следить, чтобы никто не похитил тело. Но в отличие от Матфея, в Евангелии от Петра при охранниках происходит ряд весьма необычных явлений. Небеса отверзлись, и с них сошли два мужа, затем камень, закрывавший вход в гробницу, откатился в сторону сам, и двое небесных мужей вошли внутрь.

Испуганные солдаты бросились к центуриону, чтобы рассказать ему о случившемся. Но они ещё не закончили свой рассказ, как снова увидели три фигуры, выходящие из гробницы. Две из них были так высоки, что касались головами неба. А третья фигура, которую они поддерживали, – очевидно, Иисус, была ещё выше, её голова была выше неба. Вслед за ними из гроба вышел крест, и голос с неба спросил: «Возвестил ли Ты усопшим?» И крест ответил: «Да». То есть в этом воскресении нам предстает гигантский Иисус и ходящий говорящий крест.

Конечно, это в высшей степени символический рассказ. В древних текстах божественные существа часто изображаются гигантами. Иисус самый высокий, поскольку его божественность превосходит прочие. А крестом передаётся весть о спасении – его послание тем, кто уже мертв и ожидает, когда спасение придёт.

Евангелие продолжается рассказом о том, как еврейские старейшины идут к Пилату и просят его замять историю, приказав солдатам никому не рассказывать об увиденном. Потом приходит черёд рассказа о женщинах, идущих ко гробу с намерением умастить тело Иисуса, которые, придя, узнают, что он воскрес. Ученики по-прежнему глубоко опечалены случившимся, ещё не зная о воскресении. Потом мы читаем заключительную фразу Евангелия: «Мы же, двенадцать учеников Господа, плакали и горевали, и каждый, удрученный совершившимся, пошел в дом свой. Я же, Симон Петр, и Андрей, брат мой, взяв сети, отправились к морю. И был с нами Левий, сын Алфеев, которого Господь…» (стт. 59–60). Здесь оно заканчивается, прямо в середине предложения.

Причина, по которой Евангелие начинается с середины мысли и заканчивается в середине предложения, заключается в том, что у человека, составившего эту книгу из шестидесяти шести страниц (вероятно, в шестом столетии), был только фрагмент полного текста. Нельзя сказать, были ли в полном Евангелии от Петра истории о рождении Иисуса, его жизни, служении, учениях, чудесах, помимо истории о его страстях и воскресении. Зато ясно, благодаря заключительному стиху, что рассказ ведётся от первого лица, и это лицо – апостол Петр. Но поскольку автор никак не мог быть Петром и лишь претендует на это имя, перед нами подлог.

Почему это Евангелие не могло быть написано Петром, объясняется его датировкой. Почти точно она определяется вторым столетием, это по меньшей мере шестьдесят лет после

смерти Петра. Практически все ученые сходятся на этом в силу убедительных причин. Во-первых, возросший антииудаизм больше соответствует второму веку, когда он становится обычным, например, для христианских обвинений иудеев в разрушении Иерусалима из-за убийства ими Иисуса. Далее, совершенно легендарные аспекты повествования, вроде разбойника, которому не перебили голени, гигантского Иисуса и говорящего креста. Всё это тоже указывает на позднее происхождение текста. Учеными рассмотрена вероятность того, что автор этого Евангелия имел доступ к соответствующим текстам Матфея, Марка, Луки и Иоанна; заметно множество параллелей с ними. Раз он их использовал, он определенно не мог писать ранее начала второго столетия.

Ученые также спорят, могло ли это быть то самое Евангелие от Петра, которое читал Серапион. Спорят, в частности, действительно ли это докетический текст, поскольку таким был текст, описанный Серапионом, или, по крайней мере, таким ему казался. Некоторые ученые испытывают сомнения. Когда говорится, что Иисус на кресте молчал, «как будто не испытывал никакой боли», это не одно и то же, что сказать «потому что не испытывал боли». И слово «вознёсся» не обязательно значит, что Христос оставил Иисуса. Например, Иисус по-прежнему обладает сверхъестественным телом и божественной силой при своем воскресении. Так что фраза «он вознёсся» вполне может быть эвфемизмом выражения «он умер».

Лично мне кажется, что это Евангелие не обязательно должно быть вполне докетическим, чтобы быть тем самым, о котором писал Серапион. Серапион признал, что Евангелие по большей части вполне ортодоксально, просто он нашёл некоторые добавления, которые смущали христиан и могли быть использованы докетами. Этим параметрам Евангелие соответствует полностью. В общем и целом оно вполне приемлемо с ортодоксальной точки зрения, кроме нескольких стихов, которые действительно могут быть истолкованы докетически. Среди них, конечно, описание выхода Иисуса из гробницы, в котором он показан так, словно имел что угодно, кроме настоящего тела, которое страдало на кресте.

Но независимо от того, то ли это Евангелие, о котором говорил Серапион, или нет, это всё равно Евангелие от Петра. Оно претендует на авторство ближайшего ученика Христова, в частности, для того, чтобы представить свои противоиудейские посылы и неправдоподобные истории полностью правдоподобными. Но Петр его не писал. Это – подлог от имени Петра. Причем не единственный [54].

Послание Петра (к апостолу Иакову)

Многие ученые считают, что Древняя церковь была серьезно разделена. На одной стороне были иудейские последователи Иисуса, вроде его брата Иакова, возглавлявшего церковь в Иерусалиме, и апостола Петра. На другой стороне были такие люди, как апостол Павел, который сосредоточился на обращении язычников. Согласно этой современной схеме, Иаков и Петр часто считаются более верными истинной идее Иисуса, что Бог Израиля принес спасение тем, кто сохранил его учения так, как они даны в еврейском законе. Для этих первохристиан Иисус был еврейским мессией, посланным еврейским Богом еврейскому народу во исполнение еврейского закона. Естественно, чтобы быть последователем этого еврейского спасителя, нужно быть евреем. Язычников, конечно, принимали в общение с распростёртыми объятиями, но только если они принимали иудаизм. Для мужчин это означало обрезание, а вместе для мужчин и женщин – соблюдение субботы, кашрута в еде и следование прочим еврейским законам.

Павел в этом смысле учил чему-то совершенно иному – что вера в смерть и воскресение Христа является единственным путем к оправданию пред Богом. Более того, это спасение возможно в равной степени для иудеев и язычников, так что не нужно быть иудеем, чтобы следовать за Иисусом. Для Павла, согласно этой точке зрения, время закона прошло. Иудеи могут его соблюдать, если захотят (как соблюдал его сам Павел, будучи иудеем), но для

язычников он необязателен. Это был национальный закон для Израиля, и он не имеет отношения к спасению. Только смерть Иисуса и его воскресение могут принести спасение. Через Павла церковь наполнилась множеством язычников, которые не видели себя иудеями и служили Богу Израиля, не следуя его законам.

Здесь нет необходимости оценивать отношение Павла к предшествовавшим апостолам, особенно Иакову и Петру. Но я хочу сказать, что мысль о расхождении в их взглядах вовсе не нова. Она исходит ещё из раннего христианства. С исторической точки зрения Павел действительно основал церкви, состоявшие из язычников, и он действительно настаивал, что иудейский закон им не нужен. Это обстоятельство, например, им особенно подчеркивается в (ортонимном) послании Галатам. По мысли Павла, любой язычник, который пытался соблюдать иудейский закон, совершенно не понял, что спасение исходит лишь от смерти Христа и даётся по вере. Хранение закона было не просто неуместно, оно являлось допущением, что Христовой смерти недостаточно для спасения (см. Гал 2:15–16, 21).

Другие христиане не соглашались. Многие из них были оппонентами Павла в разных его церквах. Позже, во втором веке, ещё существовали группы иудео-христиан, которые настаивали, что закон обязательно должен соблюдаться всеми, кто хочет принадлежать к народу Божьему. Бог дал закон и не отменял его. Это был закон, который указывал народу, как ему жить, это был закон, которому учил Иисус, и который он сам исполнял, и это был закон, которому надлежало следовать, особенно последователям Христа.

Разделение в Древней церкви между меньшинством иудео-христиан и доминирующим большинством недавних язычников нигде не заметно так ясно, как в подложном послании, именуемом Epistula Petri, или Послание Петра (к апостолу Иакову) [55]. Это письмо не следует путать с 1 и 2 Посланиями Петра в Новом Завете. Оно было составлено позже, спустя годы после того, как все книги Нового Завета уже были написаны.

Послание Петра представляет собой что-то вроде вступления к группе текстов, которые ученые называют Псевдо-Клементинами. Как следует из их научного названия, эти тексты ложно (приставка «псевдо») заявляют о себе как о написанных Климентом, который, как мы уже раньше видели, повсеместно считался четвертым епископом (или папой) Римским, поставленным на свой пост не кем иным, как самим апостолом Петром. У псевдо-Клементин чрезвычайно непростая литературная судьба. Более ста лет ученые энергично обсуждали, какие источники были использованы при их написании, как они друг с другом соотносятся и другие технические вопросы. Но основной характер писаний ясен. Это рассказы о путешествиях и приключениях Климента, особенно о том, как он обращается в христианство через проповедь Петра и потом путешествует с ним, пока апостол распространяет Благую весть, публично выступает и совершает чудеса. Среди последних и чудесное состязание с Симоном Волхвом, о котором мы говорили раньше. Деяния Петра могли быть одним из источников для этих повествований.

Книги Клементин точно были написаны не историческим Климентом, а кем-то другим, спустя уже много лет после его смерти, хотя повествование в них и ведётся от его лица. Соответственно, это подлог. В одном из списков приключения Климента предваряются Посланием Петра – письмом, якобы написанным Петром Иакову, брату Иисуса, главе Иерусалимской церкви. Письмо заповедует Иакову не давать писания Петра никому чужому, чтобы они не были неправильно истолкованы или искажены. Их можно доверить только избранной группе верных людей. Автор, «Петр», нападает на христиан, которые толкуют его концепцию в том смысле, что иудейский закон более не имеет силы. Это совершенно неверно, говорит автор, потому что сам Иисус указал: «ни одна йота или ни одна черта не прейдет из закона» и он будет действителен вечно (см. Мф 5:17–20). Согласно этому письму, один из оппонентов Петра, в частности, увлёк «происходящих из язычников» отвергнуть «законное благовестие» и вместо этого предпочесть «беззаконное и беспочвенное учение враждебного человека».

Несложно понять, кто этот «враждебный человек», которому противостоит «Петр». Это тот, кто проповедует «происходящим из язычников», настаивает на благовестии, чуждом иудейскому закону («беззаконное учение»), и утверждает, что Петр и сам придерживается этого взгляда (см. Гал 2). Не называя его по имени, автор говорит о Павле.

Здесь мы видим образы Петра и Павла, существенно расходящиеся с тем, которые дают другие тексты Нового Завета [56]. В истории Древней церкви, как её описывает книга Деяний, Петр и Павел схожи во взглядах, единомышленны друг с другом по каждому важному вопросу, дружно благовествуют и, что самое важное, искренне согласны в том, что язычникам не надо становиться иудеями, чтобы быть последователями Иисуса (см. Деян 10–11; 15). Но это не аргумент для автора Послания Петра. Из послания очевиден раскол между Петром, ближайшим учеником Иисуса, и Павлом, пришедшим со стороны и неправильно истолковавшим Петра. Павел ошибочно истолковал евангельскую весть.

Итак, это автор, который видел в Павле «враждебного человека», а в его «беззаконном и беспочвенном учении» видел ересь. Для этого автора Павел был не просто не согласен с Петром – он был неправ. А на чьём авторитете основывалось это утверждение? На авторитете самого Петра. Автор совершил подлог от имени Петра, чтобы обосновать свою точку зрения.

Апокалипсис Петра

Я не буду подробно говорить в этой книге о том, как мы заполучили наши двадцать семь книг Нового Завета, то есть каким образом канон был сформирован и почему одни тексты в него вошли, а другие нет. Издано множество трудов, детально описывающих этот процесс [57]. Но замечу, что несколько книг были чрезвычайно близки к тому, чтобы войти в канон, хотя и не вошли в него. Точно так же были и такие, которые едва не были оставлены за границами канона, но потом всё-таки включены в его состав. Одной из книг, едва не вошедших в Новый Завет, был Апокалипсис Петра [58].

Мы знаем от таких авторов, как Евсевий, что даже в четвертом столетии существовали христианские общины, которые считали, что Апокалипсис Петра следовало включить в канон либо вместо Апокалипсиса Иоанна (т. е. книги Откровения, которая, в конце концов, и была включена), либо наряду с ним [59]. Однако Апокалипсис Петра сильно отличается от Апокалипсиса Иоанна. Обе книги являются апокалипсисами, в которых автору даётся откровение о священных божественных тайнах, что придают смысл земным мирским реалиям. В новозаветном Апокалипсисе Иоанна эти тайны относятся к будущему ходу истории, которая будет развиваться на земле в соответствии с тем, как уже решено на небе. В неканоническом Апокалипсисе Петра эти тайны относятся к загробной судьбе душ умерших. Книга описывает индивидуальный тур Петра по царствам спасенных и осужденных.

Большинству читателей знакома идея путешествия по раю и аду из Божественной комедии Данте. Однако Данте не был автором идеи. Он лишь стоит в длинном ряду христианских писателей, которые использовали идею загробного тура, чтобы сделать акцент на важных для посмертной участи моментах земной жизни. Наш самый ранний пример литературы такого рода – Апокалипсис Петра.

И снова это книга, о которой мы знали столетиями, прежде чем она стала досягаема. Как оказалось, это был ещё один из четырех текстов, найденных в шестидесятишестистраничной книге из раскопок в Ахмиме, Египет, в 1886 – 87 гг. Позже была найдена эфиопская версия, оказавшаяся более полной.

Повествование начинается беседой Иисуса с Петром и другими учениками на Елеонской горе (см. Мк 13). Они спрашивают Иисуса, что произойдёт при кончине мира, и тот даёт им краткий ответ. Но потом беседа переключается на полное выразительных деталей описание того, что происходит с душами умерших в местах мучений или вечного блаженства. Как иногда и случается в таких индивидуальных турах по раю и аду, описание царства

блаженных кратко и несколько шаблонно. В конце концов, существует не так много способов описать царство вечной, восторженной радости. Это невероятно! Что тут ещё скажешь? Совсем другое дело – царство осужденных. При наличии некоторой изобретательности и воображения каждый может придумать страшное и подробное описание мучений грешников.

В видении Петра осужденных пытают в соответствии с их грехами, так что наказание соответствует преступлению. Например, те, кто богохульствовал против путей праведности, то есть согрешал словом, были подвешены за языки над неугасимым огнём. Женщины, заплетавшие волосы, чтобы выглядеть привлекательными для мужчин и соблазнять их, на этих самых волосах и висели над вечным пламенем. А мужчины, которых они соблазнили, были подвешены над тем же огнём за другую часть тела. И мужчины эти кричали, как вы можете представить: «Не думали мы, что попадем в это место!»

Общий посыл этой книги довольно ясен и в целом не трудноуловим: если хочешь наслаждаться райским блаженством и избежать ужасных адских мучений, не греши! Этот посыл передаёт достоверную и непреложную истину: тем, кто не смог следовать воле Божьей, предстоят вечные муки. Откуда мы знаем? Нам сказал это тот, кто видел всё своими глазами – сам Петр, правая рука Иисуса. Стремясь распространить свою мысль, автор пишет от первого лица, но не своего, а первого из учеников Христовых. Перед нами снова подлог, совершенный от имени Петра.

Канонические тексты под именем Петра

Книги, о которых я говорил выше – Деяния Петра, Евангелие Петра, Псевдо-Клементины, Послание Петра (к Иакову), Апокалипсис Петра, – не единственные в Древней церкви выдумки о Петре и подлоги, якобы написанные Петром. Были и другие: другие «Деяния» Петра, собрание под названием «Поучения» Петра, два других апокалипсиса Петра. И это только те, которые у нас есть. Никто не знает, сколько их существовало всего. В Древней церкви написание книг от имени Петра было фактически целым кустарным производством.

Возможно ли, что при такой интенсивности использования имени Петра для придания авторитета своим взглядам какие-то подлоги от его имени попали в Новый Завет? Оказывается, это две книги с именем Петра – Первое и Второе Послания Петра. Оба заявляют о себе как о написанных Петром, но есть веские основания полагать, что ни одно из них не было им написано.

Первое Послание Петра

Это послание якобы написано «Петром, апостолом Иисуса Христа» христианам, которых он называет «пришельцами» в пяти провинциях западной части нынешней территории Турции [60]. Здесь нет сомнений, что автор претендует на имя Петра – ближайшего ученика Иисуса. Имени собственного «Петр» не существовало до того, как Иисус дал его Петру в качестве прозвища. Согласно Евангелиям, настоящим именем апостола было Симон. Но Иисус назначил ему быть «камнем» (по-гречески петрос), на котором будет основана церковь (см. Мф 16:13–18) [61]. Насколько нам известно, до того времени, когда христиане стали называть своих детей в честь апостолов, других людей с именем Петр не существовало. Отсюда очевидно, что автор послания претендует именно на имя того самого Петра. Это подтверждается его словами в 5:1, где он называет себя «свидетелем страданий Христовых» [62].

Страдания являются ключевой темой послания. В самом деле, слово «страдание» встречается в этом коротком тексте из пяти глав чаще, чем в любой другой книге Нового Завета, включая Евангелия, которые гораздо, гораздо объёмнее. Автор подразумевает, что его читатели сами подвергаются гонениям, которые в будущем станут ещё больше. Он пишет им, что, «поскорбев теперь немного… от различных искушений», они очистятся и вера их станет «драгоценнее… огнем испытываемого золота» (1:6–7). Поэтому им не следует

чуждаться «огненного искушения… посылаемого», но надлежит радоваться как участвующим «в Христовых страданиях» (4:12–13).

Ученые долго спорили, какие страдания имеет в виду автор. Согласно прежней точке зрения, речь идёт о государственных преследованиях, подобных устроенным императором Нероном, когда он схватил и казнил христиан Рима в 64 году, обвинив их прежде в устройстве разрушительного для города пожара, который, вполне вероятно, был устроен им самим. Но на протяжении двух последних десятилетий, или около того, ученые подчеркивают, что в послании нет ни слова об «официальных» гонениях, где христиан бы арестовывали, судили за веру и предавали пыткам. Вместо этого говорится о бывших друзьях, которые не понимают и не ценят новый образ жизни христиан, чуждый языческим радостям (4:1–5). Иными словами, христиане оставили языческие праздники, чтобы сформировать собственные тайные общества. Это не понравилось язычникам, вызвало у них подозрительность и неприязнь, привело к локальным противостояниям с христианами, которые могли оборачиваться конфликтами.

Если это именно тот случай, то понятно, почему автор призывает своих читателей быть покорными правительству и властям (2:13–15), вести перед внешними добродетельную жизнь (2:12), быть преданными рабами, женами и мужьями (2:18; 3:7) и, не подавая поводов для наказания за проступки, терпеть страдания за благие дела (2:20). Немалая часть призывов и наставлений читателям основывается на сложном истолковании значимых отрывков из Ветхого Завета, приведенных, конечно, по греческому тексту Септуагинты (легендарное происхождение которой описано в подложном Письме Аристея, обсуждавшемся в главе 1). Это отчетливо видно, например, в 1:24–25; 2:3, 6–9, 22, 24–25; 3:10–12.

Автор заканчивает свои наставления быть стойкими в скорбях указанием, что письмо написано «через Силуана, верного… вашего брата» (т. е. христианина), и приветствием от «избранной, подобно вам, церкви в Вавилоне» (5:13). Ученые давно разобрались, что означает эта последняя часть. Евреями в Вавилоне виделся главный враг Божий, поскольку именно Вавилон поразил Иудею и разрушил Иерусалим с его храмом в VI в. до н. э. В конце первого столетия христиане и иудеи начали использовать слово «Вавилон» для обозначения города, который был врагом Божьим уже в их дни – для Рима, который также разрушил Иерусалим и его храм в 70 г. н. э. (см., напр., Откр 14:8; 17:5). Следовательно, автор пишет из Рима. Это имеет смысл при том, что позднейшая традиция считает Петра первым епископом Рима, первым папой.

Но традиция также считает, что Петр был казнён в Риме в 64 году при императоре Нероне. Разве есть смысл в именовании Рима Вавилоном до того, как тот разрушил Иерусалим в 70 году? Когда разразилась эта катастрофа, Петр давно был мертв. Оказывается, есть и другие, весьма существенные основания полагать, что Петр не писал эту книгу. Она была написана кем-то другим, назвавшимся Петром. Но прежде чем рассказать об этих основаниях, следует сначала рассмотреть второе послание, написанное от имени Петра.

Второе Послание Петра

Относительно Второго Послания Петра среди ученых гораздо меньше споров, чем о любой другой книге Нового Завета из тех, что есть основания считать подложными. Кто бы ни написал 2Пет, это не был Симон Петр [63]. Автор определенно претендует на это имя, даже ещё более явно, чем в 1Пет. Он представляется как «Симеон [64] Петр [65], раб и апостол Иисуса Христа». Более того, им говорится о личном присутствии при описанной в Евангелиях сцене Преображения, когда на глазах апостолов Петра, Иакова и Иоанна вид Иисуса изменился, он заговорил с Моисеем и Илией, и голос с неба возвестил, что «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (см. Мф 17:1–8). Автор настойчиво утверждает, что эти слова там были услышаны им лично, будучи донесены гласом «велелепной славы» (1:17). Автор хочет, чтобы здесь не было никаких сомнений: он – Петр.

Главный предмет его озабоченности – появление в общине ложных учителей, которые извратили истинный смысл благовестия. Большую часть второй главы эти люди просто поносятся даже без объяснения того, в чём же, собственно, состоит их учение. В этом крайне агрессивном выпаде их учения называются «пагубными ересями», а сами оппоненты характеризуются как алчные, лицемерные и распущенные личности. Автор считает, что они будут наказаны так же, как жители Содома и Гоморры и как все, кто населял землю во времена Ноя. Проще говоря, они тоже будут уничтожены. Он называет их невеждами и говорит, что «срамники и осквернители, они наслаждаются обманами своими, пиршествуя с вами». Он говорит, что «глаза у них исполнены любострастия и непрестанного греха». И так далее, и тому подобное.

Это нападение на своих оппонентов, «ложных пророков», имеет изрядное словесное сходство с новозаветным Посланием Иуды. Параллелей действительно много, и учёные практически едины во мнении, что автор просто немного отредактировал Послание Иуды для своего текста.

Помимо ложных учителей здесь появляются «наглые ругатели», которые смеются над христианским упованием на скорое пришествие Иисуса для совершения суда. Если он должен был скоро прийти, говорят эти скептики, то почему не пришёл? Прошло много времени, а всё идёт по-старому! Ответ автора гласит, что неверующие в пришествие заблуждаются в своем невежестве, забыв, что «у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день» (3:8). Иными словами, если Иисус ждёт ещё три тысячи лет, всё равно он придёт «вскоре». На самом деле Иисус медлит лишь для того, чтобы дать людям шанс покаяться до грядущего разрушения. Сам Павел, говорит нам автор, учит этому «во всех посланиях… что невежды и неутвержденные, к собственной своей погибели, превращают, как и прочие Писания» (3:16).

Одна из причин, по которой почти все ученые согласны, что в действительности Петр не писал этого письма, заключается в принадлежности описываемой в письме ситуации к гораздо более позднему времени. Когда Петр умер – предположим, в 64 г. при Нероне, – по-прежнему сохранялся высокий уровень ожидания скорого пришествия Иисуса; со времени распятия ещё не сменилось поколение. Должно было пройти немало времени, чтобы заявления христиан о наступлении конца прежде, чем «прейдет род сей» (Мк 13:30) и апостолы «вкусят смерть» (Мк 9:1), начали звучать фальшиво. Ко времени написания 2Пет христианам уже приходилось защищать себя от оппонентов, насмехавшихся над представлением христиан о близком конце. Поэтому «Петру» пришлось объяснять, что даже если до конца ещё тысячи лет, по божественному летоисчислению до него всё равно рукой подать, так что всё идёт как надо.

Более того, автор 2Пет пишет в то время, когда уже циркулировал корпус посланий Павла, и эти послания рассматривались как «Писание» (3:16) наряду с Ветхим Заветом. Этого никак не могло быть при жизни Павла [66], а ранняя церковная традиция указывает, что и Петр, и Павел были убиты в правление Нерона.

Это лишь некоторые из причин считать, что 2Пет практически точно не могло быть написано Петром [67]. Но есть ещё один убедительный довод: существуют веские основания полагать, что Петр не умел писать.

Симон Петр, Древняя Палестина и грамотность

Что нам известно о грамотности и умении писать в Древнем мире, особенно в сельской местности Палестины, где родился и вырос Симон Петр? Последние лет двадцать пять ученые-античники тщательно исследовали каждый аспект древней грамотности и образованности. В своем исследовании Древняя грамотность (1989), считающемся сейчас классическим, профессор древней истории Колумбийского университета Вильям Харрис показывает, что современные представления о грамотности просто неприложимы к древним временам [68]. Сегодня в современной Америке мы живем в мире, где практически каждый

ребенок ходит в школу и учится читать и писать. Почти каждый, кого мы знаем, сможет прочитать спортивную страницу газеты и сделать выписки из книги, если пожелает. Но феномен поголовной грамотности совершенно нов. До промышленной революции общество не имело веских причин вкладывать огромные средства в создание грамотного населения. Только по мере роста индустриализации всеобщая грамотность стала желательной и достижимой.

Харрис утверждает, что в Древнем мире, в его самые лучшие времена лишь десять процентов населения могли считаться грамотными. Под «лучшими временами» он подразумевает центр образованности на пике своей интеллектуальной мощи – Афины эпохи Сократа и Платона (V–IV вв. до н. э.). Большинство из этих десяти процентов составляли мужчины, как и следовало ожидать от патриархального общества. И все они принадлежали к высшему сословию, общественной и экономической элите, и имели досуг и деньги (ну, или деньги имели их родители) для того, чтобы позволить себе образованность. Люди из низших сословий не учились ни читать, ни тем более писать. И подавляющее большинство людей Древнего мира составляли именно низшее общество (многих удивит, что т. н. «средний класс» также является порождением промышленной революции; в Древнем мире каждый был или наверху, или внизу, или в самом-самом низу общества). Единственное исключение представляли собой рабы, которые действительно были низшим классом, но при этом иногда бывали образованы за счёт своих хозяев, чтобы справляться с домашним хозяйством, требовавшим навыков счёта и письма. Это могло быть ведение хозяйственных расчётов, помощь с корреспонденцией или обучение детей.

Когда я говорю, что лишь немногие могли читать, «тем более писать», то хочу выделить нечто крайне примечательное в Древнем мире. Дело в том, что в те времена чтение и письмо преподавались как два разных навыка [69]. Сегодня мы сразу учимся читать и писать, и мы, естественно, предполагаем, что если люди могут читать, то они могут также и писать – если не роман, то хотя бы письмо. Но это благодаря устройству нашей образовательной системы. В умении читать нет ничего такого, что обязательно влекло бы за собой умение писать. Я прекрасно знаю это по себе, поскольку читаю на греческом, еврейском, французском, немецком и ещё нескольких языках, но ни на одном из них не могу составить письмо. Я выучился всем этим языкам в магистратуре, так что могу читать в оригинале древние документы и современные научные исследования. Но я совершенно не умею писать на этих языках.

Большинство людей Древнего мира не умели читать. А те, кто умел читать, часто не умели писать. И здесь под словом «писать» я подразумеваю, что большинство людей – даже если они способны скопировать слова – не в состоянии составить предложение, не говоря уже о хорошо аргументированном трактате. С другой стороны, те люди, что могли сочинить этический очерк, ученое философское исследование или сложный богословский трактат, были в высшей степени образованы и в той же степени редки. И это в лучшие времена. Весьма, весьма немногие люди могли сделать всё это не на своем родном языке. Не скажу, что один процент населения мог сделать это. Скажу, что на это были способны гораздо меньше одного процента.

Иногда думают, что Палестина в этом отношении составляла исключение, что в Палестине все еврейские мальчики учились читать, чтобы изучать иудейское писание, и поскольку они умели читать, то, возможно, могли и писать. Сверх этого часто утверждается, что в Палестине большинство взрослых были двуязычны или даже трехъязычны, могли читать на еврейском, говорить на местном арамейском и без затруднений общаться на греческом – языке межнационального общения в империи. Однако последние научные изыскания, касающиеся грамотности в Палестине, убедительно показали, что ни одно из этих предположений не является верным.

Самое полное, самое тщательное, самое всестороннее и авторитетное исследование грамотности в Палестине времён Римской империи принадлежит Катерине Хежер [70]. Изучив все свидетельства, Хежер пришла к заключению, что, по самым оптимистичным подсчётам, в Римской Палестине умели читать около трёх процентов населения, причем большинство из них было сосредоточено в городах и больших селениях. Большинство людей за городской чертой вообще вряд ли хоть раз в жизни видели написанный текст. В небольших селениях и деревнях процент грамотности не превышал одного процента. Кроме того, знающие грамоту почти всегда составляли сливки высшего общества. Учившиеся чтению учились читать на еврейском, но не на греческом.

Повторюсь, что при этом гораздо больше людей умели скорее читать, чем писать. Люди, умевшие писать, в основном были священниками. Фактически за всё первое столетие (время Иисуса и Симона Петра) нам точно известны только два автора из Палестины, которые оставили после себя какую-то литературу (т. е. сочинения, отличные от налоговых документов, земельных актов, брачных свидетельств и т. п.): это еврейский историк Иосиф Флавий и человек из Тиверии по имени Иуст. Писания Иосифа сохранились, а вот наследие Иуста до нас не дошло. Оба они принадлежали к высшим слоям общества, и оба были необычайно хорошо образованны. Больше мы не знаем ни одного писателя за всё столетие. Принадлежал ли Петр к классу Иосифа и Иуста? Нет, даже близко.

Что же насчёт греческого образования на родине Петра? Иногда полагают, что поскольку Галилея, являющаяся северной частью Израиля, иногда называлась «Языческой Галилеей», то во времена Иисуса и Петра она была переполнена язычниками. И согласно простой логике, если там было много язычников, то там звучала греческая речь, а если продолжить рассуждение, то по-гречески должен был говорить каждый. Оказывается, это не так.

Самое последнее тщательное исследование по галилейским язычникам было произведено американским ученым Марком Ченси [71]. Ченси изучил каждую археологическую находку из Галилеи около I в. н. э., прочитал каждый кусочек текста, который мог иметь хоть какое-то отношение к этому периоду, и пришёл к решительному заключению: язычники в Галилее были почти полностью локализованы в двух городах – Сепфорисе и Тиверии. Вся остальная Галилея была преимущественно иудейской. И поскольку Галилея по большей части представляла собой сельскую, а не городскую местность, подавляющее большинство иудеев не сообщались с язычниками. Кроме того, греческий не имел широкого распространения, не говоря уже о его бытовом использовании. Иудеи в большинстве своём говорили на арамейском языке и не имели представления о греческом.

Каким образом все эти сведения противоречат мнению, что Петром написаны Первое и Второе послания или что бы то ни было ещё? Давайте посмотрим. Разве Петр принадлежал к высшему слою образованной элиты Палестины, где лишь и могли быть составлены письма-очерки на греческом? Если не считать упомянутые мною легенды, все сведения о жизни Петра даёт нам Новый Завет. И основное, что нам известно о Петре, это то, что до своего апостольства он был рыбаком из галилейского Капернаума.

Соответственно, именно с Капернаума следует начать оценку лингвистических возможностей Петра. Полный набор сведений, известных нам о современном Петру Капернауме, предоставлен американским археологом Джонатаном Ридом [72]. Археологические раскопки и исторические источники ясно показывают, что Капернаум представлял собою незначительный с исторической точки зрения городок в сельской местности Галилеи, который ни разу не упоминается ни в одном источнике до Евангелий и почти не упоминается после них. Это было установлено археологами в XIX веке и лишь подтверждалось последующими изысканиями. Во времена Иисуса там могло проживать от шестисот до полутора тысяч человек, т. е. в районе тысячи.

Археологические раскопки не выявили ни одного общественного строения, будь то лавки или складские помещения [73]. По всей видимости, рынок, где приобретались продукты и хозяйственные товары, находился на немощёной открытой площадке под тентами и в палатках. Поселение находится в стороне от главных международных торговых путей. Римские дороги появляются здесь лишь спустя сотню лет после жизни Петра. Нет никаких следов языческого или нееврейского присутствия. Никакие постройки не имели никаких надписей. Рид с уверенностью заключает, что население Капернаума было «преимущественно неграмотным». Археологам не удалось обнаружить ничего, что хоть как-то указывало бы на наличие здесь в первом столетии элиты общества (т. е. оштукатуренных поверхностей, декоративных росписей, мрамора, мозаики, черепицы). Дома были грубо сложены из камня, пустоты заполнялись глиной или грязью; крыши были, по всей видимости, соломенными.

Короче говоря, родиной Петра был захолустный еврейский городок, населенный бедняками, не имевшими никакого образования. Говорили все на арамейском. Ничто не указывает, что кто-то говорил по-гречески. Ничто не указывает, что кто-то умел писать. Будучи рыбаком из низшего сословия, Петр начал работать ещё в детстве и никогда не был в школе. Впрочем, школы там тоже, вероятно, не было, а если и была, он либо не посещал её, либо мог получить в ней только элементарные навыки чтения на еврейском. Но скорее всего, ничего этого не было и Петр был неграмотным рыбаком.

Конечно, это не сюрприз. Оказывается, Новый Завет содержит прямое свидетельство об образовательном уровне Петра. Согласно Деяниям 4:13, как Петр, так и его спутник Иоанн, тоже рыбак, были ἀγράμματοί, это греческое слово буквально переводится как «неграмотны».

Итак, разве возможно, чтобы Петр написал новозаветные послания? Мы видели веские причины полагать, что он не писал 2 Пет, и некоторые причины считать, что он не писал 1 Пет. Но в высшей степени вероятно, что на самом деле он вообще не умел писать. Следует напомнить, что Первое послание написано высокообразованным грекоязычным христианином, близко знакомым с Септуагинтой – иудейским Священным Писанием в греческом переводе. Это не Петр.

Теоретически возможно, конечно, что после воскресения Иисуса Петр решил пойти в школу. Согласно этому воображаемому сценарию (чтоб не сказать – нереальному), он выучил алфавит, научился складывать слоги и затем слова, научился читать и потом научился писать. Потом он пошёл в греческую школу, освоил греческий и начал запоминать наизусть большие куски из Септуагинты, после чего прошёл курс греческой литературной композиции и научился составлять сложные и риторически эффектные предложения. Потом, к концу жизни, он написал Первое послание.

Разве это правдоподобный сценарий? Не говоря о том, что нам неизвестно о взрослых образовательных заведениях в античности – нет сведений, чтобы они существовали, – наиболее разумные люди, как мне кажется, скорее предположат, что после того, как Петр уверовал в воскресение Иисуса, у него появились другие мысли и другие дела. Скорее всего, он ни на секунду не задумывался о том, как бы ему стать изощренным греческим писателем.

Некоторые ученые утверждали, что Петр не писал 1 Пет напрямую (как я говорил, про 2 Пет вообще почти никто не думает, что оно принадлежит Петру), но он написал его иным образом, например продиктовав писцу. Некоторые обратили внимание, что послание написано «через Силуана» (5:12), и подумали, что Силуан, возможно, записывал за Петром его мысли. В главе 4 будет рассмотрен вопрос, составляли ли когда-либо писцы или секретари подобные письма-очерки. Ответ: «Практически точно нет». Но пока я могу сказать пару слов конкретно о 1Пет.

Прежде всего к нашему времени ученые в основном уже поняли, что когда автор указывает, что письмо написано им «через Силуана», он указывает не на секретаря, а на

человека, который доставит письмо получателю. Авторы, использующие секретарей, не ссылаются на них таким образом.

Но почему не предположить, что Петр использовал в качестве секретаря кого-то другого, кроме Силуана? Это поможет представить, как эта теория работала бы на практике. Петр не мог диктовать это письмо секретарю на греческом так же, как не мог и писать его на греческом. Это требовало бы от него свободного владения греческим языком, греческой риторикой и близкого знакомства с Септуагинтой. Всё это неправдоподобно. Но так же трудно представить, что он диктовал письмо на арамейском, а секретарь переводил его на греческий. Послание выглядит не греческим переводом с арамейского, а оригинальным сочинением на греческом языке, расцвеченным греческими же риторическими приёмами. Кроме того, послание предполагает знание Ветхого Завета на греческом, так что лицо, сочинившее письмо (в устной или письменной форме), всё равно должно было знать Писание по-гречески.

Возможно ли, чтобы исторический Петр поручил кому-то написать письмо, самостоятельно лишь объяснив его основное содержание? На этот вопрос есть два ответа. Во-первых, если бы было видно, что послание фактически сочинено кем-то другим, то этот другой, а не Петр, и считался бы его автором. Но этот другой нигде не называется. Даже в посланиях Павла, написанных в соавторстве (т. е. почти всех), он называет чужие имена, хотя писал, скорее всего, сам. А в случае Петра мы ничего такого не видим. При этом следует помнить о веских основаниях предполагать, что Послание было написано после смерти Петра, поскольку в нем намекается на разрушение Иерусалима римлянами в 70-м году.

Во-вторых, ещё более убедительным выглядит вот что. Где в Древнем мире мы можем встретить хоть какой-то аналог этой гипотетической ситуации, когда один пишет за другого послание-очерк и подписывается не своим, а его именем – именем человека, который не писал эту работу? Насколько мне известно, нет ни одного примера такого поступка, засвидетельствованного античностью, и нет ни одного упоминания ни в одном древнем источнике о существовании подобной законной практики. Или даже незаконной. Подобные факты ни разу не упоминались.

Однако есть множество примеров другого феномена. Это феномен написания христианскими авторами псевдонимных произведений, ложно выдаваемых за принадлежащие известным личностям. Древние ученые назвали бы такую книгу как «ложно надписанную», «ложную» или «незаконнорожденную». Современные люди просто называют это подлогом.

3. Подлоги под именем апостола Павла

Когда в 1971 году я стал рожденным свыше христианином, мне не терпелось прочитать и узнать о Писании всё что только можно. В тот момент я не имел понятия, что есть такая наука, как библеистика, или что есть книги, написанные настоящими экспертами, которые в течение долгих лет совершенствовались в древних языках, таких, как греческий и еврейский, и постигали всяческие древние источники для того, чтобы получить исторически точный материал. Я просто наслаждался беллетристикой об Иисусе или Павле, и мне хватало этого уровня. Конечно, беллетристика является лёгким для чтения жанром, а это мне тогда и нравилось.

За год до того начал активно продаваться роман Тейлор Колдуэлл «Великий Лев Господень» – вымышленная история жизни апостола Павла. Целых восемь месяцев он находился в списке бестселлеров газеты Нью-Йорк Таймс, и по моим представлениям, раз уж столько народу его читает, он должен быть точным и информативным. Тогда я жадно проглотил его и лишь позже осознал, сколько вымысла было в этом «историческом» романе. Вспоминаю об этом годы спустя и страстно надеюсь, что фантазия писательницы наложила не слишком существенную печать на мои «общие представления» о Павле.

Один эпизод из книги, который плотно засел у меня в голове, являлся попыткой Колдуэлл объяснить, почему Павел так быстро обратился и стал последователем Иисуса после того, как жестоко преследовал церковь. Она нарисовала приблизительно такую картину. Еще подростком Павел был чрезвычайно ревностным иудеем и изо всех сил держался закона иудейского. Но однажды он поддался непреодолимому искушению. У местного озерца ему повстречалась юная темноволосая рабыня. Сексуальный контакт с ней породил тогда в Павле огромное чувство вины, которое он пытался облегчить, став ещё более религиозным человеком. Вскоре он услышал о последователях Иисуса, которые проповедовали, что спасение может прийти и к тем, кто не соблюдает закон, поскольку приходит просто через веру во Христа. Павел пришёл в ярость и заручился официальным разрешением для их преследования. Это было естественным продолжением его попыток заглушить собственное чувство вины; активная религиозная деятельность успокаивала его совесть. Но чем больше он проявлял рвения для торжества иудейского закона во всех его мельчайших деталях, тем сильнее давило на Павла чувство вины за нарушение его.

Потом было явление Иисуса по дороге в Дамаск. Павел впервые осознал сразу две вещи: что он не в состоянии по-настоящему соблюдать закон и что ему это и не нужно. Иисус принес ему облегчение от глубоко спрятанного внутри чувства вины, и безгранично благодарный Павел бросился миссионерствовать в пользу церкви с той же ревностностью, с какой раньше преследовал её.

Объёмистая книга Колдуэлл была убедительна, особенно для подростка, отчаянно желавшего узнать побольше о своей новообретённой вере. Оказалось же, что весь сюжет был полностью вымышлен. Нет никаких исторических свидетельств о сексуальных опытах Павла у близлежащего водоёма, и ничто не указывает на присутствие у него чувства вины из-за слабости перед законом, но всё равно множество христиан продолжают ложно истолковывать Павла именно таким образом. У нас есть достаточное понимание того, что думал Павел, поскольку после него осталось несколько посланий (все они есть в Новом Завете). Когда он говорит о своей иудейской жизни до Иисуса, притом что сам указывает на своё ревностное отношение к закону, он ясно даёт понять, что здесь не было никакой вины за его неисполнение. Напротив, Павел подчеркивает, что как преданный иудей он «непорочен» перед законом (Флп 3:6). Когда он стал последователем Иисуса, то не для того, чтобы разрешить внутренний конфликт и избавиться от чувства вины. Это случилось потому, что он пришёл к пониманию, что смерть Иисуса была единственно важной для спасения вещью, а всё остальное, даже закон, было лишь «сором» (как он выразился в Флп 3:8).

Тейлор Колдуэлл, конечно, были доступны собственные письма Павла, и она могла бы знать, что он говорил о своей жизни до Иисуса на самом деле. Но вероятно, для написания удачного романа реальная жизнь апостола годилась хуже, чем идея свидания с юной рабыней. Наличие подлинных сведений из первых уст никогда не мешало людям рассказывать о Павле вымышленные истории.

Древние вымыслы о Павле

Пожалуй, ни об одном из когда-либо живших христиан не было рассказано столько историй, сколько о Павле. До нас дошли несколько древних легенд того же плана, что и о Петре. Однако что касается Павла, то у нас есть случай, когда один человек сам придумывал рассказы о Павле, но был пойман за руку и наказан. Древние люди смотрели на подобные сочинения или, точнее сказать, выдумки об исторических фигурах так же, как смотрели на подлоги (произведения с заведомо ложным авторством): для них это были произведения из разряда псевдонимных, ложных или фальшивых, к которым обычно относились негативно.

Многие древние выдумки можно найти в книге под названием Деяния Павла, пережившей разрушительное влияние времени лишь фрагментарно. Это сочинение описывает миссионерскую деятельность Павла, его проповеди и поразительные чудеса.

Пожалуй, самой известной частью книги является история Феклы, молодой богатой женщины, оставившей своего жениха, чтобы стать преданной последовательницей Павла.

Павел прибывает в город Иконий, где его приглашают в дом христианина по имени Онисифор. Там он произносит проповедь. Но эта проповедь сильно отличается от того, чему сам Павел учит в своих новозаветных посланиях, всегда говорящих о необходимости веры в смерть и воскресение Иисуса для своего спасения. Здесь, в Деяниях Павла, предметом проповеди является половое воздержание. Только чистые сердцем и телом, сохранившие себя в целомудрии, наследуют царство. Это касается не только одиноких людей, но и состоящих в браке. Секс запрещён.

Жившая по соседству Фекла по случайности сидела в это время у своего окна на втором этаже и слышала всю проповедь. Она была обручена с богатым и известным человеком, но услышанное заставляет её отказаться от свадебных планов и последовать за Павлом. Мать и расстроенный жених тщетно пытаются её переубедить. Отвергнутые и разъярённые, они передают Феклу властям для публичного сожжения за нарушение общественных обычаев. Чудесным образом ей удаётся сбежать, и она становится последовательницей Павла. Остальное повествование посвящено её приключениям с Павлом и их преследователями.

В другом городе она сопротивляется сексуальным домогательствам аристократа и снова приговаривается к смерти. В этот раз её должны бросить диким зверям. Но расстроена она лишь тем, что может умереть, не успев окреститься в своей новой вере. Увидев водоём с тюленями-людоедами (кем бы они ни были на самом деле), она бросается в него и исповедует себя крещённой. Бог являет ещё одно чудо, и Фекла спасается невредимой. Наконец она воссоединяется с апостолом, сообщает ему о своём желании нести благую весть, и тот наделяет её соответствующими полномочиями.

Я вкратце обрисовал содержание этой действительно долгой и интересной истории. В первые века она была очень популярна среди некоторых групп христиан. А среди церковных руководителей она даже вызвала некоторую обеспокоенность, поскольку задела их значительностью роли Феклы, которая могла (сама!) себя крестить и, будучи женщиной, проповедовать благую весть. Ко второму столетию в большинстве церквей такие богослужебные функции уже были закреплены за мужчинами. Но казалось, что благодаря образу Феклы, не менее значительному, чем образ Павла, эти истории санкционируют и служение женщин. Кроме того, «благовестие» Павла в этом тексте касалось исключительно полового воздержания и уклонения от брака. В других церквах учили о важности семей и о том, что возглавлявшие их мужчины должны быть женаты, что их жены должны иметь детей и быть во всём покорны своим мужьям. Альтернативная перспектива в повествовании о Фекле вела к серьёзным разделениям в церкви [74].

Мы знаем об этом потому, что впервые древний автор упоминает об этой истории именно для того, чтобы противостать ей. Этим писателем был известный христианский богослов, защитник веры и женоненавистник Тертуллиан, который около 200 г. н. э. написал трактат о крещении. В этом трактате он нападает на женщин, которые использовали историю Феклы для оправдания практики крещения женщинами, в то время как для Тертуллиана это было исключительным правом мужчин. Тертуллиан утверждает, что весь сюжет с Феклой является вымыслом и не имеет исторической ценности. Как он говорит, на самом деле автором истории был пресвитер из Малой Азии. Он был пойман на этой выдумке и по церковному суду лишен своего церковного положения. Таким образом, согласно Тертуллиану, эта легенда не может служить оправданием практики крещения женщинами [75].

Ученые часто цитируют этот краткий, но замечательный пассаж из Тертуллиана, чтобы показать, что церковь не приветствовала подделывателей. Я бы тоже хотел, чтобы смысл инцидента был именно таков, поскольку и сам думаю, что подделывателям не были рады. Но к сожалению, здесь мы можем говорить лишь о недобросовестном сочинителе, а не подделывателе. Пресвитер из Малой Азии не писал книгу, которую бы пытался выдать за

написанную Павлом; он написал книгу с вымышленными рассказами о Павле. При этом верно замечено, что поступили с ним так же, как обычно поступали с фальсификаторами. С него было строго взыскано за неправду.

По основательным причинам рядом ученых считалось, что пресвитер не сам придумал истории о Фекле, но лишь пересказал их, отредактировав для своих собственных целей. Иными словами, к концу второго столетия, когда он написал свою книгу, рассказы для неё уже давно существовали в устной традиции. Это вполне может быть так, как мы увидим далее в этой главе, когда снова вернемся к этой истории. Но в любом случае, кто-то выдумал все эти рассказы, поскольку они неисторичны. Писатель или редактор, который записал их, был обнаружен. И последствия были нехорошими.

Неканонические подлоги под именем Павла

Если христиане подделывали истории о Павле, создавали ли они также и тексты якобы от его имени? Этим же вопросом мы задавались во второй главе относительно Петра, и ответ здесь будет точно таким же. Существует большое количество подлогов под именем Павла времён Древней церкви, и насколько мы можем судить, все они ставили целью подтверждение каких-то взглядов авторитетом апостола. Некоторые из этих подлогов уцелели, о других нам лишь известно, что они существовали.

Подлоги, совершенные Маркионом

Если вы подумали, что масштаб личности Павла мог служить Древней церкви лишь объединяющим фактором, то оказались крайне далеки от истины. Почти в то же самое время, когда пресвитер из Малой Азии явил миру повесть об апостоле, чреватую расколом из-за роли женщины в церкви, совсем с другого направления пришла ещё большая угроза церковному единству. Она заключалась в учении одного из самых больших почитателей Павла, учителя и богослова второго столетия н. э. Маркиона [76].

К сожалению, ни одно из сочинений Маркиона не сохранилось. Все они были в своё время сочтены еретическими и уничтожены. Что у нас есть, так это труды его оппонентов, включая уже упомянутого Тертуллиана, который написал опровержение учений Маркиона в пяти книгах. Этот труд сохранился и представляет собой золотую жилу по количеству информации о человеке, вызвавшем столько споров и разногласий в Древней церкви.

Маркион был выходцем из города Синопа на Южном побережье Черного моря. Как сообщают, его отец был епископом местной церкви, так что Маркион рос и воспитывался в христианском окружении. Его семья принадлежала к высшему обществу, а сам он ещё в молодости стал предпринимателем, предположительно в области кораблестроения. Сколотив приличное состояние, он уехал из Малой Азии в столицу империи Рим, где активно участвовал в церковном служении. Ученые традиционно относят римский период его жизни к 139–144 г. н. э.

Именно в Риме Маркион развил свои особые богословские идеи. Его особенно привлекала мысль Павла, что человек оправдан пред Богом не исполнением требований иудейского закона («делами закона», по его выражению в Гал 2:16), но только верой в Христову смерть и воскресение. Эту идею Павел особенно подчеркивает в канонических посланиях Галатам и Римлянам. Он проповедовал своё «евангелие» (буквально – «благую весть») язычникам, говоря им, что смерть Христа примиряет с Богом всех, кто имеет веру.

Маркион видел контраст между иудейским законом и Христовым Евангелием и дал увиденному логическое продолжение. Где закон, там нет Евангелия. У закона и Евангелия фундаментальные различия. Они противоречат друг другу. Ветхий Завет не имеет никакого отношения к благовестию Павла. Для Маркиона неизбежный вывод заключался в том, что Бог, который дал иудейский закон, не может быть тем же Богом, что спас людей от их грехов, которые они навлекли на себя нарушением закона. Другими словами, ветхозаветный Бог не был Богом Иисуса и его апостола Павла. Определенно это были два разных Бога.

Маркион считал, что Богом Ветхого Завета был еврейский Бог, который создал этот мир, избрал Израиль своим народом и дал ему свой закон. Однако никто не мог исполнять этот закон. Из этого ясно, что каждый приговорен Богом Ветхого Завета к проклятию. Он был Богом гневным и праведным – не злым, а просто безжалостно правосудным. А Бог Иисуса, с другой стороны, был Богом любви, милосердия и прощения. Этот благой Бог, будучи старше Бога евреев, послал Иисуса в мир, чтобы он умер за чужие грехи и спас людей от гнева Бога Ветхого Завета. И тогда спасение приходит через веру в смерть Иисуса.

Маркион вознамерился обосновать свою доктрину двух Богов в книге под названием «Антитезы» (т. е. «обратные утверждения»). В ней он указал на серьёзные противоречия между Ветхим Заветом и учением Иисуса и Павла. Например, Бог Ветхого Завета приказывает евреям захватить Обетованную землю и в первую очередь разрушить город Иерихон (Нав 6). Он отдаёт им указание войти в город и истребить в нем каждого мужчину, женщину и ребёнка. Разве это тот же Бог, – спрашивает Маркион, – который говорит «Люби своих врагов», «Обрати другую щеку» и «Молись за гонящих тебя»? Совсем не похоже, чтобы это был тот же Бог. Потому что это не он.

Бог Ветхого Завета посылал своих пророков, одним из которых был Елисей. Однажды, как повествует Ветхий Завет, Елисей был словесно оскорблен группой мальчишек, которые смеялись над его лысиной. Елисей призвал гнев Божий на этих мальчишек, и две вышедшие из леса медведицы растерзали из них сорок два ребенка (4 Цар 2:24). Разве это тот же Бог, что сказал «Пустите детей приходить ко мне»? Нет, есть два разных Бога.

Поскольку Бог Иисуса не есть Бог Ветхого Завета и, следовательно, не создатель мира, Иисус не мог принадлежать к числу тварных созданий. Он не мог родиться в этом мире как существо из плоти и крови, иначе он бы принадлежал Богу евреев наравне с его прочими творениями. Иисус должен был прийти с небес, непосредственно от истинного Бога. По этой причине физически он не был человеческим существом. Он только казался им. Короче говоря, Маркион оказался докетом (см. Главу 2). Для обоснования своих взглядов он опять же мог обратиться к текстам Павла, который писал, что Иисус пришел в этот мир «в подобии плоти греховной» (Рим 8:3). Для Маркиона всё это было лишь видимостью.

Маркион отмечен как первый христианин, настаивавший на определенном каноне Священного Писания, то есть собрании книг, в которых он видел божественный авторитет. В отличие от других канон Маркиона был замечательно короток. Поскольку еврейский Бог не был истинным Богом, его книга не была частью христианского Писания. Христианского Ветхого Завета просто не было. Но канон всё равно состоял из двух частей. В одной из них были послания Павла. Маркион знал десять из них, все они есть в Новом Завете. Не знал он только Посланий 1 и 2 Тимофею и Титу, так называемых пастырских посланий. Кроме этого, в своих посланиях Павел постоянно обращается к своему «благовестию». Поэтому второй частью канона Маркион сделал евангельский рассказ о жизни Иисуса. По всей видимости, это было переложение Евангелия от Луки.

Проблемой для этого канона из одиннадцати книг явилось то, что даже в нем цитировался Ветхий Завет как авторитетный источник, а мир выглядел созданием истинного Бога. Как это могло случиться, если Маркион был прав в своих взглядах на Павла и Иисуса? У Маркиона на это был простой ответ. Он считал, что после того, как Иисус оставил эту землю, его последователи и ученики переменили его учения и вернулись к своим прежним иудейским воззрениям, неверно толкуя смысл Христова благовестия и искажая последнее в пользу благости Бога-творца и его творения. Они никогда до конца не понимали учения Иисуса о том, что создатель не был истинным Богом. Именно поэтому Павел был призван к апостольству. Бывшие до него апостолы изменили учение Иисуса, и Павлу было поручено это исправить. Согласно Маркиону, ложным пониманием замысла Иисуса было заражено множество христиан, включая переписчиков текстов Павла и Луки. Эти одиннадцать книг, по сути, годами переписывались неправильно. Писцы, которые не понимали истины, что

существует два Бога, что Иисус на самом деле не рождался и не был человеком и т. д., – эти писцы изменили содержание текстов и наполнили их ложными представлениями. Поэтому Маркион отредактировал свои одиннадцать книг, вымарав из них всё, что казалось ему слишком иудейским.

Помимо этих одиннадцати книг у Маркиона и его последователей были другие сочинения, подделанные под писания Павла. Об этом мы знаем из частично сохранившегося текста, дошедшего до нас из второго столетия. Текста, где в противовес канонам Маркиона и других еретиков обсуждается вопрос, какие книги в действительности составляют канон Священного Писания. Этот текст называется каноном Муратори в честь итальянского ученого Муратори, который его открыл [77]. Помимо прочего, канон Муратори указывает, что маркиониты, последователи Маркиона, сфальсифицировали два письма от имени Павла – христианам городов Александрии и Лаодикии. Эти послания александрийцам и лаодикийцам, к сожалению, не сохранились. Но мы можем быть вполне уверены, что если когда-нибудь их найдут, то идеи о двух Богах, не-человеке Иисусе и принесённом им спасении будут видны в них гораздо сильнее, чем в книгах канона, составленного Маркионом.

Третье Послание Коринфянам

Для «ортодоксальных» христиан (т. е. христиан, чьи богословские взгляды впоследствии стали самыми распространенными в христианстве) было обычным делом уличать «еретиков» в фальсификации апостольских текстов, которыми те подкрепляли свои воззрения. Об этом будет сказано подробнее в шестой главе. Евангелие от Петра, например, обвиняли в ереси как передающее докетический взгляд на Иисуса. Но ортодоксальные христиане и сами фальсифицировали тексты. Таких подделок сохранилось гораздо больше, потому что они лучше сохранялись для потомков, даже если и не принадлежали на самом деле своим мнимым авторам.

Каждый, кто знаком с Новым Заветом, знает, что он содержит два письма Павла в Коринф, названные Первым и Вторым Посланиями Коринфянам. А вот чего большинство людей не знает, так это то, что за пределами Нового Завета существует текст, называемый Третьим Посланием Коринфянам. Это любопытное сочинение, написанное под именем Павла для того, чтобы дать отпор еретикам вроде Маркиона. Но Павел его не писал. Это подлог ортодоксальных христиан второго столетия.

Как и истории о Фекле, 3 Кор содержится в Деяниях Павла. Согласно тексту, в Коринф пришли и начали проповедовать свои ложные взгляды два еретика – уже известный нам Симон Волхв и Клеобий. Коринфские христиане были встревожены тем, что услышали от них, и в своем письме просили Павла преподать им правильное учение, а также прийти лично, чтобы помочь исправиться тем, кто поддался лжеучениям.

Это письмо Павлу, написанное от имени коринфян, является как бы первой частью 3 Кор. В нем излагаются утверждения двух лжеучителей, что не должно обращаться к ветхозаветным пророкам, что Бог «не всемогущ» (т. е. Бог-творец не есть Бог всего сущего), что не будет воскресения плоти, что человек не творение Божие, что Христос не приходил на землю во плоти и не рождался от Марии и что мир создан не Богом, а ангелами.

Многое из этого похоже на учение Маркиона. Как мы видели, Маркион обесценил человеческую «плоть», поскольку отверг саму идею, что создателем этого мира был истинный Бог. А существа из плоти, конечно, были сделаны именно создателем. Соответственно, последователи Маркиона не верили в будущую жизнь «во плоти» и считали, что при конце света не будет никакого физического воскресения. Также и Христос не мог иметь плоти и по-настоящему родиться. Поскольку Ветхий Завет не является частью христианской Библии, то для Маркиона невозможно обращение к пророкам и Бог-творец – не истинный Бог.

Но по крайней мере один аспект учения, приписываемого Симону и Клеобию, не выглядит по-маркионовски: утверждение, что мир создан ангелами. Маркион считал, что мир создан Богом Ветхого Завета. То есть либо некоторые последователи Маркиона полагали, что еврейский Бог создал мир посредством ангельских сил, либо вымышленные оппоненты коринфян были не прямыми последователями Маркиона, а «еретиками» со схожими взглядами.

Второй частью 3 Кор является ответ Павла. Он гораздо длиннее письма коринфян, и в нём «Павел» энергично оспаривает еретические взгляды, предложенные лжеучителями. Павел подчёркивает, что проповедуемое им учение было получено от других апостолов, которые «всё время с Господом Иисусом Христом пребывали». Другими словами, его проповедь вторична, а не уникальна. Это прямо противоречит Маркиону, который видел в Павле истинного апостола, противоставшего ложным учениям других апостолов, которые извратили послание Иисуса. Далее Павел обращает внимание на то, что Иисус в самом деле родился от Марии и пришёл во плоти, чтобы искупить всякую плоть и восставить во плоти людей из мертвых. Истинный Бог есть создатель, и пророки были его представителями.

Акцентирование «плоти» довольно интересно, но при этом несколько парадоксально. Одно недавнее исследование 3 Кор показало, что фальсификатор, в чьи намерения входило опровержение ложных доктрин еретиков, решил свою задачу через использование идей, которые не соответствуют учению настоящего, исторического Павла [78]. Сам Павел безусловно верил, что Бог создал этот мир и в конце времен спасёт его. Как и большинство современных ему иудеев и христиан, Павел считал, что при кончине мира произойдёт телесное воскресение. То есть Страшный суд, каким бы ни был его приговор, люди встретят в своих собственных воскрешённых телах (см., напр., 1 Кор 15). Но Павел не называл тело «плотью». Напротив, у Павла слово «плоть» имеет совсем другое значение. Им обозначалась подконтрольная греху часть человеческой природы, удаляющая человека от Бога (см., напр., Рим 8:1–9). Согласно Павлу, «плоть» следует преодолеть, поскольку она подвластна греху. Из мёртвых должно быть воскрешено человеческое тело, а вот плоть должна быть умерщвлена.

Позднее, когда богословы перестали делать различие между плотью и телом, это довольно специфичное понимание термина «плоть» было утеряно в ортодоксальном христианстве. И то же самое случилось уже здесь, в Третьем Послании Коринфянам. В отличие от Павла, его автор подчеркивал важность плоти как Божия творения, которое будет восставлено. Иными словами, мы видим пример того, как фальсификатор, выдающий себя за Павла, пытается Павловым именем исправить ложные учения, представляя при этом точку зрения, чуждую самому Павлу.

Переписка апостола Павла с Сенекой

Совсем другая история открывается перед нами в гораздо более поздней подделке писем Павла, которой суждено было приобрести большое влияние на последующие христианские представления о Павле. К концу второго столетия многие христиане (не только Маркион) считали Павла самой важной фигурой в христианстве после Иисуса. Павла расценивали как великого апостола, великого ритора и великого богослова церкви. Его писания читались повсеместно, а его мысли высоко ценились. Но с годами христиане стали задумываться, почему о Павле не упоминает ни один из современных ему великих мудрецов, если тот действительно был таким выдающимся мыслителем. Почему в Римской империи за церковными пределами он выглядит великим неизвестным?

Где-то в четвертом веке неведомый автор сделал попытку решить эту проблему путём фальсификации серии из четырнадцати писем между Павлом и римским философом Сенекой. Сенека получил широкое признание как величайший философ своего времени, один из подлинных интеллектуальных столпов ранней Римской империи. Он принадлежал к верхушке правящей элиты и был сначала учителем, а позже советником императора Нерона.

Многочисленные философские произведения Сенеки были широко распространены в античности, и немалая их часть дошла до наших дней. Но нигде в своих текстах он не упоминает о христианстве и не ссылается на Иисуса или других великих деятелей новой религии.

Эти четырнадцать посланий устраняли несправедливость. Будто бы восемь из них были написаны Сенекой Павлу, а остальные шесть являлись ответами апостола. Современные читатели этих писем часто бывают несколько разочарованы бедностью их содержания. Логично было бы рассчитывать на яркий литературный диалог между величайшим мыслителем первого века и величайшим апостолом церкви, но (за одним исключением) письма не предназначены для передачи вымышленных историй, например о жизни в императорском дворце. Их смысл в том, чтобы показать, насколько уважался Павел интеллектуалами своего времени.

«Сенека» в своем первом письме высказывает Павлу похвалу за «дивное увещание к нравственной жизни» и замечает, что оно сказано не столько Павлом, сколько через Павла самим Богом. Павел в своем ответе просто говорит, что да, Сенека сказал правду! В другом письме Сенека хвалит Павла за «достойный поклонения смысл» его посланий Галатам и Коринфянам и говорит, что при их чтении император Нерон был увлечен его суждениями. Всё это, конечно, историческая фальшивка. Практически наверняка Сенека никогда не слышал о Павле, но спустя триста лет из этого получился хороший сюжет.

Только в одном письме есть интересный с исторической точки зрения момент. В одиннадцатом письме (иногда его считают как четырнадцатое, потому что хронографически оно выглядит последним) Сенека выражает искреннее сожаление, что Павел приговорен к смерти, несмотря на свою невиновность. Это обусловлено традиционным мнением, что Павел был в числе христиан, пострадавших от Нерона, который обвинил их в поджоге Рима. Сенека утверждает, что за шесть дней огонь уничтожил 132 дворца и четыре тысячи частных домов, и говорит о своей скорби по поводу того, что за пожар казнят христиан и иудеев, в то время как виноват сам Нерон, «гуляка, для которого наслаждение – кровожадность, а ложь – покрывало». Но дни императора сочтены, и он «обречен сожжению на огне за всех», т. е. подвергнется наказанию вечной мукой.

Таким образом, здесь мы видим не только подлог, написанный за Павла и Сенеку спустя столетия после их смерти, но и вымышленный сюжет, рассказывающий о том, как выдающийся философ высоко ценил Павла и считал его вместе с остальными христианами невиновным в поджоге Рима в 64 г. н. э. Христиане последующих столетий относились к этим текстам чрезвычайно серьёзно. Общепринятым стало считать, что Сенека был знаком с апостолом Павлом и его христианским благовестием и что знаменитый философ, величайший ум своего времени, был совершенно открыт для Евангелия Христова.

Послания Павла в Новом Завете

Что с Селиваном, то и с Иваном, или как с Петром, так и с Павлом. За пределами Нового Завета существует множество вымышленных историй о нём и масса произведений, выдаваемых за принадлежащие ему. Все эти тексты, не вошедшие в канон, признаны подложными. Но есть ли подлоги с именем Павла в самом Новом Завете?

Здесь также существует консенсус среди учёных. В Новом Завете насчитывается тринадцать посланий от имени Павла – это около половины всех книг Нового Завета. Но шесть из них, видимо, не были написаны Павлом. Учёные назвали эти послания «девтеропаулинистские» (deutero-Pauline) – «вторичными Павловыми», подразумевая их «вторичный» авторитет в корпусе сочинений Павла.

Практически все ученые согласны в том, что семь посланий Павла являются подлинными: Римлянам, 1 и 2 Коринфянам, Галатам, Филиппийцам, 1 Фессалоникийцам и Филимону. Эти семь посланий хорошо согласуются между собой и с богословской,

стилистической и большинства других точек зрения выглядят написанными одним и тем же человеком. Все они претендуют на авторство Павла, и вряд ли стоит сомневаться, что так и есть на самом деле.

Шесть других посланий значительным образом отличаются от этой основной группы из семи. Три из них (1 и 2 Тимофею и послание Титу) столь похожи друг на друга, что большинство исследователей убеждены в их принадлежности одному сочинителю. Остальные три обычно признаются написанными тремя разными авторами. Поскольку по поводу первой группы из трех посланий среди исследователей достигнута наибольшая степень согласия, я начну с того, почему учёные давно считают эти три послания подлогом.

Пастырские Послания: Первое и Второе Тимофею и Титу

Первое и Второе Послание Тимофею и Послание Титу были сгруппированы вместе и названы «пастырскими» ещё в XVIII веке. Название обусловлено содержанием текста; автор, называющий себя Павлом, якобы пишет церковным предстоятелям, своим спутникам Тимофею и Титу, инструктируя их относительно пастырских или служебных обязанностей в их церквах. Как я позже покажу, эти три письма местами поразительно похожи друг на друга, но при этом остаются разными и преследуют, по-видимому, три различные цели – как и подлинные послания Павла имели каждое свою цель. Прежде чем показать, почему большинство учёных считают их написанными не Павлом, а кем-то другим, я должен кратко коснуться их содержания.

Содержание Посланий

В Первом Послании Тимофею утверждается, что его написал Павел своему младшему коллеге Тимофею, которого он оставил главой церкви в городе Эфесе. В этом письме «Павел» наставляет Тимофея, как тому следует устраивать церковь и управлять ею. Он должен противостать лжеучителям, проповедующим нелепые учения, включающие «басни и родословия» и предлагающим в качестве духовных упражнений различные аскетические строгости, вроде определённых жёстких ограничений в пище и запрета на брак. Тимофею нужно следить, чтобы на должности епископа и диакона избирались только достойные люди. Это должны быть, в частности, женатые мужчины, не являющиеся новообращёнными и ведущие праведную жизнь. Большая часть послания состоит из наставлений о нормах поведения христиан: например, как им обращаться друг с другом, как молиться, как относиться к престарелым и вдовам, как проявлять себя в отношении к богатству.

Среди разнообразных проблем, которых касается автор 1 Тим, есть такая, как роль женщин в церкви. Автор жёстко указывает, что женщины должны быть покорны и не иметь никакой власти над мужчинами, например, через учение. Напротив, им следует «быть в безмолвии». По убеждению автора, именно так всё и должно быть, поскольку уже в самом начале в Эдемском саду первый человек Адам был обманут своей женой Евой и съел запретный плод. В этом полностью виновата женщина. Но всё же она может быть спасена, уверяет автор, «через чадородие» (2:11–15). Иными словами, женщины должны быть молчаливы, покорны и беременны.

Хотя 2 Тим и адресовано тому же человеку, написано оно было при других обстоятельствах. В данном случае утверждается, что Павел пишет из тюрьмы в Риме (нам не сообщается, где было написано 1 Тим); его уже судили, и вскоре он ожидает второго суда, на котором его приговорят к смерти. Он пишет Тимофею с целью ободрить его в текущих пастырских заботах и борьбе с проникшими в церковь лжеучителями. Здесь «Павел» выказывает Тимофею большую любовь и участие; это послание гораздо более личное, чем остальные пастырские послания. Он также выражает надежду, что Тимофей сможет вскоре прибыть в Рим, доставив кое-что из его личных вещей.

Послание Титу очень похоже на 1 Тим и выглядит его кратким пересказом. Однако Павел адресует его другому своему спутнику, якобы пастырю церкви острова Крит. Павел

пишет представляющему его Титу, чтобы тот исправлял носителей ложных учений, которые снова включают «родословия» и «басни». Он также дает наставления разным группам верующих: пожилым мужчинам, пожилым и молодым женщинам, юношам и рабам.

Первые научные подозрения

Эти три послания особенно важны для нашего обсуждения, поскольку в истории современной науки они стали первыми книгами Павла, чью подлинность подвергли сомнению. История началась в 1807 году с публикации письма немецкого учёного Фридриха Шлейермахера. Шлейермахер был одним из наиболее значительных христианских богословов XIX века. Он был знаменит своей защитой христианской веры от «презрения образованных», а также развитием определенных богословских взглядов, повлиявших даже на богословов XX века. До сих пор имеются ученые, специализирующиеся на работах и учении Шлейермахера. Среди множества его работ есть открытое письмо, посланное одному пастору в 1807 году, в котором он пытался продемонстрировать, что 1 Тим не было написано Павлом.

Шлейермахер утверждал, что 1 Тим содержит слова и мысли, противоречащие тем, что находятся в прочих посланиях Павла, включая 2 Тим и Титу. Кроме того, упоминаемые в послании лжеучения совсем не похожи на те, что нам известны из времени, когда жил Павел. Эти лжеучения скорее похожи на ереси второго века, имеющие общее название «гностических».

Как и Маркион, христиане-гностики утверждали, что наш мир не является творением единого истинного Бога. Но в отличие от Маркиона, гностики не верили, что Бога только два. Они считали, что в Царстве Божьем есть много божественных существ, и все они возникли некогда в прошлом, и что этот мир был создан тогда, когда одно из этих божественных существ ниспало из Божьего царства вниз и стало пленником в этом несчастном мире материи [79]. Гностические религии учат, что некоторые из нас имеют в себе божественную искру, заключенную в темнице наших тел. Спасение придёт к такой искре только в случае, если она узнает истину о том, откуда она пришла и кем является на самом деле. Другими словами, божественный элемент внутри нас должен получить истинное и тайное «знание», которое его освободит. По-гречески «знание» – «гносис», и такого рода религия называется гностицизмом. Согласно учению христианских гностиков, Христос дает спасение именно через тайное знание, а не через свою смерть на кресте или что-то другое. И поскольку цель спасения была в освобождении от уз человеческого тела, многие гностики были строгими аскетами, призывавшими своих последователей к суровому обращению с телом, например в отношении еды и воздержания от плотских утех.

Шлейермахер утверждал, что «басни и родословия», против которых было направлено 1 Тим, похожи на мифологии, распространявшиеся этими более поздними гностиками второго века. В совокупности с другими проблемами текста, вроде нехарактерного для Павла словоупотребления, это обстоятельство указывает на то, что перед нами позднейшая подделка, подписанная именем Павла. Вскоре после того как Шлейермахер написал свое открытое письмо, другие учёные выступили с утверждением, что он был прав не только относительно 1 Тим, но что и два других пастырских послания были написаны тем же человеком. Все три являются подлогами.

Современные исследования: подделаны ли Послания?

Только за последние тридцать или сорок лет пастырским посланиям было посвящено невероятное количество исследований, и это через два столетия после Шлейермахера. Многие из них обычным нормальным людям покажутся утомительными, но для некоторых из нас, «ненормальных» ученых, они весьма увлекательны. Передать здесь всё их содержание я не смогу, поэтому просто приведу несколько оснований полагать, что все три послания написаны одним человеком, и что этот человек не был Павлом [80].

С самого начала оговорюсь, что некоторые современные ученые упорно считают, что 2 Тим отличается от других посланий столь значительно, что его следует рассматривать отдельно, как написанное другим автором, возможно, самим Павлом [81]. Примерно за год до начала написания данной книги я тоже стал склоняться к такому мнению, но потом провел дополнительные серьезные изыскания по этому вопросу и теперь полностью убежден в том, что кто бы ни написал 1 Тим, он же написал и 2 Тим. Причина в том, что они имеют слишком много общих словесных конструкций, чтобы эти сходства могли быть случайными. Просто взгляните на начало:

1 Тим: «Павел, Апостол Иисуса Христа… Тимофею… благодать, милость, мир от Бога, Отца нашего, и Христа Иисуса, Господа нашего».

2 Тим: «Павел, Апостол Иисуса Христа… Тимофею… благодать, милость, мир от Бога, Отца нашего, и Христа Иисуса, Господа нашего».

Оно практически одинаково. И что самое важное, больше ни одно послание Павла так не начинается. Либо это один автор, либо один автор копирует другого. Но есть причины думать, что это не копирование. С одной стороны, сходств такого рода просто вагон. В обоих посланиях присутствуют слова и фразы, которых нет в бесспорных посланиях Павла: «обетование жизни», «в чистой совести», «от чистого сердца», «храни преданное тебе», Павел «проповедник, апостол и учитель», и так далее. Обращает на себя внимание не столько то, что эти и подобные им фразы обнаружены в обоих посланиях, сколько то, что они обнаружены только в них.

Отсюда видно, что ни одно из этих посланий не служило образцом для написания другого. Иначе от имитатора требовалось бы не только знание значимых слов и фраз из первого послания, но и знание того, какие из этих слов и фраз Павел никогда не использовал. Теоретически можно предположить, что в первом столетии некий очень ловкий ученик Павла прочитал все его послания, сделал список использованных слов, потом прочитал 1 Тим, сделал список значимых слов из него, сравнил оба списка и решил написать другое послание Тимофею, по максимуму используя слова из второго, а не первого списка. Но это лежит уже где-то за гранью воображения. Гораздо легче поверить, что у написавшего первое послание были свои любимые слова и выражения, которые он также использовал и во втором послании. Другое дело, что это не были слова, которыми пользовался Павел [82].

Это одна из причин, по которой начиная с XIX столетия исследователи убеждены, что Павел не писал этих писем. Лексикон и стиль этих сочинений очень сильно отличаются от того, что мы видим в других его посланиях. В 1921 году британский ученый А.Н. Харрисон написал важное исследование пастырских посланий, которое содержало обширную статистику использованных в них слов. Один из его наиболее цитируемых результатов гласит, что в пастырских посланиях использовано 848 различных слов. Из их числа 306 (более трети!) не встречаются больше ни в одном из канонических посланий Павла. Это чрезмерно высокая цифра. Отдельно сообщается, что из этих 306 слов две трети использовались христианскими авторами второго столетия. Из чего следует, что данный автор пользуется лексиконом, который получил распространение уже после жизни Павла, и что он, получается, тоже жил после Павла [83].

Немало исследователей оставили приведённую Харрисоном статистику под вопросом, поскольку все мы знаем, что при желании статистикой можно подтвердить почти всё что угодно. Но по прошествии девяноста лет аргументация относительно использования слов значительно усовершенствовалась, так что практически каждое сделанное исследование лишь подтверждает, что лексикон пастырских посланий отличает их от прочих текстов Павла [84]. В то же время, пожалуй, и не стоит вкладывать слишком много акций в простые цифры. В конце концов, каждый использует различные слова по различным поводам, и у большинства из нас гораздо больший запас слов, чем отображенный в любом написанном нами письме или даже пачке писем.

Проблема в том, что большое количество различных факторов согласно указывают в одном направлении – автором не был Павел. Иногда этот автор использует те же слова, что и Павел, но вкладывает в них другой смысл. Например, термин «вера» для Павла является одним из главных. В таких посланиях, как Римлянам и Галатам, он означает веру человека в Христа, дающего спасение через свою смерть. Иными словами, термином описывается отношение к Христу, вера в него. Автор пастырских посланий тоже пользуется термином «вера». Но теперь он касается не отношения к Христу, а обозначает основу учения, составляющего христианскую религию (см. Тит 1:13). Слово одно, смыслы различны. То же самое с другими терминами, например, «праведностью».

Ещё более примечательно то, что некоторые идеи и концепции пастырских посланий противоречат тем, что находятся в бесспорных посланиях Павла. Например, мы видели, что Павел уделял много внимания невозможности оправдания перед Богом «делами закона». Не иудейский закон мог дать спасение, но только смерть и воскресение Иисуса. Когда Павел говорит о «делах», он имеет в виду соблюдение иудейского закона: обрезание, ритуальная чистота, хранение субботы. Однако в пастырских посланиях тема иудейского закона уступает место новому значению слова, и автор говорит о делах, как «хороших делах», т. е. совершении добра по отношению к другим людям. Только в 1 Тим термин в этом значении встречается шесть раз. Этот автор пытается показать, что невозможно заработать спасение, если быть просто добрым и нравственным человеком. Возможно, это и так, но Павла заботило другое: соблюдение иудейского закона (которое от тебя не требуется) как условие твоего спасения, а не совершение для этого добрых дел.

Или возьмём совсем другую тему – брак. В 1 Кор 7 Павел настаивает, что безбрачным лучше таковыми и оставаться, так поступает и он сам. Причина в том, что конец мира близок, и лучше посвятить себя благовествованию, а не устройству личной жизни. Но как это соотносится со взглядами, изложенными в пастырских посланиях? Здесь автор настаивает, что главы церковных общин должны быть женаты. В посланиях Павла говорится, что лучше оставаться безбрачным, а здесь требуется (по крайней мере, главам церквей) быть женатыми.

Или задумаемся об основной теме: как человек делается «спасенным». Для Павла спасение человека возможно только через смерть и воскресение Иисуса. А в пастырских посланиях? По крайней мере, женщины, как сказано в уже упоминавшемся 1 Тим 2, будут спасены через чадородие. Нельзя быть уверенным, что это в точности подразумевает, но это точно не то, что подразумевал Павел!

Самая большая проблема с принятием авторства Павла затрагивает историческую ситуацию, которой соответствуют эти послания. Павел, как и Иисус до него, считал, что живёт в самом конце времён. Воскресение Иисуса знаменовало начало конца и возвещало вот-вот наступающее воскресение всех мертвых. Согласно иудейским представлениям воскресение должно наступить, когда мир придёт к своему концу. Вот почему Павел называет Иисуса «первенцем из умерших» в 1 Кор 15:20. В оригинале это сельскохозяйственная метафора: не «первенец», а «начаток» или «первый плод». Крестьяне отмечают начало урожая, устраивая в конце первого дня праздник, где первым плодам воздаются должные почести. А когда они идут собирать остальной урожай? На следующий день, а не через двадцать или две тысячи лет. Иисус – начаток, потому что с него началось воскресение, и совсем скоро все мертвые воскреснут для суда. Вот почему о себе Павел думает, что ещё живым встретит возвращение Иисуса с небес (см. 1 Фес 4:14–18).

Однако тем временем церкви приходилось выживать в окружающем мире и расти. Павлу казалось, что на этот короткий промежуток времени между воскресением Иисуса и концом света Дух Божий дан церкви в целом и каждому её члену отдельно. Когда человек крестился, он получал Духа (1 Кор 12:13), и Дух наделял каждого человека духовным «даром». Одним из крещёных был дан дар учительства, другим – пророчества, третьим – исцеления,

четвёртым – говорения ангельскими языками, пятым – истолкования этих языков. Все эти дары должны были помочь христианской общине жить единым организмом (1 Кор 12–14). Ни один из даров не был мелким или незначительным. Все они имели значение. Каждый член церкви был наделён даром, так что все в церкви были равны. Рабы были на том же уровне, что и хозяева, женщины были равны с мужчинами. Вот почему Павел мог сказать: «…нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал 3:28). Там было равенство.

Когда возникали проблемы у одной из церквей Павла, например у церкви Коринфа, по которой у нас самая лучшая документация, то он писал, чтобы разобраться с ними. Интересно читать его переписку с коринфянами. Церковь была в беспорядке. Были разделения и распри, одни члены общины подавали на других в суд, в богослужениях царил хаос, а по основным этическим вопросам, вроде употребления в пищу идоложертвенного мяса, существовало резкое несогласие. Некоторые отрицали будущее воскресение, и в общине имела место вопиющая безнравственность – кое-кто ходил по проституткам и в церкви хвалился этим, а один парень вообще спал со своей мачехой.

Чтобы разобраться с этими серьёзными проблемами, Павел обращается и к церкви как целому, и к составляющим её людям. Он призывает их использовать свои духовные дары для общей пользы. Он взывает к ним, чтобы они действовали как единое целое. Он убеждает их начать вести нравственную жизнь. Он жестко критикует их за то, что они не принимают должного учения, например, о будущем воскресении.

Одного Павел не делает. Он не пишет главам церкви Коринфа, чтобы они привели в порядок своих прихожан. А почему? Потому что не было никаких глав церкви в Коринфе. Не было ни епископов, ни диаконов. Не было пастырей. Была группа лиц, каждое из которых имело дар Духа в это краткое время перед наступлением конца.

Сравните это с тем, что у нас есть в пастырских посланиях. В них нет наделенных Духом людей, согласно трудящихся над формированием общины. В них есть пастыри Тимофей и Тит. Есть возглавляющие церковь епископы и диаконы. Есть иерархия, структура, организация. То есть мы имеем другую историческую ситуацию, не свойственную временам Павла.

Если вы ожидаете действительно скорого прихода Иисуса, скажем, где-то в этом месяце, нет никакой нужды в лидерстве и построении иерархической системы организации. Нужно просто продержаться недолгое время. Но если Иисус не возвращается и вам следует настроиться на долгую дистанцию, то всё будет иначе. Вам понадобится организоваться. Понадобится руководство. Понадобится кто-то, кто будет за всё отвечать. Понадобятся учителя, которые смогут искоренить ложные учения из вашей среды. Вам придётся определить нормы взаимоотношений: хозяев с рабами, мужей с женами, родителей с детьми. В иерархической системе нет равенства, есть руководство. Вот что вы найдёте в пастырских посланиях – церкви, настроившиеся на длинную дистанцию. Но у исторического Павла вы этого не увидите. Для исторического Павла не было никакой долгой дистанции впереди. Конец уже наступал.

Как я сказал в начале этого обсуждения, некоторые ученые были готовы признать, что Первое Послание Тимофею и тесно привязанное к нему Послание Титу псевдоэпиграфичны, но Второе Послание Тимофею исходит от Павла. Я пытался показать, что этот взгляд неверен, потому что кто бы ни написал 1 Тим, именно он написал и 2 Тим. Если одно является подлогом, то и второе тоже. Это не означает, что оба письма касаются одинаковых вопросов или имеют одну цель написания, это означает только то, что их написал один автор. Но иногда приводится аргумент, что в 2 Тим так много личной информации, что трудно представить, как это можно было подделать. Зачем, например, фальсификатор стал бы говорить своему мнимому читателю (который на самом деле не был его читателем!), чтобы тот принёс ему его плащ и книги, которые он оставил (2 Тим 4:13)?

На это возражение убедительно ответил один из великих исследователей древних подлогов Норберт Брокс, который привёл убедительное свидетельство, что этот тип «правдоподобности» (упомянутый мною в Главе 1) является типичным для подделывателей. Придание письму личных, «домашних» оттенков снимает подозрения в его поддельности. Таким образом, личные ремарки в 2 Тим (их меньше в Послании Титу и ещё меньше в 1 Тим) должны убедить читателей, что это вправду написано Павлом, хотя это и не соответствует действительности [85]. Но зачем автору подделывать послания именно так?

Зачем были подделаны пастырские послания?

Наиболее очевидный ответ гласит, что перед автором, принадлежащим следующему после Павла поколению, встали новые проблемы, которые Павлу были незнакомы, и этот автор хочет решить их с помощью авторитетного имени, к которому прислушаются. А кто в основанных Павлом церквах имел авторитет больший, чем сам Павел? И вот автор решает проблему ложного учения с «баснями и родословиями» в 1 Тим и ложных учителей, утверждающих, что «воскресение уже было», в 2 Тим. Он решает проблемы с руководством церквами и с ролью женщин в церкви. Он делает всё это от имени Павла.

Некоторые исследователи полагали, что подделка была вызвана вполне конкретным поводом. В очень интересном и влиятельном изыскании американского ученого Денниса МакДоналда обосновывается предположение, что пастырские послания были для того, чтобы дать отпор новым взглядам, возникшим из-за передававшихся тогда преданий, связанных с Феклой [86]. Это правда, что Деяния Павла, из которых нам известны истории о Фекле, по всей очевидности, были написаны позже пастырских посланий лет на семьдесят или восемьдесят. Но сами рассказы, зафиксированные в Деяниях, ходили уже задолго до того, как пресвитер из Малой Азии занялся созданием своего подлога. И весьма примечательно, что взгляды, имеющие место в этих рассказах, идут вразрез со взглядами, изложенным в пастырских посланиях. Так не могло ли одно из посланий быть написано с целью обосновать возражение на них авторитетом Павла?

В Деяниях Павла институт брака уничижён. В пастырских посланиях он вознесён так, что руководители церкви обязаны иметь семью. В Деяниях Павла проявления сексуальной активности осуждаются – только сохранив целомудрие, можно войти в Царство Небесное. В пастырских посланиях сексуальная активность необходима – женщины могут спастись только через рождение детей. В Деяниях женщины, а именно Фекла, могут учительствовать и наделены властью. В посланиях им не позволено ни то, ни другое – они должны быть безмолвны и покорны. Поскольку пастырские послания так явно противостоят историям из Деяний Павла, МакДоналд предположил, что они были сфабрикованы кем-то, кто слышал рассказы о Фекле и пожелал опровергнуть их с «истинной» позиции, которую, по его представлениям, занимал Павел.

Это довольно привлекательная аргументация, и она может быть верна. Но для многих учёных главной проблемой является датировка документов. Деяния Павла были сфальсифицированы малоазийским пресвитером, очевидно, спустя десятилетия после появления пастырских посланий. Конечно, использованные пресвитером истории могут быть значительно старше, но без подкрепляющих доказательств это утверждать тяжело. Так что более правдоподобно может выглядеть и другая историческая реконструкция.

Например, такая. Как мы видели, церкви Павла испытывали разделения по многим вопросам. Один из них касался пола и сексуальных проявлений. Одни последователи Павла считали, что женщина должна почитаться равной мужчине, поскольку Павел сказал, что «во Христе нет мужеского пола, ни женского» (Гал 3:28). Другие его последователи полагали, что женщины равны мужчинам только «во Христе», то есть «в теории», а не в реальности. Этим христианам очень хотелось бы смягчить тот акцент, который Павел делал на женщинах, и один из них решил написать несколько писем, которые подкрепляли бы его точку зрения авторитетом самого Павла. Были у него и другие вопросы, которые ему хотелось решить в

нужном ключе: главенство в церкви, борьба с ложными учениями, отношения рабов и хозяев, родителей и детей и т. д. Он рассмотрел все эти темы в комплекте писем, которые сам сочинил и надписал именем Павла для придания им нужного веса.

Но далеко не все были этим убеждены и не все приняли эти письма за Павловы. У того же Маркиона, мы помним, этих посланий не было (и трудно сказать, знал ли он о них вообще). Более того, противная сторона разделения по женскому вопросу отнюдь не прекратила своё существование с появлением пастырских посланий, а стала воспринимать Павла как противника брака и секса, но защитника женщин в церкви. Для подкрепления своей точки зрения эта сторона рассказывала истории о Павле, суть которых максимально раскрыта на примере обращённой Павлом Феклы. Какое-то время во втором столетии те и другие тексты активно вращались в христианской среде: и вымышленные истории о Павле и Фекле, и подложные пастырские послания, которые в конце концов вошли в канон Нового Завета.

Второе Послание к Фессалоникийцам

В юношестве, когда я был консервативным христианином веры евангельской, то мало во что верил так, как в скорый приход Иисуса для того, чтобы вознести меня и моих собратьев по церкви на небеса прежде наступления последних скорбных дней этого мира. Мы читали всё, что как-то поддерживало нас в этом уповании. Сейчас мало кто может представить себе, что в 1970-е самой покупаемой книгой на английском языке, если не считать Библии, была «Великая Планета Земля, Последние Дни», написанная христианским фундаменталистом Хэлом Линдси. Тщательно (или тщетно, в зависимости от вашего видения вопроса) изучив Апокалипсис и другие пророческие книги Библии, Линдси уверенно описал, что вскоре должно произойти на Ближнем Востоке, когда вся мощь Советского Союза, Китая, Европейского союза и, наконец, США будет вовлечена в небывалое противостояние, которое приведёт к тотальному ядерному холокосту прямо перед пришествием Иисуса. Нам было сказано, что всё это произойдёт в 1980-е и что об этом говорит Писание.

Как мы знаем, ничего этого не случилось. И даже никакого Советского Союза сейчас нет. Но это не остановило людей от написания других книг о том, что конец наступит уже очень скоро, в наши дни, в любой момент. Вот и сейчас на книжном рынке даже «Гарри Поттер» по количеству продаж выглядит жалко рядом с многотомным циклом романов «Оставленные» о тех, кто не удостоится грядущего вознесения на небо. Эти книги пишутся в соавторстве Джерри Дженкинсом и Тимом ЛаХэем, последний из которых прежде развлекался сочинением книг о сексе для христиан в соавторстве со своей женой Беверли.

Миллионы людей верят в пришествие Иисуса ещё при их жизни, и большинство из них не понимает, что во все времена были христиане, которые думали точно так же. Этот взгляд был достаточно заметен среди консервативных христиан в начале XX века, в конце XIX века, в XVIII веке, в XII веке, во II веке, в I веке – практически в каждом столетии. И единственное, что объединяет всех тех, кто так думал, было то, что все они очевидно и бесспорно ошибались.

Павел и сам думал, что конец света наступит при его жизни. Нигде это не видно так отчетливо, как в бесспорно написанном им Первом Послании к Фессалоникийцам. Павел писал христианам в Фессалониках потому, что некоторые из них были обеспокоены смертью многих своих собратьев по вере. Когда Павел обращал этих людей, то говорил им о грядущем конце времён, скором пришествии Иисуса и их вхождении в Небесное Царство. Но некоторые члены общины умерли раньше, чем это произошло. Лишились ли они своей небесной награды? И Павел пишет, чтобы уверить: нет, даже те, кто уже умер, достигнут Царства. И когда Иисус со славою сойдёт с небес, то «мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе» (4:17). Прочтите стих внимательно: Павел относит себя к тем, кто будет ещё жив, когда всё это произойдёт.

Далее он говорит, что произойдёт это неожиданно, что «день Господень так придёт, как тать ночью», и что когда все будут думать, что всё в порядке, «тогда внезапно постигнет их пагуба» (5:2,3). Фессалоникийцы должны быть в состоянии готовности, потому что и по наступающим у роженицы схваткам можно сказать, что ей скоро рожать, но нельзя сказать точно, в какой момент она родит.

Именно выделение здесь темы внезапности нового явления Иисуса, которое застанет людей врасплох, и делает таким интересным уже Второе Послание к Фессалоникийцам. Оно тоже написано о втором пришествии Иисуса, но теперь касается совсем другой проблемы. Читатели «поколеблены» и «смущены» письмом, якобы написанным Павлом, в котором говорится, «будто уже наступает день Христов» (2:2). Автор 2 Фес, называя себя Павлом, утверждает, что на самом деле этот день отнюдь не наступает прямо сейчас. Прежде должны произойти некоторые события. Случится что-то вроде восстания и волнений, и кто-то, по описанию похожий на Антихриста, должен прийти и занять место в Иерусалимском храме, «выдавая себя за Бога». И только тогда «Господь Иисус» придёт, чтобы убить его «духом уст Своих» (2:3–8).

Другими словами, фессалоникийцы могут быть спокойны и не переживать, будто они достигли конечного момента истории, когда приходит Иисус. Они узнают о наступлении конца по событиям, которые произойдут во исполнение Писания. Но может ли быть это послание написано тем же человеком, что написал и 1 Фес? Сравните сценарий появления Иисуса в 2 Фес, согласно которому оно произойдёт лишь в некотором будущем, предваряемое определёнными событиями, с аналогичным в 1 Фес, где явление происходит «как тать ночью», когда люди ожидают этого меньше всего. Здесь налицо фундаментальное несоответствие между учениями 1 и 2 Фес, которое и заставляет стольких учёных думать, что 2 Фес не было написано Павлом [87].

Особенно интересно, что автор 2 Фес упоминает, что уже учил своих читателей всему сказанному лично, когда был у них (2:5). Если это так, то как объяснить 1 Фес? Проблема в том, что люди считают конец близким на основании сказанного Павлом. А согласно 2 Фес Павел никогда им ничего такого не говорил. Он учил, что должна произойти цепь событий прежде, чем наступит конец. Более того, если он учил именно этому, как настаивает 2 Фес, то выглядит странным, что в 1 Фес он ни разу не упоминает об этом учении, при том, что определённо учит чему-то другому.

Очевидно, что Павел не писал 2 Фес. Это делает один момент в послании весьма интригующим. В конце письма автор настаивает, что он Павел, и представляет доказательство: «Приветствие моею рукою, Павловою, что служит знаком во всяком послании; пишу я так…» (3:17). Это означает, что «Павел» продиктовал всё послание писцу, и лишь в конце поставил автограф собственной рукой. Читатели письма могли видеть другой почерк и узнать в нём руку Павла, что удостоверяло подлинность письма в противовес упомянутому в 2:2. Изюминка здесь заключается в утверждении автора, что это его неизменная практика. Но она не соответствует большинству бесспорных писем Павла, включая 1 Фес. Эти слова говорят не столько за Павла, сколько за фальсификатора, который таким образом пытался убедить читателей, что он действительно Павел. Автор, как сказано в Гамлете, «слишком щедр на уверения».

Некоторые исследователи при рассмотрении вопроса поддельности послания идут несколько дальше и полагают, что когда называющий себя Павлом сочинитель 2 Фес увещевает своих читателей «не колебаться умом» от подложного «послания, как бы нами посланного» (то есть написанного от имени Павла), то он имеет в виду не что иное, как 1 Фес! То есть некто, живший позже времён апостола, хотел избавить читателей от необходимости уяснения его подлинного послания, в котором Павел учит о скором и неминуемом конце, поскольку конец не наступил, а Павел и все остальные тем временем уже умерли. Для этого он приготовил некое уверение, сфальсифицировав письмо, в котором

подлинное письмо называется фальшивкой. Правда это или нет, но вполне возможно, что кто-то, живший после Павла, решил, что ему следует вмешаться в ситуацию, когда люди ожидали наступления конца так напряженно, с таким нетерпением, что пренебрегали своими обычными повседневными обязанностями (3:6-12). Прекрасно отдавая себе отчёт, что он не Павел, сочинитель всё же решился составить послание от его имени. Второе Послание к Фессалоникийцам, таким образом, ещё один пример подлога в корпусе сочинений апостола Павла.

Послание к Ефесянам

Когда в середине 80-х я преподавал в Ратгерском университете, то регулярно давал курс о жизни и учении Павла. Одним из используемых учебников была книга консервативного британского ученого Ф.Ф. Брюса [88]. А использовал я её потому, что был не согласен практически со всем, что в ней говорилось, и считал полезным для студентов ознакомиться с мнением, противоположным услышанному ими в аудитории. Среди тех мнений, которые Ф.Ф. Брюс высказывал о посланиях Павла, было такое, что Послание к Ефесянам является самым типичным текстом для всего его корпуса сочинений. Он не просто считал, что его написал Павел, он ещё и полагал, что в нём заключены душа и сердце его богословия как нигде.

Когда-то я и сам так считал, в самом начале своей учёбы. Потом я прошёл курс по Новому Завету в Принстонской богословской семинарии у профессора Дж. Кристиана Бекера. Бекер был колоссальным специалистом по Павлу. В конце 70-х он написал большую и авторитетную работу по богословию Павла, одну из действительно великих работ по этому предмету [89]. Бекер был абсолютно убеждён, что Павел не писал Послание к Ефесянам и что на самом деле в этом тексте представлено серьёзное искажение его идей [90].

В то время, пока я там учился, я ещё не был так уверен в этом. Но чем больше я изучал предмет, внимательно сравнивая сказанное в Еф с тем, что говорит Павел в своих бесспорных посланиях, тем больше я в этом убеждался. К тому времени, когда я преподавал в Ратгерском, я уже не сомневался, что Еф написано не Павлом. Сейчас с этим согласно большинство учёных-библеистов. Еф может выглядеть похожим на Павлово, но стоит копнуть немного глубже, как обнаруживается множество различий и противоречий.

Послание к Ефесянам написано христианам из язычников (3:1) с целью напомнить им, что хотя некогда они были чужды Богу и его народу – иудеям, сейчас они воссоединены, оправданы пред Богом и разделявшая язычников и иудеев граница – иудейский закон – уничтожена смертью Христа. Евреи и язычники теперь могут жить в гармонии друг с другом, во Христе и в гармонии с Богом. Изложив эти богословские идеи в первых трёх главах (особенно во второй), автор переходит к этическим проблемам и говорит об образе жизни, которому должны соответствовать последователи Иисуса для того, чтобы продемонстрировать имеющееся у них единство во Христе.

Причины полагать, что Павел не писал это послание, множественны и убедительны. Во-первых, это не его стиль письма. Павел обычно пишет короткими простыми предложениями, а в Еф они длинные и сложные. В греческом оригинале начальное благословение (1:3-14) – все двенадцать стихов – это одно предложение. В длинных греческих предложениях нет ничего необычного, просто Павел ими не писал. Это как Марк Твен и Уильям Фолкнер: они оба пишут правильно, но одного с другим вы никогда не спутаете. Исследователи указывают, что в Ефесянах из сотни предложений девять имеют более пятидесяти слов в длину. Сравните это с настоящими письмами Павла. В Филиппийцах, например, из ста двух предложений только одно достигает такого объема, а в Галатах одно такое предложение уже на сто восемьдесят одно имеющееся. Кроме этого, текст содержит необычное количество слов, которые больше нигде в посланиях Павла не встречаются, – общим числом сто шестнадцать. Это значительно выше среднего (в два раз выше, чем в Филиппийцах при приблизительно равном общем объёме) [91].

Но главной причиной думать, что Павел не писал Еф, является то, что сказанное автором местами не вяжется с тем, что сам Павел говорит в своих бесспорных письмах. Например, Еф 2:1-10 выглядит вполне по-павловски, но лишь при поверхностном взгляде. Как и из подлинных писем Павла, отсюда мы узнаём, что верующие были отделены от Бога из-за греха, но спасены исключительно по его благодати, а не из-за «дел». Но здесь, как это ни странно, Павел включает себя в число тех, кто жил «некогда по нашим плотским похотям, исполняя желания плоти и помыслов». Это отличается от бесспорных посланий Павла, где он называет себя «непорочным по правде законной» (Флп 3:6). Вдобавок, даже когда автор говорит в этом послании об отношениях иудеев с язычниками, он не говорит о спасении независимо от «дел закона», как это делает Павел. Напротив, он говорит о спасении независимо от «добрых дел». Это, как мы видели выше, не было темой, которую обсуждал Павел.

Более того, автор указывает, что верующие уже спасены благодатью Божьей. А оказывается, что в подлинных посланиях слово «спасён» используется только по отношению к будущему. Спасение – это не то, что у людей уже есть, это то, что у них будет, когда Иисус вернется на облаках небесных и освободит своих последователей от гнева Божия.

С этим связано и весьма примечательно само по себе то, как Павел подчёркивает в своих посланиях, что христиане в крещении «умерли» для сил мира сего, приравненных к врагам Бога. Христиане «умерли со Христом». Но они ещё не «воскресли» вместе с ним. Это случится в конце времён, когда вернётся Иисус и все люди, живые и мертвые, предстанут на суде. Вот почему в Послании Римлянам 6:1–4 Павел настаивает: те, кто был крещён, – соединились со Христом «подобием смерти», и они же будут соединены с ним «подобием воскресения» в его второе пришествие.

Павел весьма настойчиво указывает, что воскресение верующих будет будущим, реальным событием, а не чем-то, что уже случилось. Одним из поводов для написания Первого Послания Коринфянам было именно то, что некоторые члены их общины приняли противоположную точку зрения и полагали, будто уже воскресли и пребывают со Христом, наслаждаясь плодами спасения. В 1 Кор 15 Павел старается показать, что нет, воскресения ещё не было. Это физическое событие, которое ещё только должно произойти. Христиане ещё не воскресли со Христом.

Но какой у этого контраст со сказанным в Еф 2:5–6: «нас, мертвых по преступлениям, оживотворил со Христом… и воскресил с Ним, и посадил на небесах во Христе Иисусе». Тут верующие уже пережили духовное воскресение и живут небесной жизнью здесь и сейчас. Это именно тот взгляд, против которого Павел писал в послании Коринфянам!

И когда вы начинаете пристально рассматривать Еф пункт за пунктом, то становится видно, насколько оно противоречит подлинным посланиям Павла. Этот текст, по всей видимости, был составлен христианином одной из церквей Павла, который жил после него и хотел решить насущный вопрос своего времени: взаимоотношения в церкви христиан из иудеев и из язычников. Он решил это сделать от имени Павла, прекрасно зная, что он не Павел, и, соответственно, решил свою задачу, совершив подлог.

Послание к Колоссянам

Практически то же самое можно сказать о Послании к Колоссянам. На первый взгляд оно похоже на работу Павла, но не при ближайшем рассмотрении. Послание к Колоссянам имеет такое количество слов и фраз, характерных именно для Послания к Ефесянам, что, по мнению многих ученых, настоящий автор Еф использовал для образца, с которого копировал стиль Павла, именно текст Кол. К несчастью, за образец он взял письмо, которое Павел, очевидно, не писал [92].

У Колоссян иная тематика, чем в Ефесянах. Здесь автор в первую очередь касается группы ложных учителей, грозящих «увлечь» христиан «философией». К сожалению, нет

указаний на то, какая «философия» имеется в виду, есть лишь намёки. Как видно, ложные учителя призывали своих слушателей служить ангелам и следовать иудейскому закону в вопросах пищи и праздничных дней. Причина, по которой автор не даёт ясных сведений о проповеди этих ложных учителей, может заключаться в том, что читатели письма сами хорошо знают, кто имеется в виду и чему они учат.

Их учению автор противопоставляет своё наставление о том, что служения достоин единственно Христос, а не ангельские существа, и что смертью Христа иудейскому закону положен конец. Для автора верующие во Христа были уже выше всех человеческих правил и установлений, поскольку они уже воскресли со Христом и переживают род мистического единения с ним, пребывая как бы в горнем мире уже сейчас. Однако это не означает, что христиане могут жить, как им заблагорассудится. Они по-прежнему ответственны за то, чтобы их жизнь была высоконравственна. Поэтому две заключительные главы дают общую картину требований к новой жизни во Христе.

Причины, заставляющие сомневаться в авторстве Павла, практически те же самые, что и в Ефесянах. Помимо прочего, литературный стиль и содержание текста значительно отличаются от тех, что мы видим в бесспорных посланиях. Несомненно, наиболее убедительная работа по литературному стилю послания была написана немецким учёным Вальтером Буярдом около сорока лет назад [93]. Буярд проанализировал все стилистические особенности текста: тип и частоту союзов, инфинитивов, причастий, вводных предложений, связок генитивов и т. д. Особое внимание он уделил сравнению Колоссян со схожими по длине посланиями Павла Галатам, Филиппийцам и 1 Фессалоникийцам. Различия между ними поразительны и вместе с тем убедительны. Просто, что называется, немного попробуйте на вкус:

Как часто в послании используются противительные союзы (например, «однако»): Гал – 84 раза, Флп – 52 раза, 1 Фес – 29, Кол – только 8.

Как часто в послании используются причинные союзы (например, «потому что»): Гал – 45 раз, Флп – 20, 1 Фес – 31, Кол – только 9.

Как часто в послании используется союз (например, «что», «так как»), предваряющий утверждение: Гал – 20, Флп – 19, 1 Фес – 11, Кол – только 3 раза.

Этот список охватывает все виды информации и занимает много страниц. Бесчисленные анализы согласно указывают в одном направлении: у автора иной стиль письма, отличный от того, что имел Павел.

Опять же, содержание сказанного автором противоречит настоящим идеям Павла и при этом созвучно сказанному в Еф. Например, здесь автор тоже упоминает, что христиане уже «воскресли со Христом» в крещении, несмотря на слова Павла о том, что воскресение верующих – дело будущего (см. Кол 2:12–13).

Таким образом, у нас опять пример того, как позднейший последователь Павла озаботился решением актуальных для своего времени проблем путём создания подлога. Он назвался именем Павла, принял на себя его полномочия и подделал от его имени письмо.

Заключение

Мы убедились в том, что в Древней церкви циркулировало много поддельных текстов, написанных разными людьми от имени Павла. Некоторые из подлогов, вроде Переписки Павла с Сенекой, признаны в качестве таковых всеми людьми на этой планете. Другие являются предметом серьёзных научных споров. Но большинство учёных признаёт, что тогда как семь посланий в Новом Завете несомненно написаны Павлом, шесть остальных, возможно (для некоторых учёных – несомненно), написаны другими людьми. Причины для этого мнения

были мной изложены выше. На самом деле, конечно, причин гораздо больше, но их перечисление довольно быстро бы наскучило читателю.

Некоторые исследователи, однако, не желают признавать «девтеропаулинистские» послания подложными. Одни доказывают, что они отличаются от бесспорных писем Павла потому, что по поручению Павла были написаны секретарями, имевшими другой литературный стиль. Другие предполагают, что поскольку Павел упоминает в части этих писем соавторов, то отличия от стиля Павла и следует отнести на счёт этих соавторов. А есть и такие, что заявляют, будто в философских школах древности для учеников было обычным делом писать трактаты от имени учителя в знак самоуничижения, поскольку все идеи, изложенные в трактате, всё равно принадлежат учителю.

Это всё интересные предположения, конечно, но я думаю, что все они неверны. В следующей главе я попытаюсь показать, почему это так.

4. Альтернатива лжи и обману

Когда в свои юношеские годы я был добрым консервативным христианином веры евангельской и учился в Библейском институте Муди, я точно знал, что в Новом Завете нет никаких подделок. Мой взгляд на Писание был глубоко укоренён в самом Писании и сформирован в первую очередь этими классическими словами: «Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности» (2 Тим 3:16). Если Писание «богодухновенно», если оно внушено Богом, то оно определённо не может содержать ничего ошибочного, не говоря уже о ложном. Этого не может быть ни в малейшей степени, потому что сам Бог вдохновил этот текст, а Бог не лжёт.

Мы знали наизусть все соответствующие стихи Библии, включая следующие:

«Бог не человек, чтоб Ему лгать» (Числ 23:19).
«Не скажет неправды Верный Израилев (т. е. Бог)»
(1 Цар 15:29).

«В надежде вечной жизни, которую обещал неизменный в слове (т. е. не обманывающий) Бог»
(Тит 1:2).

«Бог употребил в посредство клятву, дабы в двух непреложных вещах, в которых невозможно Богу солгать…»
(Евр 6:18)

Писание говорит о себе, что оно богодухновенно. Бог не лжёт и не может лгать. Поэтому Писание не содержит в себе лжи и не может её содержать. А поскольку подделка подразумевает ложь, то в Библии не может быть никаких подделок [94].

Этот консервативный евангелический взгляд и сейчас встречает довольно сильную поддержку со стороны некоторых учёных-библеистов, как минимум – со стороны консервативных евангелических библеистов. Но стоит подчеркнуть, что этот взгляд основывается на богословских допущениях о том, что должно быть истинным, а не на реальных основаниях того, что истинно на самом деле [95]. На взгляд консервативных евангеликов, Библия должна быть без ошибок, заблуждений или лжи. И если она такой быть должна, что же, значит, она такая и есть!

Может ли Библия лгать?

Конечно, мои взгляды с тех пор изменились. Через три года после окончания института Муди я учился по магистерской программе в Богословской семинарии Принстона, ведущем пресвитерианском учебном заведении, который предпочитал критический подход слепому

догматизму. Именно в Принстоне я пришел к мысли, что прежний мой подход к Библии был абсолютно неверным. Как консервативный евангелик, я должен был принимать определённые установки относительно Библии ещё до её прочтения. Так, я считал, что в ней не могло быть ошибок, и если ошибок в ней быть не могло, то это значит, что их и не было. Всё, что могло быть похожим на ошибку, соответственно, на самом деле ошибкой не было, потому что в Библии не могло быть ошибок. А откуда я знал, что в Библии не могло быть ошибок? Не на основе какого-то изучения или исследования Библии, а лишь на основе сказанного другими людьми и подкреплённого несколькими подтверждающими это текстами. Я приобрёл веру в безошибочность библейского текста, и поэтому естественно, что я не находил в нём ошибок, потому что их там не могло быть.

Но с какой стати я верил в правильность такого взгляда? Ведь вокруг было множество христиан, которые считали иначе, особенно в таком месте, как семинария Принстона. И именно там я понял, что поскольку Библия является книгой, то её изучение требует того же подхода, что и другие книги. Конечно, существуют какие-то книги, в которых нет никаких ошибок. Но никто же не будет настаивать, что какой-нибудь конкретный телефонный справочник, учебник химии или руководство пользователя не содержит никаких ошибок, пока не убедится в этом сам. Разве не лучше вместо того, чтобы ещё до прочтения Библии думать, будто она не имеет ошибок, убедиться самому, так ли это, и уже потом принимать решение?

Я знаю, что множество христиан веры евангельской считают это неправильным и противоестественным, ведь проверять Библию всё равно что проверять Бога. Но я так не думаю. Если Бог создал книгу, свободную от ошибок, тогда она должна быть без ошибок. Если книга, что у нас есть, не является безошибочной, тогда она не является и свободной от ошибок книгой, исходящей от Бога.

Далее, по мере изучения Библии я начал замечать ошибки. Потом их количество стало расти. И в конце концов в их круг попала не только всякая мелочь, но и серьёзные вопросы и по-настоящему важные темы. Я вынес убеждение, что чем бы Библия ни была ещё, прежде всего она очень человеческая книга.

Человеческие книги Древнего мира часто содержат подлоги – тексты, претендующие на написание теми лицами, которые их на самом деле не писали. И это, безусловно, относится к Еврейской Библии, христианскому Ветхому Завету. Например, Книга Даниила претендует на написание пророком Даниилом во время Вавилонского пленения в VI в. до н. э. Но она никак не могла быть написана в то время. В течение последнего столетия ученые представили самые ясные и убедительные доказательства, что она была написана на четыреста лет позже, во II в. до н. э., кем-то, кто ложно назвал себя Даниилом. То же самое с Книгой Экклезиаста. Её автор нигде не говорит, что он Соломон, но он называет себя сыном Давида, царем Иерусалима, фантастически богатым и мудрым. Иными словами, он называет себя Соломоном, просто не произносит этого имени. Но он никак не мог быть Соломоном. Как считают все современные учёные-библеисты критического направления, эта книга никоим образом не могла быть написана ранее, чем через шестьсот лет после смерти Соломона [96].

Тогда как в Ветхом Завете лишь пара подлогов, в Новом Завете их уже больше. Мы рассмотрели две книги, подделанные от имени Петра, и шесть, ложно заявляющих о себе, что они написаны Павлом. Поразительно, что хотя учёные практически повсеместно и согласны с тем, что эти книги написаны не теми, на чьё авторство претендуют, многие учёные не хотят называть их тем, чем они являются на самом деле: литературными подлогами, нарочно вводящими в заблуждение своих читателей. Иногда мне кажется немного странным, что когда кто-то из учёных обращается к текстам с заведомо ложным авторством за пределами Нового Завета, то он не задумываясь называет их подлогами, а вот когда он обращается к таким же текстам внутри Нового Завета, то называет их «псевдоэпиграфами». Возможно, при работе с Библией стоит пользоваться более стерильным, техническим

термином. Или, напротив, лучше называть вещи своими именами? Ведь мы имеем дело с тем же самым явлением, независимо от того, включена книга в канон или нет.

В этой главе я касаюсь тех путей, которые избирают некоторые учёные для того, чтобы обойти проблему существования подлогов в Новом Завете. Иногда они используют объяснения, ставшие настолько общераспространёнными, что для некоторых людей они звучат вполне здраво. Помимо прочих, таковыми являются заявления, будто практика ложного авторства была принята в античных философских школах, так что она вполне простительна для последователей Петра или Павла. Или же говорится, что якобы псевдоэпиграфичные послания на самом деле могли быть написаны Петром и Павлом посредством секретарей. Как мы увидим, для таких мнений очень мало оснований [97]. Но прежде чем перейти к таким объяснениям, мне необходимо коснуться другого положения, часто отстаиваемого исследователями: что древние авторы, присваивая себе чужие имена, совершенно не пытались никого ввести в заблуждение.

Вводит ли подлог в заблуждение?

Ошибка, ставшая нормой

Неожиданно большим количеством учёных утверждается, что хотя в Библии и могут встретиться подлоги, они не создавались с намерением никого обмануть. Согласно этой точке зрения, древние авторы, присвоившие себе чужие имена, не пытались ввести в заблуждение своих читателей. Они этим не лгали, не обманывали, и никто их за это не осуждал.

Трудно понять, как подобное может говорить человек, в самом деле знакомый с древними дискуссиями на эту тему. Но этот взгляд настолько распространён, что для изучающих Новый Завет стал общим местом. Позвольте в качестве примера привести несколько высказываний учёных, которым свойственен этот взгляд. Эти высказывания я буду кратко комментировать, а потом покажу, насколько они неверны.

Один высокоуважаемый автор 1920-х гг. в классической работе по пастырским посланиям заявляет, что тот, кто их написал, назвавшись Павлом, «не мог ощущать, будто каким-то образом искажает апостола; он никого сознательно не обманывал; нет никакой необходимости предполагать, будто он кого-то обманывал» [98]. Какое свидетельство приводит автор в пользу этих слов? Абсолютно никакого. А ведь какое яркое заявление! Если автор не хотел никого обманывать и действительно никого не обманывал, то почему каждый из известных за более чем семнадцать столетий толкователей этих посланий был обманут, а многие таковыми остаются и по сей день, коль скоро считают, что назвавшийся Павлом автор действительно был Павлом?

Или оцените заявление автора уже 1970-х гг., который говорит нам, что «Псевдонимность была частым явлением в ранней литературе. Это был знак самоуничижения; автор, который был слишком застенчив, чтобы писать под собственным именем, укрывался под защитой более известного имени» [99]. Этот автор прав, по крайней мере, в одном: подлоги действительно часто случались в древней литературе. Но имеет ли это отношение к современной анонимности? Книги писались анонимно в Древнем мире так же, как и в современном, если не чаще. Но здесь возникает большой вопрос, на который у этого ученого нет ответа. Если автор не упоминал своего имени из соображений самоуничижения, то почему он не писал просто анонимно? Зачем было для искажения собственной идентичности присваивать тексту чужое (и при этом известное) имя?

Или возьмите такой комментарий ученого 1990-х гг. о псевдонимном авторстве 2 Фес: «Псевдонимность такого рода не следует клеймить как «подлог». Такое квалифицирование подразумевает негативное нравственное суждение, а нам следует понимать, что, по всей вероятности, автор 2 Фес, как и авторы подобных псевдонимных документов, не рассматривали свои произведения как продукт подделки. Нам следует пытаться оценивать подобные писания в соответствии со стандартами, принятыми в той среде, в которой они

появились на свет» [100]. Этот подход действительно выглядит разумно: оценивать писания по древним, а не современным стандартам. Но ведь этот учёный сам так не делает. Он даже не смотрит на то, как древние называли подобную практику, и не принимает во внимание, что ими говорилось по её поводу. А важно помнить, как люди древности называли «псевдонимность такого рода» – они называли такие книги «ложью», «фальшивыми писаниями» и «ублюдками»!

Образцом этого рода представлений служит работа современного учёного, который комментирует тот факт, что автор Послания к Ефесянам лживо называет себя Павлом. Этот учёный утверждает, что подобное ложное заявление «было широко распространённой и принятой практикой как в иудейской, так и в греко-римской культуре… Нет причин прилагать к такому художественному приёму, как псевдонимность, отрицательные определения и обязательно ассоциировать с такими явлениями, как обман и подделка». [101] Опять же, критически настроенному читателю хотелось бы знать, какие свидетельства автор приводит в пользу своего утверждения, что такая практика была «принята» и не ассоциировалась с «обманом и подделкой». Но он не приводит никаких. Почему? Либо потому, что, будучи уважаемым исследователем Нового Завета, автор всё же не знаком с тем, что древние говорили по этому поводу, либо потому, что он не смеет цитировать древних, так как это полностью противоречило бы его утверждению.

Другим учёным собственные богословские предпочтения полностью закрыли возможность исторического подхода к этому вопросу. Взгляните, что пишет один из современных комментаторов Послания к Колоссянам, который понимает, что имеет дело с подлогом, но считает его «честным подлогом» (в противоположность бесчестному):

«Свидетельство, исходящее от Древнего мира, делает необходимым делать различие между бесчестным подлогом, предпринятым из гнусных и подлых соображений, и тем, что на первый взгляд парадоксально может быть описано как честный подлог… Следует ещё раз подчеркнуть, что данный факт (что Послание к Колоссянам написано не Павлом) не обязательно несёт на себе клеймо обмана или подделки. Это было бы применимо к тому случаю, когда написанная работа предлагает некое еретическое учение, и как было замечено выше, многие подобные работы впоследствии были определены как апокрифические и еретические, а потому отвергнуты. Однако в случае с новозаветными псевдоэпиграфами ситуация иная: эти работы были признаны Церковью в качестве действительных и подлинных свидетельств настоящей христианской веры… Они свидетельствуют о том, во что верует Церковь» [102].

Иными словами, если последующие ортодоксальные христиане – второго, третьего или четвертого столетия – согласились со взглядами, изложенными в Послании к Колоссянам, и решили включить его в Библию, тогда автор был честным подделывателем. Однако другие авторы, державшиеся отвергнутых последующими христианами взглядов, были бесчестными подделывателями. А откуда самим авторам было знать, будут ли приняты их взгляды спустя столетия или нет? Очевидно, что знать этого они не могли. Тогда получается, что их честность или бесчестность полностью обусловлена не зависящими от них обстоятельствами [103].

Альтернативная перспектива

Позиция всех учёных, которых я только что цитировал, имеет три общих положения. Все эти исследователи считают, будто то, что я называю практикой подлога, т. е. претензия автора на чужое имя, не вводило никого в заблуждение; все они основывают свой взгляд на высказываниях по этому предмету своих предшественников, а не на изучении древних источников; и все они предпочитают не приводить никаких доказательств в пользу своего мнения.

Что эти взгляды ошибочны, должно было быть понятно даже из моего краткого обзора древних свидетельств в Главе 1. Если подлог никогда не рассматривался как нечто предосудительное, то почему в каждом известном нам примере установления настоящего автора последний был либо отчитан, либо выруган, либо наказан? И если цель заключалась не в том, чтобы ввести в заблуждение читателей, то в чём именно она заключалась?

Просто рассмотрим мотивацию, которая заставила авторов называться чужими именами. Некоторые фальсификаторы делали это для того, чтобы посмотреть, насколько им это удастся. Пусть так, но если никто не был обманут, то что им, собственно, удалось? Некоторые делали это из-за денег. Но если никто не был одурачен, то кто платил деньги? Другие делали это для того, чтобы оклеветать кого-то, кто якобы и написал этот текст. Но если читатели знали, что мнимый автор не был настоящим автором, то как это могло сработать? Некоторые авторы подделывали тексты в военных или политических целях, чтобы силой авторитетного имени вовлечь народ в мятеж или иные насильственные действия. Но что здесь было бы убедительного, если бы выяснилось, что автор был ненастоящий? Иные подделыватели (возможно, таких было большинство в числе христиан), делали своё дело, чтобы придать массовость своим убеждениям. Но если бы было известно, что предполагаемый автор на самом деле этой книги не писал – если это не был на самом деле Платон, Петр или Павел, – с чего кто-то вообще потрудился бы прочитать эту книгу?

Вы можете проследить все роды мотивации, какие найдены мною в древних источниках. Ни один из них не имеет смысла, если подлог не срабатывает, то есть если никто им не одурачен. И как я сказал, тот факт, что люди бывали именно одурачены, и может объяснить их негативную и подчас агрессивную реакцию после того, как они это понимали.

Вот почему существует другая группа учёных, которые говорят о подлогах и называют их тем, чем они являются на самом деле – намеренным обманом. Эти другие учёные действительно читали, что говорят древние источники об этой практике. Лично мой учитель, Брюс М. Мецгер, который знал древние источники как свои пять пальцев, задавал относительно первой упомянутой мною группы учёных такой риторический вопрос: «Как можно быть настолько уверенным, что такие произведения «никого не вводили в заблуждение»? В самом деле, если никто не был введён в заблуждение, то как объяснить, что они вообще попали в канон?» [104]

После обзора всех дискуссий древности один из лучших немецких специалистов по вопросам подлогов в Древнем мире Норберт Брокс выразился чётко: «Современный уровень знаний о подлогах показывает вне всяких сомнений, что даже в те времена литературные подлоги вызывали вопросы относительно их нравственности и вовсе не были терпимы, как некая общая, обычная и приемлемая практика» [105]. А ведущий современный специалист в области изучения подлогов, австрийский учёный Вольфганг Шпейер, в самом начале своей работы, посвященной данному феномену, говорит прямо: «Любой вид подлога намеренно искажает фактическую сторону дела, и поэтому подлог принадлежит царству лжи и обмана» [106].

Псевдоэпиграфика как принятая практика

Остальные учёные, которые не хотят, чтобы их читатели плохо думали о подлогах (особенно в Библии), делают нечто большее, чем просто общие заявления, что подделыватели никого не обманывали. Вместо того они указывают причины и особые обстоятельства, согласно которым использование чужого имени выглядит принятой в древности практикой. Учёных, поступающих таким образом, можно разделить по трём главным направлениям мысли.

Псевдоэпиграфика в Духе

Был такой взгляд, весьма популярный среди учёных на протяжении многих лет, что когда раннехристианский автор писал книгу под чужим именем, то происходило это по

наитию Святого Духа. Высказанный напрямую, он больше похож на богословское заявление (и, возможно, не самое удачное), но это не обязательно так. Вы не обязаны думать, что Святой Дух в буквальном смысле вдохновил кого-то так написать. Но вы можете просто предположить, что данный писатель верил в то, что именно Дух побудил его написать под именем раннехристианского авторитета. Для человека, верившего в то, что он движим Духом, записанные им слова исходили от непогрешимой инстанции (например, апостола).

Одним из главных проводников этой точки зрения был немецкий учёный Курт Аланд, говоривший, что в происхождение своего вдохновения от Духа верили раннехристианские «пророки», которые изрекали «пророчества» не от себя, а от Святого Духа. Потом они записывали эти пророчества, но при этом никак не могли делать это от своего имени, словно бы это их личный авторитет стоял за словами, внушенными Духом. Поэтому автор (по его собственному ощущению) был чем-то вроде инструмента, используемого Духом для передачи его послания. Аланд писал:

«Не только сам инструмент (т. е. человек-автор), с помощью которого передавалось послание, не имел к нему отношения, но… даже указание имени инструмента было бы равносильно фальсификации, потому что… не он был тем автором записи, который действительно говорил, но только подлинный свидетель, Святой Дух, Господь, апостолы».

В результате:

«Когда псевдонимными писаниями Нового Завета заявлялось авторство самых известных апостолов, это не было умелым трюком каких-то мошенников для обеспечения самой высокой репутации и максимально широкого распространения их работы, но логическим завершением той предпосылки, что автором был сам Святой Дух» [107].

Несмотря на то что эта точка зрения какое-то время была популярна среди некоторых учёных, она так и не получила широкого признания. Во-первых, бессмысленно утверждать, что в самой ранней христианской традиции авторы отказывались от использования своих имён потому, что через них говорил Дух. Нашим самым первым автором был Павел, и он своё имя не скрывал.

Во-вторых, если бы авторы хотели подчеркнуть, что через них говорил Дух, то есть что они не основывают своё послание на своём собственном авторитете, почему им было просто не сказать: «Так говорит Господь» или «Так говорит Святой Дух»? Зачем им было называться именами других людей – Петра, Павла или Иакова, – прекрасно отдавая себе отчёт в том, что это не они сами? Иными словами, этот взгляд способен объяснить появление ранних анонимных текстов, но он не объясняет того, что именно и пытается объяснить: появление ранних псевдонимных текстов. В частности, он не объясняет, зачем было автору обманом присваивать себе одно имя вместо другого. Если это Дух направлял руку писателя, зачем ему было называться Петром? Почему не Иоанном, или Павлом, или Иаковом? Или, как я уже сказал, просто отказаться от всяких имён? В итоге мы видим, что, при всей своей интересности, это объяснение просто неубедительно.

Реактуализация традиции

Следующее объяснение, каким образом псевдоэпиграфичное авторство может быть воспринято в качестве приемлемой практики, немного сложнее. Если коротко, здесь утверждается, что когда некий писатель воспринимает себя в качестве последователя точки зрения, принадлежавшей прежде известному автору (который, скажем, уже умер), то он может писать тексты от его имени. Цель заключалась не в том, чтобы представить себя в качестве прежнего автора, а в том, чтобы текст выражал взгляды этого предшествующего авторитета. Или, по крайней мере, те взгляды, которые были бы свойственны тому автору, если бы он сейчас был жив и вынужден реагировать на ситуацию, изменившуюся с момента его смерти.

Технически этот случай обозначается как «реактуализация традиции», где под «традицией» понимается взгляд, учение или набор сведений, дошедшие до нас в письменном или устном виде. Традиция «реактуализируется», когда активируется вновь применительно к новой ситуации.

Предположим, что весьма влиятельный мыслитель в 1917 году резко осуждает употребляющих алкоголь христиан на том основании, что, поступая таким образом, они теряют над собой контроль и ведут себя безответственно. Спустя пятьдесят лет возникает другая проблема – люди начинают употреблять галлюциногенные препараты. Новый мыслитель хочет сказать современным ему христианам, чтобы они так не делали. Живя в 1967 году, этот новый автор пишет эссе от имени известного и почитаемого автора 1917 года, в котором порицает употребление не только алкоголя, но и наркотиков. Новый писатель принадлежит традиции прежнего автора и делает эту традицию актуальной для современной ему ситуации. Иными словами, «реактуализирует» её. Назвавшись именем прежнего автора, он претендует не столько на его имя, сколько на продолжение связанной с его именем традиции.

Вот такая теория, которую некоторые учёные применили к явлению псевдоэпиграфики в Новом Завете. Как утверждал один британский учёный, псевдонимность была «приемлемой практикой, не направленной на обман», так как автор псевдоэпиграфа, продолжающий традицию прежнего автора, «мог представить своё послание как послание создателя данного направления традиции, потому что видел его именно так… Здесь не было никакого намерения обмануть, и почти не вызывает сомнений, что его читатели на самом деле не были обмануты» [108].

Возможно, вы уже заметили одну из ключевых проблем данного подхода. Если люди, подделавшие новозаветные послания, скажем, Петра и Павла, не имели «никакого намерения обмануть» и никого «на самом деле» не обманули, то перед нами по-прежнему остаётся вопрос, почему же тогда все были обмануты (на многие и многие века). На протяжении семнадцати столетий каждый, кто читал эти послания, думал, что они написаны Петром и Павлом. И перед нами опять встаёт вопрос: где доказательство того, что «реактуализация традиции» через присвоение чужого имени была приемлемой и распространённой практикой?

Главным поборником этой теории является американский учёный Дэвид Мид, который опубликовал на эту тему свою докторскую диссертацию [109]. Мид считает, что свидетельство об этой традиции можно найти в Ветхом Завете. Это было обычным делом, говорит он, передавать труды различных авторов под именем родоначальника традиции, к которой причисляли себя позднейшие авторы. Например, исследователи Ветхого Завета уже более ста лет назад пришли к выводу, что Книга Исайи не была полностью написана известным нам Исайей из Иерусалима в VIII в. до н. э. Главы 40–55 определённо были написаны кем-то, кто жил на полтора столетия позже, во времена вавилонского пленения.

Как замечает Мид, Ис 40–55 были переданы нам в качестве части Книги Исайи. Но по его мнению, автор этих глав не пытался никого ввести в заблуждение, будто он и есть тот Исайя, что жил полутора столетиями раньше. Мид считает, что он просто причислял себя к той же пророческой традиции, что и иерусалимский Исайя. То же касается и последних одиннадцати глав Книги Исайи, написанных третьим автором, который жил ещё позже. Когда иудеи называли и последующих авторов «Исайей», говорит Мид, то имели в виду не «литературное происхождение» текста (т. е. чьей именно рукой он был написан), а «авторитетную традицию» (т. е. чью именно традицию – Исайи – продолжали они в своё время).

Мид находит примеры такого рода и в других местах Ветхого Завета и потому делает вывод, что когда дело доходит до Нового Завета, его авторы поступают весьма схожим образом. Автор 2 Пет, не будучи Петром, представляется его именем не потому, что хочет,

чтобы люди считали его Петром. Он не намеревался лгать по этому поводу. Он лишь указывает, чьей традиции – Петра – он принадлежит.

Эта теория привлекла большое количество учёных, поскольку позволяла объяснить, как авторы могли делать ложные заявления относительно своей идентичности, не совершая никакого обмана, и видимым образом она вписывается в древнееврейскую традицию авторства. Но с этой теорией существуют очень большие проблемы.

Прежде всего большинство доказательств, по сути, не работает. Мы не знаем, кто написал Ис 40–55, но можем сказать, что это, во-первых, не был Исайя из Иерусалима, и во-вторых, это был, скорее всего, израильтянин, живший во времена вавилонского пленения. Мы не знаем, сам ли он физически добавил свой текст к тексту Исайи (т. е. на тот же самый свиток), или же он просто написал свою книгу, используя многие идеи своего предшественника. То есть вполне возможно, что оба текста соединил друг с другом кто-то другой, а написавший Ис 40–55 вообще не претендовал на авторство и творил анонимно. Более того, автор Ис 40–55 нигде не называет себя Исайей. Это составляет разительный контраст, скажем, с автором 2 Пет, который называет себя Петром, или автором Еф, который называет себя Павлом.

Но ещё большей проблемой является то, что писатели первого века, когда создавались книги Нового Завета, не знали, что главы Ис 40–55 не были написаны Исайей. Совсем наоборот, все полагали, что Книга Исайи полностью написана Исайей! Идея, что последующие авторы реактуализировали традицию, основана на представлениях о Ветхом Завете, свойственных двадцатому веку и совершенно неизвестных Древнему миру. Нет ни одной записи ни о ком из того времени, кто имел бы эти представления, говорил о них, размышлял о них, поддерживал их, пользовался ими или способствовал их продвижению. Ни один древний автор никогда даже не упоминает о них. Откуда было знать человеку, написавшему Послание к Колоссянам, что происходило с текстами Исайи пятью столетиями раньше? Он жил в другой стране и говорил на другом языке, не был иудеем и читал Исайю скорее на греческом, нежели еврейском, и для него вся книга Исайи была написана Исайей.

Есть и ещё одна проблема с этой теорией. Даже если автор 2 Пет действительно чувствовал себя продолжателем традиции Петра, объясняет ли это присвоение им чужого имени? В чём логика поступка, заключающегося в присвоении имени человека, чьи взгляды ты разделяешь? Эта логика порочна хотя бы потому, что существовала масса христиан, представлявших массу точек зрения, многие из которых противоречили друг другу. Как реагировали бы приверженцы определённой традиции на остальных, кто заявляет о своей принадлежности той же традиции, но при этом имеет сказать нечто иное? Просто представьте себе автора Пастырских посланий, который называет себя Павлом, не будучи им, и автора Деяний Павла, который говорит, что представляет учение Павла, хотя это и не так. У них же противоположные взгляды на женщин и их роль в церкви. Разве мы решим, что ранние христиане из числа разделявших взгляды Пастырских посланий сочтут приемлемым для автора Деяний Павла вкладывать в уста Павла слова, которых тот не говорил? Конечно, нет. Посчитал ли бы автор Деяний Павла приемлемым для автора Пастырских посланий называться именем Павла, коль скоро тот им не был? Безусловно, нет. Как бы назвал каждый из этих авторов другого? Они оба назвали бы друг друга лжецами. И оба заклеймили бы тексты друг друга как «псевдо» (фальшивый, ложный) и «нофос» (незаконнорожденный, ублюдок).

Философские школы

Ещё одна причина, по которой предложенное Мидом объяснение подлога не срабатывает, заключается в том, что большинство авторов Нового Завета не принадлежали иудейской традиции. Они происходили из язычников. На этот случай другие учёные попытались найти основания для легитимации псевдоэпиграфических текстов в языческой традиции, в которой были воспитаны их авторы. Такие учёные иногда утверждают, что для

учеников философов обычным делом было написание трактатов, которые вместо своего имени они подписывали именем учителя. Это якобы делалось в знак смирения, поскольку авторы сознавали, что их идеи на самом деле не их, а получены ими от главы их философской школы. Поэтому, чтобы воздать учителю должное, они надписывали его именем свои работы.

Исследователи Нового Завета часто утверждают, что это объясняет, почему кто-то при написании посланий Колоссянам, Ефесянам и прочих выдавал себя за Павла. В одном из типичных комментариев на Колоссян мы читаем: «Псевдонимные документы, особенно письма с философским содержанием, обязаны своим хождением ученикам выдающегося человека, которые через подражание ему выражали своё почитание перед великим для них именем. Этим же они сохраняли или увеличивали его влияние на следующее поколение, живущее в изменившихся обстоятельствах» [110]. Другой современный комментатор упоминаемых посланий высказывается тем же образом: «Когда мы говорим, что послания Колоссянам (или Ефесянам) являются девтеропаулинистскими, не следует ошибочно полагать, будто мы считаем их просто примером подлога. Так, если кто-то писал под именем философа, который был его покровителем, то это можно расценивать как акт воздания ему почестей» [111].

Должен заметить, что хотя подобные заявления нередки, никто из комментаторов не предоставляет никаких свидетельств в пользу традиционности этой практики в философских школах. Они просто говорят об этом, как о факте. Но почему они думают, что это факт? Большинством исследователей Нового Завета это считается фактом потому, что так сказало много исследователей Нового Завета! Но спросите кого-то из них, на какие древние источники информации они могут сослаться или кто из древних философов признавал это обычной практикой? Скорее всего, на вас посмотрят отрешенным взглядом.

А те учёные, которые всё же указывают древние свидетельства мнимого существования этой практики, обычно ограничиваются двумя основными источниками [112]. Но первый из них ни о чём подобном не говорит. Это философ-неоплатоник Порфирий (III в. н. э.), который якобы сказал, что в школе древнего философа Пифагора (который жил восемью столетиями ранее) среди учеников было обычной практикой написание книг, которые они надписывали именем своего учителя [113]. Отследить это заявление Порфирия довольно непросто, потому что до нас оно дошло не в греческом оригинале, а в арабском переводе одной из его работ, сделанном в XIII в. [114]

Я сомневаюсь, что кто-то из комментаторов Нового Завета, ссылающихся на утверждение Порфирия, на самом деле читал его. Всё же оно на арабском, а большинство учёных-новозаветников по-арабски не читают. Как и я, впрочем. Зато у меня есть коллега, который читает, – Карл Эрнст, специалист по средневековому исламу. Я попросил профессора Эрнста перевести мне эту фразу. Как оказалось, Порфирий не говорит ничего о последователях Пифагора, писавших книги и надписывавших их его именем. Напротив, он говорит, что Пифагор написал восемьдесят книг, ещё двести книг было написано его учениками, и двенадцать книг с именем Пифагора было «подделано». Эти двенадцать книг осуждены за ложное использование имени Пифагора. Их подделыватели названы «бесстыдными людьми», «сфабриковавшими» «ложные книги». О двух сотнях книг не сказано, что они были написаны последователями Пифагора под его именем; сказано лишь, что это книги, написанные его последователями, не более того.

Итак, это был первый из двух древних источников, на которые ссылаются учёные, когда говорят, что практика написания книг под именем учителя была «обычной». Здесь следует указать, что из других произведений Порфирия видно, насколько заинтересованно он выяснял, какие книги являются подлинными, а какие – подложными, и что сам он отвергал подлоги, включая ветхозаветную Книгу Даниила, которая, как он полагал, не могла быть написана израильтянином в VI в. до н. э.

Другая ссылка на традицию философских школ, как и сказали учёные, действительно говорит то, что она говорит. Она взята у Ямвлиха, другого философа-неоплатоника и ученика Порфирия. В своём сочинении о жизни Пифагора Ямвлих пишет следующее: «Прекрасно и то, что все изобретения они относят и приписывают Пифагору, нисколько не придавая значения собственной славе первооткрывателей, за редким исключением. Ведь и в самом деле, очень мало было известно пифагорейцев, которые оставили собственные воспоминания» [115].

Здесь очень большое количество проблем с тем, чтобы принять эту ссылку в качестве указания на распространённую традицию философских школ античности, которая могла послужить образцом для христианских авторов, писавших от имени Петра, Павла, Иакова, Фомы, Филиппа и остальных.

1. Чтобы эта традиция оказала влияние на широкий круг ранних христианских авторов, она должна была быть широко известна, а это не так. Эта традиция не упомянута ни одним писателем со времён Пифагора (VI в. до н. э.) до времени Ямвлиха (рубеж III–IV вв. н. э.). То есть ничто не указывает на её широкую известность. Наоборот, скорее похоже, что на протяжении восьми столетий она никому не была известна.

2. Более конкретно, Ямвлих жил двести лет спустя после написания 1 и 2 Пет и девтеропаулинистских посланий. Нет указаний на существование этой традиции во времена написания Нового Завета. Сомнительно, чтобы в ту пору она была широко распространена.

3. Ямвлих ссылается только на одну философскую школу из многих. Он ничего не говорит о том, чтобы традиция существовала в философских школах за пределами круга пифагорейцев.

4. Современные исследователи пифагореизма говорят, что вообще нет оснований считать сказанное Ямвлихом справедливым относительно пифагорейской школы [116]:

а. Во-первых, он писал через восемьсот лет после Пифагора и никоим образом не мог знать, что написанное им соответствует действительности. Вероятнее, он просто посчитал, что так оно и было.

б. Ни один другой философ или историк до Ямвлиха, который говорил о Пифагоре и его школе, не говорит ничего подобного о псевдонимных работах под его именем.

в. Замечание Ямвлиха случайно и необоснованно.

г. В довершение ко всему, насколько заявление Ямвлиха можно проверить, оно выглядит ложным. Подавляющее большинство текстов пифагорейской школы не было написано под именем Пифагора. Его последователи писали под собственными именами [117].

В результате краткий и случайный комментарий Ямвлиха (жившего, напомню, более чем через двести лет после Петра и Павла) совершенно не может быть принят в качестве свидетельства того, что происходило во времена Пифагора и его учеников (за шестьсот лет до Петра и Павла), не говоря уже о том, что происходило в философских школах вообще, и не говоря о том, что происходило в раннем христианстве [118].

По этим причинам исследователям Нового Завета нужно пересмотреть свои взгляды на философские школы и их влияние на практику подлогов в раннем христианстве. Практически ничто не указывает на существование в этих школах традиции псевдоэпиграфики в качестве акта самоуничижения. Я бы сказал, что учёные вцепились в эту идею просто потому, что она даёт им возможность говорить о происходившем в литературной традиции раннего христианства, не упоминая о виновности раннехристианских авторов в подлоге.

Гипотеза о секретаре

Все три перечисленные мною группы ученых полагают, что в античные времена при определённых условиях псевдоэпиграфика была приемлемой практикой. С их точки зрения, по этой причине не следует думать о раннехристианских авторах как о лжецах, которые выдавали себя за тех, кем они не были. Но есть и ещё одно направление мысли, которое

стоит рассмотреть. Там утверждается, что в ряде случаев то, что выглядит подлогом, на самом деле им не является. Там учёные уже не пытаются на богословских основаниях доказывать, что в древнем христианстве не могло быть такого явления, как подлог. Вместо этого они на исторических основаниях утверждают, что некоторые книги, кажущиеся подлогом, таковыми не являются. По их мнению, реальный автор, который на самом деле был тем, кем он назвался, использовал секретаря, а секретарь писал в другом стиле, нежели сам автор. Иногда настоящий автор мог диктовать секретарю слово за словом. Но в иных случаях он мог отдать секретарю своё письмо в переделку, чтобы улучшить его слог. А в остальных случаях он вообще мог просто поручить секретарю написать за себя письмо, так что его содержание и стиль полностью принадлежали секретарю, хотя само авторство письма оставалось за тем, под чьим именем оно писалось.

Это очень популярная теория; вы встретите ссылки на неё буквально во всех библейских комментариях к девтеропаулинистским и петринистским посланиям. Она объясняет, почему 1 Пет по своему стилю отличается от 2 Пет. Она объясняет, почему взгляды, изложенные в спорном Послании к Ефесянам, так радикально отличаются от изложенных в бесспорном Послании к Римлянам. Практически все проблемы, в связи с которыми нам приходится говорить о подлогах, могли бы быть разрешены, если бы секретари действительно активно привлекались к написанию раннехристианских текстов. Несмотря на популярность теории, я попытаюсь, как и в прежних случаях, показать её несостоятельность.

За последнее время этому вопросу было посвящено несколько книг. Самая полная и наиболее исчерпывающая из них называется «Секретарь в Павловых Посланиях» и принадлежит Е. Рэндольфу Ричардсу [119]. Ричардс делает обозрение всех древних свидетельств о секретарях. Он старательно изучает тексты самого известного римского автора писем – политика и философа Цицерона. Для написания большинства своих писем Цицерон пользовался услугами секретарей. Ричардс рассматривает все другие известные личности империи, о которых известно, что они использовали труд секретарей (например, Брут, Помпей и Марк Аврелий). Он не обходит вниманием ни одну ссылку на секретарей, какую только может найти в сохранившихся на папирусе древних письмах, большинство из которых было найдено в Египте за последнюю сотню лет. И он учитывает сведения о письмах и секретарях, полученные из самих раннехристианских источников. Это полное и очень полезное исследование.

Нет никаких сомнений, что апостол Павел иногда пользовался секретарями. Один из них сам сообщает нам, что послание написано им! В Рим 16:22 мы читаем: «Приветствую вас в Господе и я, Тертий, писавший сие послание». Тертий не имеет в виду, что он был автором письма. Он был писцом, который записывал то, что диктовал ему Павел. Для написания Послания к Галатам также использовался писец, поскольку в самом конце Павел говорит своим читателям: «Посмотрите, какими большими буквами я написал вам своей рукой» (Гал 6:11 – перевод еп. К. Безобразова). Комментаторы согласны в том, что Павел диктовал письмо секретарю, а здесь в конце сделал небольшую приписку самостоятельно. Его почерк был более крупным или потому, что у него была не такая набитая рука, как у секретаря, или из-за слабого зрения, вынуждавшего его писать большими буквами, или же по каким-то иным причинам.

Для всех ли своих посланий использовал Павел секретаря? Этого сказать нельзя. Делали ли секретари свой вклад в содержание письма? На этот вопрос ответить легче. Что бы зачастую ни заявляли исследователи, все имеющиеся свидетельства говорят в пользу отрицательного ответа. То же самое относится к авторам 1 и 2 Пет, а также фактически и ко всем раннехристианским писателям.

В своём исследовании Ричардс говорит, что было четыре основных варианта использования секретарей для написания писем. По большей части секретарь просто писал под диктовку автора, довольно неспешно, по слогам; впрочем, автор мог говорить и с

обычной скоростью, и работа секретаря больше походила на стенографию, а иногда это было нечто среднее. В других случаях автор поручал секретарю исправить грамматику и улучшить стиль текста, который автор надиктовал или записал сам. Иногда, как считает Ричардс, секретарь вносил в письмо собственные идеи и мысли и становился как бы соавтором. А порою, говорит Ричардс, секретарь вообще полностью сочинял письмо от имени автора, так что даже если автор потом подписывал письмо сам, все слова и мысли принадлежали секретарю.

Если бы секретари часто или эпизодически делали свою работу двумя последними способами, то разные письма одного «автора» весьма различались бы между собой не только по стилю, но и по содержанию. Но есть ли подтверждения тому, что это было так?

Нет сомнений в первом из описанных Ричардсом вариантов. Есть огромное количество свидетельств, с которыми можно ознакомиться в работе Ричардса, что авторы часто диктовали письма вместо того, чтобы писать их самим. В этих случаях автор действительно был автором. Пусть сам он не касался пером папируса, но изложенные на нём мысли – его мысли, слова – его слова, а грамматика – его грамматика. Здесь никаких проблем нет.

А вот со следующими тремя категориями проблемы возникают. Одна весьма серьёзная проблема заключена в характере свидетельств. Практически все они исходят от авторов, которые были очень и очень богаты, могущественны и исключительно образованны. Они составляли высший свет, культурную элиту общества: императоры, консулы и сенаторы. Ключевой вопрос в том, насколько их пример может быть соотнесён с представителями низших классов – более скромно образованными, которые хотя и были на голову выше большинства современников, но всё же гораздо ниже какого-нибудь Цицерона или Марка Аврелия. Сохранившиеся на папирусах частные письма, написанные не элитой общества, а простыми людьми, не дают нам никаких сведений об этих трёх категориях.

Другая проблема касается природы тех «писем», которые мы рассматриваем. Большинство писем греко-римского мира писались кратко и по существу. Они занимали одну страницу или даже меньше. Они были очень ограничены по содержанию. Обычно автор представлялся, указывал адресата, приносил за него краткое благодарение богам, сообщал свои новости или высказывал просьбу, затем подписывался. Раз-два – и готово.

Причина, по которой это является для нас «проблемой», заключается в том, что раннехристианские послания, которые мы рассматриваем – например, Еф или 1 Пет, – совсем на них не похожи. Они представляют собой длинные трактаты, касающиеся важных и сложных тем и оформленные в виде писем. Они обладают стилистическими особенностями древних писем: указаны имена автора и получателей, есть благодарение, основной текст и заключение. Но в отличие от типичных писем, они гораздо масштабнее, например, в своих богословских разъяснениях, нравственных наставлениях, цитатах из Писания и их интерпретации. Эти новозаветные «письма» больше походят на эссе, облеченные в форму писем. Так что свидетельство кратких стереотипных писем, типичных для греко-римских кругов, совсем не обязательно применимо к «письмам» ранних христиан.

Если иметь в виду эти обстоятельства, то что можно сказать об остальных трёх категориях Ричардса, в которых секретари редактируют письма, выступают их соавторами или вовсе сочиняют их? Да, есть кое-какие сведения, правда, весьма скудные, что секретарям иногда поручалось редактирование писем. Все они относятся к высшим слоям общества Древнего Рима: например, письмо от военачальника Брута и другое от императора Марка Аврелия. Мы не в состоянии определить, была ли эта практика типична или, напротив, выходила за рамки традиции, принятой у сверхбогатой землевладельческой аристократии.

Как признаёт сам Ричардс, свидетельства об оставшихся двух категориях писем практически отсутствуют, по крайней мере, среди приведённых им примеров. Упоминая о возможности соавторства секретаря и самого автора при написании некоторых писем,

Ричардс даёт один предположительный пример – письма, написанные Цицероном и его секретарём Тироном. Но позже Ричардс сам сбрасывает это предположение со счетов и поясняет, почему оно, скорее всего, неверно. Примечательно, что это один и единственный пример, который Ричардс приводит перед тем, как заключить: «Теперь очевидно… что секретари использовались в качестве соавторов!» Тяжело понять, что делает пример «очевидным», коль скоро он ничем не подтверждён. Ну, может быть, другие исследователи (или сам Ричардс) когда-нибудь отыщут хоть какое-то положительное свидетельство.

Схожая проблема возникает с идеей, что секретари иногда сочиняли письма за других. Действительно, неграмотным людям порой требовалась помощь секретаря-переписчика, чтобы составить акт на землю, брачное свидетельство, товарную квитанцию или какие-то другие документы. И тогда они иногда (но редко) пользовались услугами такого секретаря для написания краткого шаблонного текста. Даже представители высших классов иногда давали секретарю поручение на скорую руку написать кому-то за них стандартное письмо, как это было с Цицероном. Насколько позволяют судить примеры, представленные Ричардсом, так делал только Цицерон и больше никто. Но это совсем разные вещи – набросать короткое стереотипное письмо и написать длинное послание вроде 1 Пет или Еф, которое изобилует деталями, отточенными аргументами, тщательными обоснованиями и тонкими нюансами. Где свидетельства, что сочинение таких писем-эссе когда-либо поручалось секретарям? Насколько мне известно, таких свидетельств нет в принципе.

Ричардсу они тоже неизвестны. Когда Цицерон поручил секретарю побыстрей написать за себя шаблонное письмо так, чтобы оно выглядело как написанное самим Цицероном, то он сделал то, чего, насколько нам известно, в античности не делал больше никто. Как пишет сам Ричардс: «Это наталкивает на вывод, что обман такого рода, инициированный самим автором, был действительно редок и, возможно, ограничивался единственным случаем с Цицероном в определённый момент его жизни» (т. е. когда он был старым, уставшим и ему было лень писать письмо самому) [120].

Что насчёт других секретарей, которые могли бы сочинить письмо (даже не послание-эссе) за другого автора? Опять же, согласно Ричардсу: «Нигде нет указаний, чтобы обычному секретарю поручалось сочинение за автора его письма, тем более, чтобы секретарь осмеливался на это сам». Напротив, «без прямых ссылок на использование секретаря в качестве сочинителя письма это метод использования секретарей, вероятно, не следует даже рассматривать в качестве допустимого варианта» [121]. Таких прямых ссылок, конечно, не существует и в случае с девтеропаулинистскими или петринистскими посланиями.

Мне не известно ни об одном свидетельстве или аналогии, которые позволили бы считать, будто Петр или Павел пользовались услугами секретарей, значительно (или незначительно, если на то пошло) влиявших на содержание посланий. Вот почему при рассмотрении вероятности написания Павлом 1 Тим или Еф, а Петром 1 и 2 Пет важно учитывать не только стилистику, но и содержание посланий. Когда человек утверждает, что он написал письмо, то он и является собственником его содержимого. Иногда послание, приписываемое Павлу, оказывается противоречащим тому, что Павел сказал где-то ещё, как противоречит Послание к Ефесянам взглядам Павла на воскресение, выраженным в Послании к Римлянам. Поскольку содержание писем (по крайней мере, писем-эссе такого рода) исходило не от секретарей, секретарь не может быть ответственным за эту разницу. Соответственно, Павел очевидным образом никак не может быть в ответе за спорные послания. Есть и другой случай, когда не может быть правдоподобно объяснена принадлежность содержимого письма определённому автору. Например, кто бы ни написал 1 Пет, он был высокообразованным грекоязычным христианином, который знал, как использовать греческие риторические приемы, и с талантом и учётом нюансов мог ссылаться на греческий Ветхий Завет. Это не под силу необразованному, неграмотному рыбаку из

галилейского захолустья, чьим языком является арамейский, и никак не могло быть сделано даже секретарём, работавшим под его руководством.

Как я говорил в главе 2, полезно также конкретно пытаться представить себе, каким образом гипотеза о секретаре могла бы объяснить, как Петр мог сам написать 1 Пет. Он не мог продиктовать послание секретарю, потому что был несведущ в греческой технике сочинительства и риторики. Послание не могло быть продиктовано и по-арамейски с тем, чтобы секретарь потом перевёл его на греческий, потому что оно содержит сложные формы изложения и аргументации, которые работают только в греческом варианте и предполагают знание греческой версии Ветхого Завета, а не еврейской, с которой только и мог быть знаком Петр. Не выглядит вероятным и чтобы Петр дал общую суть того, что хотел сказать, а секретарь затем написал за него и от его имени письмо. Во-первых, в этом случае автором письма будет скорее секретарь, нежели Петр, а во-вторых, и это более важно, мы не знаем в Древнем мире ни одной аналогии для такого поступка.

Историкам приходится решать, что вероятнее всего случилось в прошлом. Что вероятнее – сценарий, для которого нет ни одной известной аналогии (Петр просит кого-то написать трактат от своего имени), или сценарий, имеющий многое множество аналогий, поскольку такое происходило постоянно? Подлоги совершались постоянно. Разумеется, это самое лучшее объяснение происшедшего.

То же самое касается посланий с именем Павла, которых он не писал и в которых содержание, а не только стиль, значительно отличается от собственных взглядов Павла. Эти письма не были написаны секретарями. Они были написаны позднейшими христианскими авторами, выдавшими себя за Павла. В итоге гипотеза о секретаре, как бы обещающе она ни выглядела на первый взгляд, просто не в состоянии оправдать подлоги в Новом Завете.

Заключение

Теперь, по окончании первых четырёх глав, можно сделать несколько итоговых выводов. В раннем христианстве существовало большое количество литературных подлогов, часть которых можно найти в Новом Завете. Это действительно подлоги – книги, чьи авторы выдают себя за известных авторитетных людей, хотя на самом деле ими не являются. В наши дни некоторые учёные избегают слова «подлог» и называют эти тексты псевдонимными или псевдоэпиграфичными; чисто технически эти термины являются верными, но при этом они неточны. К псевдонимным текстам относятся сочинения, написанные под литературным псевдонимом, но ни одно из рассмотренных нами произведений не попадает в эту категорию. К псевдоэпиграфичным текстам относятся изначально анонимные произведения, которые впоследствии были ошибочно приписаны хорошо известным авторам. Но тексты, о которых говорили мы, созданы авторами, которые изначально лгали относительно своей идентичности, чтобы обманным путём ввести в заблуждение своих читателей. Технически произведения такого рода называются подлогом.

Следует помнить о некоторых отличиях современного подлога от античного. Самое важное отличие заключается в том, что сейчас подлог расценивается как незаконное действие, которое может привести его совершителя в тюрьму. В Древнем мире не было законов против подобных вещей, так что античные подлоги нельзя расценивать как противозаконные. Но этого отличия недостаточно для того, чтобы мы применяли для обозначения такой практики какой-то другой термин. Например, книги Древнего мира сильно отличались от современных. Они существовали в виде свитков и не производились массово. Тем не менее мы называем их книгами. Подлоги Древнего мира некоторым образом отличались от современных, но всё равно остаются подлогами.

Негативные коннотации этого термина вполне применимы к древнему феномену. Авторы древности называли такие произведения «ложно надписанными», «незаконнорожденными» и «фальшивками». Множественные попытки современных учёных представить практику

подлогов в более выгодном свете не выдерживают критики. Наиболее распространённые объяснения, бытующие как среди учёных, так и среди верующих, говорят о традиционности практики в среде философских школ или о посредничестве секретарей, сочинявших тексты за их авторов. Ни одно подобное объяснение не имеет адекватного подтверждения в древних источниках.

Важно помнить, что древние писатели, которые упоминают о подлогах, всегда осуждают их и называют саму практику обманной, неприличной и неправильной. Будем ли мы относиться к подлогам так же, как и древние, зависит от разных причин. Современные последователи Нового Завета склонны извинять авторов, которые ввели своих читателей в заблуждение относительно своей идентичности, например, по той причине, что те обманывали читателей для их же блага. Остальные читатели могут оказаться более готовы признать, что эти авторы нарушали древние этические стандарты и лучше всего описываются тем словом, которое я здесь уже употреблял, – подделыватели.

5. Подлоги в конфликтах с иудеями и язычниками

В Новом Завете приведены такие слова Иисуса: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч» (Мф 10:34). Никогда не было сказано большей правды. В наше время многие христиане считают свою религию миролюбивой, и она действительно должна быть такой и часто себя такой показывала. Но любой хотя бы немного знакомый с историей человек знает, как жестоки бывали христиане, поддерживая в разные века всякую несправедливость, захваты, войны, Крестовые походы, погромы, инквизицию, холокост – всё во имя своей веры. Возможно, все те христиане, которые стояли за этим злом, плохо знали свою веру; возможно, они нарушали принципы собственной религии; возможно, они оказались оторваны от миролюбивого учения Доброго Пастыря. И никто не смеет отрицать то удивительное добро, которое творилось во имя Христа, бесчисленные акты бескорыстной любви и поразительные жертвы, совершенные ради помощи нуждающимся. Но при этом лишь немногие религии за всю историю человечества выказали большую склонность к конфликтам, чем религия, основанная на проповеди Иисуса, который согласно своему слову действительно принёс меч.

Некоторые ранние христиане понимали, что их религия будет основана на конфликте. Автор новозаветного Послания к Ефесянам, якобы Павел, говорит своим читателям «облечься во всеоружие Божие» (Еф 6:10–20). Их борьба была не против смертной плоти, «но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных». Чтобы противостать этим мироправителям тьмы, христиане должны были облечься в броню праведности, взять щит веры, шлем спасения и «меч духовный, который есть Слово Божие». Таким образом, подразумевалась битва не с врагами в человеческом обличье, а с духовными силами, ополчившимися на Бога. Но всё равно это была битва.

Поразительно, что в своем наставлении о христианском «оружии» автор Послания к Ефесянам советует читателям «препоясать свои чресла истиною» (6:14). Истина была важна для этого писателя. Сначала он ссылается на Евангелие как на «слово истины» (1:13). Потом говорит, что «истина в Иисусе», и наставляет своих читателей «говорить истину ближнему своему» (4:21,25). Он также заявляет, что «плод Духа состоит в истине» (5:9). Как странно это выглядит при том, что он обманул читателей послания относительно своей личности. Книга была написана от имени Павла человеком, который прекрасно знал, что он не Павел. Ложно выступая под именем непререкаемого христианского авторитета, этот защитник истины создал псевдоэпиграф, «ложно надписанную книгу». Это самое мягкое, как назвали бы её античные критики, если бы они знали, что автором был не Павел. Так что некоторые христиане выступили на битву препоясанными не истиной, а ложью. Возможно, что автор считал себя вправе лгать о своей личности. В конце концов, на карту было поставлено многое.

Христиане вступили в конфликт не только с духовными силами, но и с человеческими. Или, если постараться выразить мысль ближе к авторской точке зрения, выступившие против христиан духовные силы проявляли себя через людей, и на самом деле битва происходила именно на человеческом уровне. Как хорошо известно историкам Древней церкви, христиане той эпохи постоянно пребывали в состоянии конфликта и испытывали нападения со всех сторон. У них были противоречия с иудеями, которые считали их взгляды ошибочными и искажающими традиции предков. У них были противоречия с языческими народами и их правителями, которые видели в христианстве тайную секту, представлявшую угрозу для государства. И у них были неистовые и ожесточенные споры друг с другом, поскольку различные христианские учителя и группы доказывали, что именно они и только они обладают полнотой истины, а остальные христианские учителя и группы абсолютно неправильно понимают то, что было открыто Христом в дни его земной жизни.

Во всех этих битвах «всеоружие Божие» включало оружие обмана. Подлог использовался тем или иным христианским автором как для отражения нападок иудеев и язычников, так и для нанесения ударов по взглядам других христиан, имевших альтернативное понимание веры. В этой главе я рассматриваю конфликты с внешними, то есть иудеями и язычниками, которые противились христианской вере. В следующей главе я рассмотрю внутренние христианские конфликты, разъедавшие церковь с самого начала.

Иудейская реакция на христианскую проповедь

Многие современные консервативные христиане не в состоянии понять, почему иудеи не принимают Иисуса в качестве мессии. Это же так очевидно для христиан. Ветхий Завет предрёк, каким будет мессия. Иисус вполне соответствовал этим пророчествам. Так что он, несомненно, мессия. Ветхий Завет говорит, что он будет рождён от девы (Ис 7:14), в Вифлееме (Мих 5:2); что ещё ребёнком бежит в Египет, а потом вернется (Ос 11:1); что вырастет он в Назарете, так что назовут его назореем (Ис 11:1). [122] Предречено его служение в Галилее (Ис 9:1–2) и то, что он будет великим целителем (Ис 53:4). Предсказаны его триумфальный вход в Иерусалим под шумное одобрение толпы (Ис 62:11; Зах 9:9), очищение им храма (Иер 7:11) и его отверженность иудейскими правителями (Пс 118:22–23). Самое важное – предсказано его распятие за чужие грехи и славное воскресение из мертвых (Псс 22;110; Ис 53).

Иисус исполнил все предсказания. Почему иудеи этого не видят? Это же в их собственном Писании! Они что, читать не умеют? Они слепые? А может, тупые?

Конечно, правда в том, что на протяжении всей своей истории иудеи были не более неграмотны, слепы или глупы, чем христиане. Обычный ответ иудеев на христианские заявления об исполнении пророчеств на Иисусе гласит, что те фрагменты из Писания, на которые христиане обыкновенно ссылаются, и пророчествами не являются, и о мессии ничего не говорят. И если посмотреть на этот спор со стороны, то придётся признать, что возражения иудейских читателей имеют смысл. Например, слово «мессия» ни разу не употребляется в пассажах, якобы предсказывающих смерть и воскресение Иисуса. Многих христиан это удивит, но достаточно просто самостоятельно прочитать Ис 53, чтобы убедиться в этом.

Большинство древних иудеев отвергало мессианство Иисуса по той простой причине, что Иисус совершенно не был похож на того мессию, которого ожидали иудеи. Следует подчеркнуть, что множество иудеев Древнего мира отнюдь не сгорало от нетерпения увидеть мессию, точно так же, как это происходит с большинством современных иудеев. Но во времена Иисуса существовали группировки глубоко религиозных иудеев, которые ожидали, что для спасения из их серьёзного положения Бог даст им мессию. Все эти группировки, конечно, основывали свои ожидания на Еврейской Библии, но среди этих ожиданий бытовали разные представления о спасителе-мессии [123].

Само слово «мессия» происходит от еврейского слова, которое переводится как «помазанник». Изначально оно использовалось в Еврейской Библии по отношению к таким царям Израиля, как Саул, Давид или Соломон. При восшествии царя на престол его голову в буквальном смысле помазывали маслом, что служило видимым знаком сообщения ему особого Божьего благоволения (см., напр., Псалом 2). Уже прошло много времени, как у Израиля не было своих царей, и некоторые иудеи ожидали, что Бог ещё даст им помазанника, подобного великому царю прошлого Давиду, и который так же, как Давид, поведёт израильские армии против врагов и восстановит самостоятельное израильское царство. Ожидаемый царь и должен был быть мессией – целиком и полностью человеческим существом, могущественным воином и великим правителем Божьего народа.

Другие иудеи, мыслившие более мистически, считали, что мессией будет сверхъестественная личность, посланная с небес – что-то вроде вселенского судии, который свяжет врагов непреодолимой силой и установит на земле царство, управляемое Божьим избранником. А были и такие иудеи, которые не обращали внимания на политическое положение Израиля и концентрировались только на его религии. Эти считали, что будущий правитель народа будет могущественным священником, который наделит людей Израиля силой, научив их правильному пониманию закона иудейского. Он будет править Божьим народом при полном соблюдении требований, предъявленных Богом в Писании.

Короче говоря, существовали довольно разнообразные представления о том, какой должна быть личность помазанника – мессии. Но была у них одна общая черта: сторонники всех этих концепций согласно считали, что это будет личность грандиозная и могущественная, которой сам Бог даст силу ниспровергнуть врагов и власть править Божьим народом.

С другой стороны, мессией провозглашали Иисуса его последователи. А кем был Иисус? Малоизвестным проповедником из галилейской глуши, который задел правящие власти, в результате чего подвергся публичному унижению, пытке и казни на кресте, как низкий преступник. С точки зрения большинства евреев, трудно было бы представить кого-то, кто подходил бы на роль мессии меньше Иисуса из Назарета.

Но христиане-то утверждают именно то, что Иисус и есть мессия. Первые христиане уверовали в это потому, что поверили в его настоящее, физическое воскрешение Богом из мертвых. Бог показал, что Иисус не был лишь низким преступником или бессильным проповедником. Бог действительно наделил его силой преодолеть величайшего врага всего сущего – саму смерть. Иисус вознёсся на небеса и сейчас восседает по правую руку от Бога, ожидая момента, когда вернётся и установит свою власть над всей землёй. Согласно этому раннехристианскому взгляду, иудейское ожидание мессии было верным. Мессия сокрушил бы врагов Божьих, явив на них свою силу. Но прежде ему нужно было победить злейших врагов – свирепые силы греха и смерти, выступающие против Бога и его народа. Грех был побеждён Иисусом на кресте, а смерть была побеждена его воскресением. Следовательно, он и есть мессия. И он вернётся, чтобы закончить начатое дело.

Таким образом, последователи Иисуса нашли в Писании предсказания не только значимых моментов «второго» пришествия мессии, но и значительных событий его «первого» явления. Они перебрали все тексты Писания в поисках пассажей, которые можно было бы применить к рождению, жизни, смерти и воскресению Иисуса. Христиане были уверены, что все эти пассажи (рождение в Вифлееме от девы, торжественный вход в Иерусалим, смерть за чужие грехи и т. д.) говорят об Иисусе, потому что Иисус – мессия, а в Писании должны были быть пророчества о мессии. Тем не менее большинство иудеев не разделяли их уверенности, потому что фактически ни один из этих пассажей не говорил о мессии, еврейская Библия нигде не говорит, что пришествий мессии должно быть два, а жизнь Иисуса была чем угодно, но только не славной жизнью помазанника Божьего.

Поэтому с самого начала возникли глубокие и сложные конфликты. Численно иудеи сначала значительно превосходили христиан и могли легко подавить их. Но христиане постоянно отвечали на выпады и не прекращали спорить. Спорить, и спорить, и спорить. Помимо прочего, многие иудеохристиане не могли понять, почему иудеи-нехристиане не видят и не принимают «факта» мессианства Иисуса. Все доказательства были здесь, прямо в Писании! Когда боевые порядки противоборствующих сторон сошлись вплотную и стали применять более жесткие приёмы, христиане принялись утверждать, что иудеи, которые отвергают Иисуса, несут за его смерть такую же ответственность, как и иудейские правители, непосредственно призывавшие к его казни. Отвержение Иисуса стало равноценным его убийству.

Таким образом, иудеи-нехристиане стали известны как христоубийцы – народ, убивший своего мессию. Они явно не поняли собственное Писание и отвергли своего Бога. В результате Бог отверг их.

Именно в этом контексте возникло большое количество полемической литературы у обеих сторон, особенно у христиан. Некоторая её часть сохранилась. Послание, приписываемое спутнику апостола Павла Варнаве, говорит, что иудеи никогда не понимали свою религию правильно, поскольку толковали закон Моисея буквально, а не образно, и поэтому Ветхий Завет – это христианская, а не иудейская книга. Сочинение Иустина Философа – известного христианского мученика второго века, в котором он спорит с еврейским раввином и показывает ему ошибки его интерпретации его же Писания. Поучение Мелитона Сардийского, христианского епископа конца второго столетия, где сказано, что иудеи не просто отвергли своего мессию, но убили его, Сына Божия, и через это стали виновны в богоубийстве, поскольку убили самого Бога. И так далее.

Среди работ, написанных христианами в этой полемике, были и подлоги – книги, написанные под именем авторитетных личностей прошлого, которые были призваны показать яркую истинность христианства и страшное заблуждение иудеев. В частности, было немало подлогов, в которых подчёркивалась истинная природа Иисуса – говорилось, что он был божеством, а не простым смертным, и это признавалось самими римскими властями. В этих сочинениях ответственность за распятие Иисуса возлагалась не на римлян, а на иудейских правителей и даже на сам иудейский народ.

Наиболее известные подлоги

Евангелие от Петра

Мы уже обсуждали один подлог, который был предназначен отчасти и для того, чтобы отразить эту точку зрения. Евангелие от Петра (рассматривавшееся во второй главе) подчёркивает, что «никто из иудеев» не пожелал умыть рук в знак своей невиновности в крови Иисуса. Согласно изложенной в нём версии, казнить Иисуса приказал иудейский царь Ирод, а не Пилат. А иудейский народ впоследствии раскаивается в убийстве Божьего избранника и признаёт, что теперь Бог обязательно накажет их и принесёт разрушение святому граду Иерусалиму. Здесь имеется в виду война с римлянами в 70 г. н. э., в результате которой восставшие иудеи были разгромлены, городские стены разрушены, а храм сожжён.

Евангелие от Петра, написанное около 120 г. н. э., является одним из самых ранних евангелий постновозаветного периода. Со временем популярность антииудейских евангельских подлогов росла, особенно когда христианство достаточно окрепло, чтобы более веско утверждать свою силу.

Евангелие Никодима

Одно из самых занимательных Евангелий принадлежит окончанию того периода, который я рассматриваю в этой книге, то есть концу первых четырёх столетий христианства. Это долгое повествование о суде над Иисусом, о его смерти и воскресении, которое ложно

претендует на авторство не кого иного, как Никодима – раввина, хорошо известного христианам по его заметной роли «тайного» последователя Иисуса в Евангелии от Иоанна (Ин 3:1-15) [124]. В Средние века Евангелие Никодима стало невероятно популярной и влиятельной книгой. Оно имело широкое хождение на Латинском Западе и распространялось в переводах практически на все языки Западной Европы. Конечно, никто не сомневался, что книга написана самим Никодимом. Но вероятнее всего её написание приходится на четвёртое столетие, т. е. три столетия спустя после его смерти (если мы считаем его исторической личностью). Книга вполне может основываться на историях, которые устно пересказывались в течение столетий, прежде чем были записаны.

В начале Евангелия указывается, что изначально оно было написано на еврейском языке. На самом же деле, по всей видимости, оригинальным языком сочинения был греческий. Но заявляя о еврейском происхождении текста, настоящий автор, кто бы им ни был, сообщает книге дух подлинности, как бы показывая и древность повествования, и то, что оно основано на свидетельстве очевидцев.

В неисторичности этого текста нет никаких сомнений: он явно основан на поздних легендах о последних часах жизни Иисуса, его смерти и воскресении. Книга написана с целью показать невиновность Пилата в совершённой казни и полную виновность иудейских правителей и народа, причём последние, отвергнув Иисуса, отвергли самого Бога.

Божественность Иисуса демонстрируется в самом начале повествования, в одной из самых интересных и занятных сцен. Ещё до судебного разбирательства еврейские правители приходят к Пилату и пытаются убедить его, что Иисус виновен в различных преступлениях и должен быть осуждён. Пилат посылает за Иисусом гонца. В зале, куда должен прийти Иисус, стоят два знаменосца с римскими военными штандартами, на которых изображён «божественный» цезарь. Когда Иисус входит в зал, штандарты склоняются перед ним, словно бы само изображение цезаря преклонилось в знак почтения.

Иудейские правители в ярости обвиняют знаменосцев, но те возражают, что не имеют к этому никакого отношения. Дескать, изображения цезаря сами по себе склонились перед Иисусом. Пилат хочет разобраться до конца и указывает иудеям самим избрать из своей среды несколько здоровяков для держания штандартов, а Иисусу выйти и зайти ещё раз. Правители выбирают двенадцать дюжих евреев, по шесть на каждый штандарт, которые держат их изо всех сил. Иисус входит опять, и штандарты снова склоняются пред ним.

Может показаться, что тут все всё поняли, но такое развитие событий повредило бы сюжету. Напуганный Пилат пытается отпустить Иисуса, но тщетно. Иудейские властители объявляют Иисуса злодеем, заслуживающим смерти. В течение разбирательства они раз за разом обвиняют Иисуса в злодеяниях и настаивают на его казни. И каждый раз Пилат отвечает, что не находит на Иисусе никакой вины, недоумевает, почему иудеи так настойчиво добиваются его смерти, и призывает их позволить ему отпустить Иисуса. Но те отказывают, по-прежнему желая его смерти. Трижды они выражают свою готовность взять на себя всю ответственность словами из Мф 27:25 – «Кровь Его на нас и на детях наших».

Столетиями раньше, когда эти слова были впервые написаны в Евангелии от Матфея, они уже тогда выражали антиеврейские настроения. Произнеся их, еврейская толпа показала не только свою готовность нести вину за смерть Иисуса, но и передать эту вину будущим поколениям евреев. Эти слова веками использовались оппонентами иудеев для того, чтобы обвинить всех евреев в смерти Иисуса и отомстить им посредством страшных актов насилия. Эта яркая форма антииудаизма засвидетельствована уже здесь, в Евангелии Никодима. Еврейские правители представлены сознательно закрывающими глаза на истинную природу Иисуса. Даже император в образе штандартов кланяется ему, а множество призванных свидетелей подробно описывают чудеса, которые он сотворил как Сын Божий.

Но всё тщетно. Иисус распят по наущению иудеев и их вождей. В дальнейшем повествование показывает истинность божественной природы Иисуса. Он воскресает из мертвых, и еврейские правители сами получают тому неопровержимое доказательство из уст надёжных свидетелей.

Итак, перед нами подлог, написанный около трёхсот лет спустя после описываемых в нём событий с целью показать, что казнь Иисуса была несправедлива, что римляне (которые к середине IV в. были на стороне христиан) не имеют к ней никакого отношения, что вина за распятие целиком лежит на евреях и что, отвергнув Иисуса, иудеи на самом деле отвергли собственного Бога. Неудивительно, что подобное повествование стало так популярно в Средние века, когда ненависть к евреям была непременной и тревожной частью христианского самосознания.

Пилатово благовестие

Большое количество сочинений приблизительно того же времени, что и Евангелие Никодима, так или иначе связано с Понтием Пилатом и его ролью в смерти Иисуса. Большинство из них написано с целью показать, что Пилат не был виноват в смерти Иисуса и что он испытывал известное сожаление после произошедших событий. Из нескольких таких текстов мы узнаём, что Пилат не только раскаялся в злодеянии, но и фактически уверовал во Христа. Из ранней церкви идея обращения Пилата как часть принятой традиции перешла в более позднее христианство. В конце концов в Коптской церкви Пилат был канонизирован в качестве святого.

С исторической точки зрения, конечно, это совершенно не соответствует действительности. Пилат известен как жестокий правитель Иудеи и после смерти Иисуса. Исторические анналы не дают поводов предполагать, что он вообще помнил о своем приказе казнить Иисуса, не говоря уже о каких-то сожалениях по этому поводу. При этом смысл его позднейшей реабилитации и даже прославления в некоторых христианских церквах вполне прозрачен. Если ответственность за смерть Иисуса несёт не Пилат, то кто? Евреи. Предания о Пилате зафиксированы в ряде документов, восходящих к четвёртому столетию или ещё раньше. Некоторые из них якобы написаны самим Пилатом. Но все они, конечно, являются подлогами.

Послание Ирода Пилату

Первый документ, который мы рассмотрим, Послание Ирода Пилату, представлен как написанный не Пилатом, а его коллегой Иродом Антипой. Пилат был римским правителем Иудеи – южной части Израиля, в то время как Ирод Антипа, сын Ирода Великого (правившего в то время, когда родился Иисус), был иудейским правителем Галилеи – северной области страны. Ирод Антипа известен в основном по библейской истории, согласно которой он обезглавил Иоанна Крестителя. В позднейших преданиях о нём говорится, что его неотступно мучила совесть и он сильно сожалел о содеянном.

Именно такой случай представлен в этом подложном письме, якобы посланном от его имени Пилату [125]. В нем Ирод сообщает, что он опечален новостью о казни Иисуса, потому что он, Ирод, хотел его увидеть и покаяться в своих злых делах. Божий суд над грешниками соответствует их преступлениям, говорит он. Им приводится странный инцидент с его дочерью, которая в буквальном смысле потеряла голову. Она играла на берегу реки, когда началось наводнение и прибывающая вода начала её уносить. Мать попыталась спасти свою дочь, схватив её за голову. Но голова отделилась от тела, и мать осталась на берегу с головой ребёнка в руках. Ирод признаёт, что это было воздаяние ему за голову Иоанна Крестителя.

Сам он страдает, гния заживо, так что, по его словам, «уже и черви лезут у него изо рта». Здесь псевдонимный автор явно путает этого Ирода с Иродом Агриппой, который умер, согласно новозаветной книге Деяний, будучи заживо съеден червями (Деян 12:23). Подобным

образом несчастная судьба постигла и римского воина Лонгина, того самого, что будто бы пронзил копьём бок висевшего на кресте Иисуса. Тот оказался заключён в пещеру, куда каждую ночь приходит лев, чтобы до самого рассвета терзать его тело. Днём его тело возвращается к своему нормальному виду, и тогда лев приходит снова. Этому суждено продолжаться до скончания времён.

Однако сам получатель письма, Пилат, как представитель язычников рисуется в позитивном свете. Не язычникам, но иудеям предстоит суд за содеянное с Иисусом: «Скоро священников и правящий совет детей Израиля настигнет смерть, потому что они неправосудно наложили руки на праведного Иисуса». И тогда язычники наследуют Царство Божие, в то время как Ирод и прочие иудеи «будут сметены», потому что они «не сохранили заповедей Бога и его Сына».

Послание Пилата Ироду

Второе подложное письмо отправлено в обратном направлении – от Пилата Ироду [126]. Может показаться, что это письмо является ответом на первое, но несмотря на своё название, Послание Пилата Ироду, и на то, что в нём упоминаются те же лица (Ирод, Пилат и центурион Лонгин), у этих писем практически нет ничего общего. Это письмо никак не соотносится с первым и даже противоречит ему в некоторых ключевых вопросах. Здесь Лонгин упоминается не как объект бесконечных мучений в расплату за содеянное, а как неофит, пришедший к вере в Иисуса после его воскресения. Собственно, суть письма и заключается в том, что когда Иисус воскрес, то в него уверовали не только Лонгин, но и жена Пилата Прокла и сам Пилат.

Согласно изложенному в письме, после того, как Пилат совершил «ужасную вещь», распяв Иисуса, он узнаёт о его восстании из мертвых. Прокла и Лонгин идут искать Иисуса в Галилею. Там он говорит с ними, и они убеждаются в его воскресении. Пилат узнаёт, что Иисус ожил, и в глубокой скорби падает на землю. Но пред ним является сам Иисус, поднимает его и объявляет ему, что «его благословят все поколения и народы». Здесь Пилат предстаёт не кающимся язычником, а новообращённым христианином, которого будущие адепты веры будут считать благословенным.

Послание Пилата Клавдию

Есть ещё одно письмо, якобы написанное Пилатом другому представителю власти – Послание Пилата Клавдию [127]. На этот раз оно адресовано самому императору Рима и объясняет роль Пилата в казни Иисуса. Может показаться странным, что Пилат пишет именно Клавдию, учитывая, что казнь состоялась в правление Тиберия, а Клавдий стал императором лишь через десяток лет. Возможно, поскольку письмо было сфабриковано спустя многие годы после этих событий, его настоящий автор просто не владел фактами имперской истории двухсотлетней давности (вот вы знаете, кто в 1811 г. был президентом Соединенных Штатов?).

Одним из документов, в которых сохранился текст послания, являются апокрифические Страсти Петра и Павла. В этом апокрифе рассказывается, как спустя годы после смерти Иисуса апостол Петр и архиеретик Симон Волхв, с которым мы уже встречались раньше, предстают перед императором Нероном, по всей видимости, около 60 г. н. э. Когда император слышит о Христе, то спрашивает Петра, где о нём можно узнать больше. Петр советует тому взять письмо, посланное Пилатом его предшественнику, императору Клавдию, и прочитать его во всеуслышание. Нерон так и поступает, и далее письмо приводится полностью.

Сама идея, что Пилат мог написать императору письмо с объяснениями относительно смерти Иисуса, была широко распространена в раннем христианстве. Упоминания о таком послании встречаются в третьем столетии у отца церкви Тертуллиана и в четвёртом веке в Церковной истории Евсевия [128]. Возможно, эти авторы ссылаются не на то письмо, о котором

говорится здесь. Вероятно, это послание было сочинено фальсификатором, который полагал, что когда-то такое письмо существовало. Тематика этого короткого послания очень похожа на те, что мы рассматривали выше. Ответственность за смерть Иисуса несут злобные иудеи, и они будут за неё наказаны самим Богом. Как пишет в своём послании «Пилат»:

Из зависти наказали себя и потомков своих иудеи жестокой карой. Обещано было отцам их, что пошлет с неба им Бог своего святого, который по праву их царем наречется, и обещал он, что через деву его на землю пошлет.

Согласно этому письму, своими многочисленными чудесами Иисус доказал, что он сын Божий, но иудейские первосвященники оболгали его, чтобы казнить. Затем они же (а не римские солдаты!) и распяли его. Когда он воскрес из мертвых, то «до того злы на него иудеи были», что подкупили солдат, сказав тем объявить о похищении тела учениками Иисуса. Пилат написал это письмо, чтобы император знал правду и «не думал, будто выдумкам иудеев следует верить».

Возношение Пилата

Более пространный текст, который называется Возношение Пилата, представляет собой ещё одно письмо римского наместника императору, на этот раз Тиберию, написанное вскоре после смерти Иисуса [129]. Это письмо гораздо больше походит на то, о котором упоминал в третьем столетии Тертуллиан: «Пилат, сам уже по своему убеждению христианин, сообщил все это относительно Христа тогдашнему императору, Тиберию» [130]. Но всё равно сомнительно, что это именно тот документ, который он имел в виду. Учёные склонны датировать его более поздним временем, возможно, четвёртым столетием или около того. Так или иначе, его главный посыл в основном соответствует остальным подлогам, рассматриваемым в этой главе: Иисус был сыном Божиим, который творил чудеса и которого иудеи несправедливо приговорили к смерти. Пилат же во всём этом процессе был невиновен.

В начале Возношения Пилат подчёркивает, что управлял провинцией Иудеей согласно «самым мягким указаниям» императора. В этом Пилате нет ничего злого или жестокосердного! Но «все иудеи» (не только иудейские старейшины) предали в его руки Иисуса, «выдвигая против него бесконечные обвинения», хотя и «не могли ни в каком слове обличить его».

Далее Пилат указывает, что Иисус сотворил множество чудес: «слепым возвращал зрение, прокаженных очищал, мертвых воскрешал, расслабленных исцелял» и так далее. Все эти деяния были поразительны, и Пилат признаёт их «неслыханными у богов наших». Но иудеи упорствуют, угрожают восстанием, так что Пилат приказывает его распять.

В момент смерти Иисуса всю землю покрывает таинственная тьма, а в момент воскресения сияет чудесный свет. В три часа ночи солнце светит в полную силу, в небе появляются ангелы, земля трясётся, рушатся скалы и разверзаются пропасти. Всё это означает для упрямых иудеев катастрофу:

Всю ночь, о благочестивый владыка, свет не мерк, и из иудеев многие умерли, погибнув в пропастях земных, так что и тел их не нашли. Воистину пострадали именно те из иудеев, кто говорил против Иисуса страждущего. Лишь одна синагога уцелела в Иерусалиме, а остальные, противоставшие Иисусу, поглотила земля.

Обращение Пилата

Последний пример Пилатова благовестия называется Обращение Пилата [131]. Это не послание, а рассказ о том, что случилось с Пилатом, когда император Тиберий получил его сообщение о событиях вокруг смерти и воскресения Иисуса. По всей видимости, Обращение появилось после Возношения, но имеет с ним такие стилистические различия и фактологические расхождения, что учёные склонны считать их написанными разными авторами.

Обращение начинается с того, что послание Пилата приходит в Рим и зачитывается Тиберию в присутствии большой толпы, удивленной землетрясением и внезапной тьмой среди бела дня, которые произошли из-за распятия Сына Божия. Кесарь, «страшно разгневавшись», посылает солдат, чтобы арестовать Пилата и доставить его в Рим. Когда Пилат доставлен, император устраивает дознание и выговаривает Пилату за казнь Иисуса: «Решившись совершить злое дело, ты принес погибель всему миру».

Однако Пилат отстаивает свою невиновность и утверждает, что «зачинщики же и виновники – иудеи». Кесарь отвечает, что даже если так, при виде всех чудес Иисуса Пилату следовало понять, что «он был Христос». Как только император произносит имя Христа, все языческие идолы в здании сената, где проходит дознание, падают наземь и рассыпаются в прах. Как и в Евангелии Никодима, боги язычников совершают смиренное поклонение божеству Христа и обращаются в ничто. В данном эпизоде это происходит при простом упоминании божественного Христова имени.

Пилат снова говорит, что дела Иисуса показали, «что сильнее он всех богов, которых мы почитаем». Но прокуратор казнил его «из-за мятежа и беззакония иудеев». Тиберий и сенат голосуют за то, чтобы уничтожить еврейский народ. Армии передаётся приказ перебить иудеев, а выживших продать в рабство. Самого Пилата приговаривают к смерти за его участие в этом деле.

Но перед смертью Пилат молится Богу, вымаливая себе прощение и снова указывая на «беззаконных евреев» как на главных виновников смерти Иисуса. Когда он заканчивает молиться, голос с неба – голос самого Христа – уверяет Пилата в его спасении: «Благословляют тебя все колена и все отцы народов за то, что из-за тебя исполнились все пророчества обо Мне. И во время Второго пришествия Моего ты сам будешь свидетелем». Когда палачи отрубают Пилату голову, её сразу подхватывает ангел, видимо, чтобы доставить на небеса.

Цель Пилатова благовестия

Все эти образцы Пилатова благовестия объединены одной довольно прозрачной целью. Оправдывая Пилата, они возлагают вину на весь еврейский народ, не только на его старейшин. Чем менее виновен Пилат, тем больше повинны иудеи. Согласно некоторым легендам, Пилат невиновен настолько, что становится искренне верующим последователем Христа. Бог же разгневан на иудеев и наказывает их за преступление против Сына Божия.

Эти сочинения сфабрикованы в период обострения противоречий между христианами и иудеями. Христиане осознали, что сближения с иудеями не предвидится и вряд ли большинство евреев когда-либо окажется способным увидеть «истину» об Иисусе, что он посланный Богом мессия, а не какой-то распятый преступник. «Истина», однако, вызвала к жизни «ложные писания». Иными словами, некоторые христиане решили сообщить истину о божественном Христе и его злых врагах, евреях, сфальсифицировав документы и назвавшись чужими именами. Христианские читатели приняли эти фальшивки за чистую монету, считая их настоящими документами эпохи, а не тем, чем они были на самом деле – поздними подделками. Авторы намеревались ввести своих читателей в заблуждение, и это им вполне удалось.

Писания Иисуса

У нас очень мало раннехристианских текстов, приписываемых Иисусу, и очень мало сведений о том, что Иисус вообще умел писать. Всё же есть несколько таких указаний, хотя они малоизвестны даже среди ученых, и пара сохранившихся текстов, якобы написанных им самим.

Одно указание содержится на страницах Нового Завета. Правда, это не оригинальный текст Евангелия от Иоанна, а вставка, сделанная одним из переписчиков в более позднее

время. Это один из самых известных сюжетов об Иисусе: он и женщина, пойманная на прелюбодеянии (Ин 8:1-11).

Здесь рассказывается о том, как фарисеи привели к Иисусу женщину, которую уличили в супружеской измене. Согласно закону Моисееву, говорят они, эту женщину следует насмерть забить камнями. А что скажет Иисус? Здесь очевидная ловушка. Если он скажет: «Конечно, побейте её камнями», то нарушит собственную заповедь о прощении и милосердии. А если скажет: «Отпустите её», то нарушит закон, данный Моисеем. И что он делает? Конечно, Иисус всегда находит выход из таких ловушек, как происходит и в этот раз, когда он, склонившись, сидит и что-то пишет на земле. Он поднимает лицо и говорит: «Кто из вас без греха, первый брось в неё камень», после чего снова склоняется и продолжает писать. Устыдившись своих грехов, один за другим иудеи постепенно расходятся, пока не остаётся никого, кто осудил бы женщину.

Это замечательная история, даже если изначально она и не была частью Нового Завета [132]. Но сейчас для нас представляет интерес то, что делал Иисус, склонившись к земле. Там не сказано, что он чертил бессмысленные каракули. Там буквально сказано «писал». Употребленное греческое слово ясно указывает на написание слов. Это самое раннее указание на то, что Иисус умел писать [133]. В одном недавнем исследовании этого эпизода утверждается, что он был выдуман спустя годы после смерти Иисуса именно с целью показать, что тот умел писать [134].

Несколько мнимых сочинений Иисуса упоминаются отцами церкви. К сожалению, ни один из этих подлогов не сохранился. Например, Апостольские постановления, относящиеся к четвёртому веку, упоминают о книгах, сочиненных от имени Иисуса еретиками Симоном и Клеобием. Трудно сказать, действительно ли существовали эти книги, или они просто выдуманы, чтобы обвинить в их сочинительстве этих лжеучителей.

С другой стороны, богослов пятого века Августин говорит о письме, якобы написанном Иисусом, которое, вероятно, действительно существовало [135]. Письмо было адресовано апостолам Петру и Павлу и описывало магическую практику. Августин без труда обосновывает подложность этого письма, поскольку Павел не был прижизненным учеником Иисуса, а стал им лишь после смерти последнего. Августин делает довольно правдоподобное предположение, что фальсификатор увидел изображения Иисуса с Петром и Павлом (одно такое можно и сейчас увидеть в римских катакомбах), и ошибочно решил, что Павел принадлежал к числу прижизненных учеников Иисуса. Исходя из этого ложного предположения, он и сфабриковал письмо, которое Иисус якобы послал Павлу вместе с Петром. К сожалению, это письмо не сохранилось [136].

Всё же от первых четырёх столетий сохранилась пара других сочинений под именем Иисуса. Их поддельность видна совершенно отчетливо, поскольку ясно, что ни одно из них не претендует на авторство Иисуса всерьёз. Один из этих текстов находится в сочинении о смерти и воскресении Иисуса, который называется Повестью Иосифа Аримафейского. Согласно этому совершенно вымышленному повествованию, один из распятых рядом с Иисусом разбойников получает от него прощение грехов и обещание места в раю. Прямо с креста Иисус пишет письмо херувимам, следящим на небесах за порядком, и наказывает им впустить парня внутрь, когда тот предстанет пред вратами. Это невероятно занимательное письмо, но не похоже, чтобы автор предполагал, будто читатели воспримут его всерьёз [137]. Хотя я могу и ошибаться.

Другое сочинение Иисуса – это документ, найденный в 1945 г. в собрании гностических текстов библиотеки Наг-Хаммади, подробнее о которой мы поговорим в следующей главе. Этот документ написан от первого лица, от лица Иисуса, и открывает истинный путь спасения через него и подлинный характер его распятия. Он называется Второй Трактат Великого Сифа (первый трактат, если когда и существовал, то до наших дней не сохранился). Хотя

текст и выдаётся за написанный Иисусом, он написан на небесах от лица воскресшего Иисуса. Так что, строго говоря, это не то же самое, что и подлог от лица земного Иисуса.

Но одно краткое письмо, претендующее на авторство земного Иисуса, всё же сохранилось. Письмо было написано кем-то, кто, по всей вероятности, действительно хотел, чтобы его читатели считали автором Иисуса. Если так, то оно по праву называется подлогом. Письмо является частью переписки между Иисусом и неким Авгарем, царем города Эдессы в Сирии. Первое упоминание об этой переписке встречается в Церковной истории Евсевия Памфила, который заявляет, что действительно обнаружил оба письма в архивах Эдессы. Евсевий указывает, что письма были написаны на сирийском, так что он сам перевёл их на греческий. Затем он полностью приводит их [138].

Первое письмо от «топарха Авгаря» адресовано «Иисусу, благому Спасителю». Авгарь сообщает, что наслышан о творимых им чудесных исцелениях и приходит к заключению, что Иисус должен быть либо «Богом, сошедшим с небес», либо «Сыном Божьим». В любом случае Авгарь просит Иисуса прийти и исцелить его болезнь (какую именно, он не указывает). Он добавляет, что это было бы неплохо и для самого Иисуса, поскольку царь слышал, что «иудеи ропщут на него и против него злоумышляют».

Иисус пишет в ответ, что Авгарь блажен, если уверовал в него, не видев его: «Написано обо Мне: видевшие Меня не уверуют в Меня, чтобы не увидевшие уверовали и ожили» (см. Ис 6:9; Мф 13:14–17; Ин 9:39; 12:39–40). Иными словами, люди, среди которых Иисус живёт и трудится («иудеи», помянутые Авгарем), не уверуют и не обретут жизнь, но только смерть. Далее Иисус вежливо отклоняет приглашение Авгаря посетить его в Эдессе: «Надлежит Мне исполнить здесь всё, ради чего Я послан; а когда исполню, то вознесусь к Пославшему Меня». Однако Иисус обещает, что после своего вознесения он пошлёт Авгарю одного из своих учеников, «чтобы он исцелил болезнь твою и даровал жизнь тебе и тем, кто с тобой».

Заключительная фраза, я полагаю, означает благовестие ученика, в которое они уверуют для вечной жизни. Согласно позднейшим преданиям, Иисус выполнил своё обещание царю Авгарю. В Эдессу был отправлен апостол, который исцелил царя и обратил его и весь город в веру Христову.

Переписка с Авгарем преследует ту же цель, что и «Пилатово благовестие», но гораздо более тонко. Иудеи здесь так же обвиняются в противлении Иисусу; о них говорится, что за его отвержение они не наследуют вечной жизни. Это письмо, таким образом, тоже демонстрирует враждебность по отношению к иудеям за их роль в смерти Иисуса.

Кстати будет заметить, что потом у переписки с Авгарем сложилась интересная судьба. Пока она ходила в Древней церкви, переписчики кое-что меняли в ней. В некоторые уцелевшие манускрипты с письмом Иисуса добавлена такая строка: «На твоём городе пребудет благословение, так что враг никогда не овладеет им». Для граждан Эдессы это оказалось очень полезным обещанием. В конце четвёртого века богатая христианка по имени Эгерия откуда-то с запада империи (из Испании или Франции) предприняла паломничество в Святую землю с намерением посетить все святые места. Во время своего путешествия она вела дневник на латыни, который дошёл до наших дней [139]. В числе прочего Эгерия была в Эдессе и видела письма Иисуса и Авгаря, которые показал ей местный епископ.

Этот епископ рассказал, что когда город подвергся нападению армии персов, тогдашний правитель взял письмо Иисуса, в котором городу обещалась неприкосновенность, и вознёс его над городскими воротами. Нападавшие были отброшены чудесной силой письма и бежали обратно в Персию, не причинив вреда ни одной живой душе. Позднее к городским воротам была прикреплена копия письма, и с тех пор никакой враг не пытался напасть на город. Так что это оказалось очень полезное письмо, хотя бы оно и было поддельным.

Языческая враждебность христианству

Теперь, поскольку от темы враждебности ранних христиан к иудеям мы переходим к теме враждебности, которую язычники периодически проявляли по отношению к христианам, нам важно прояснить несколько распространённых ложных представлений о раннем христианстве в Римской империи. Принято считать, что с первых своих дней христианство было противозаконно, что христиане не могли открыто исповедовать свою веру под угрозой государственного преследования и что в результате им приходилось скрываться, например, в римских катакомбах. Но, оказывается, всё это не соответствует действительности. Строго говоря, христианство было противозаконно не более чем любая другая религия. Большую часть времени на большей части территории империи христиане могли совершенно спокойно исповедовать свою веру. Причины «залегать на дно» возникали редко.

Это правда, что язычники иногда проявляли враждебность к христианам, которые казались им подозрительными и, возможно, неблагопристойными, как и большинство появлявшихся в империи «новых» религий находило своих противников. Но первые двести лет не было никаких императорских указов, направленных против христианства, никаких заявлений о его незаконности или попыток уничтожить в масштабе империи. Ни один римский император не делал ничего подобного до 249 г. н. э., когда император Деций устроил преследование христиан по всей империи.

До Деция гонения имели только местный характер. Чаще они были результатом скорее насилия толпы, чем официального преследования, организованного местными властями. А если власти их и устраивали, то обычно для умиротворения народных масс, не желавших терпеть в своей среде христиан. Но из-за чего они их не терпели?

С точки зрения язычника для этого много причин. Вероятно, самая важная из них заключена в том, что язычники обычно поклонялись своим богам в расчёте на их помощь в обретении земных благ: мира, безопасности, процветания, здоровья, еды и питья, дождя, урожая, детей и всего остального, что обеспечивало жизнь и придавало ей смысл. А взамен языческие боги не требовали многого. Например, они не заставляли на самом деле «верить» в них, и у них не было сложных правил, которые следовало выполнять. Боги лишь требовали, чтобы им служили установленным порядком: люди должны были устраивать традиционные жертвоприношения, которые давно стали частью их культа, и произносить надлежащие молитвословия.

Если люди поклонялись богам, то и боги заботились о людях. Это была простая и полезная договоренность. Но что происходило, когда богам не служили, когда их игнорировали или вовсе презирали? Ну, тогда всё было плохо. Разгневанные боги могли сделать жизнь невыносимой; они могли принести войну, засуху, стихийные бедствия, разрушение и смерть. А как было людям реагировать, если любая из подобных катастроф обрушивалась на них? Их естественным предположением было то, что кто-то из богов гневается и его нужно умиротворить.

Если внутри сообщества некая группа людей отвергает поклонение богам, доказывает, что боги не существуют, объявляет их злыми демонами или просто отказывается соблюдать минимальные требования их общественного почитания, то когда данное сообщество поражается бедствием, эта группа обвиняется в первую очередь. Именно такой группой и была христианская церковь. Другие религии соблюдали заповеданные предками старинные традиции поклонения богам. Даже на иудеев смотрели вполне благосклонно, хотя они поклонялись только одному своему Богу. О них знали, что они совершают жертвы за благополучие императора (то есть скорее за него, чем ему), и это считалось достаточным. Кроме того, их традиции были известны как древние и священные, а сами они вели себя мирно, никому не причиняли вреда и держались в основном своего круга. Так что иудеи спокойно воспринимались в качестве исключения из того правила, что местным и имперским божествам следует воздавать поклонение.

А вот христиане в качестве такого исключения не воспринимались. Христиане в основном состояли либо из иудеев, которые больше не следовали старинным иудейским традициям (и в каком смысле тогда они были иудеями?), либо из язычников, которые оставили служение богам ради служения Богу Иисуса. Христиане полностью отказались от поклонения богам, обеспечившим величие государства и давшим всё хорошее, что нужно в жизни. Если общество, в чьей среде находились такие христиане, поражало бедствие, то последние становились естественным козлом отпущения. Накажи христиан и верни расположение богов. Вот известные строки Тертуллиана о христианах, становившихся объектом гонений всегда, когда с обществом случалась беда:

…они, христиане, виновники всякого общественного бедствия, всякого народного несчастия. Если Тибр вошел в стены, если Нил не разлился по полям, если небо не дало дождя, если произошло землетрясение, если случился голод или эпидемия; то тотчас кричат: христиан ко льву [140].

Кроме того, в отказе христиан от участия в богослужениях, поддерживавшихся государством, часто виделось политическое заявление о безразличии к благополучию государства. Это воспринималось как антиобщественное и опасное поведение. Другие аспекты христианской религии только укрепляли подозрения. Во-первых, христиане поклонялись распятому человеку, то есть кому-то, кто был осуждён государством. Разве это тоже не род политического заявления о том, что христиане смеются над судом государства? И помимо того, разве не сумасшествие – оставить испытанную истинную религию государства для того, чтобы поклоняться распятому преступнику?

Другая проблема была в том, что в отличие от иудаизма, христианство было совершенно новым явлением. Люди Древнего мира ничто не любили так, как старину, и ничто не могло рекомендовать религиозное или философское лучше, чем указание на его древнее происхождение. Старое пользовалось уважением, а новое – подозрением. А чем было христианство? Это было поклонение человеку, жившему совсем недавно, в «современности». Как это вообще могло считаться чем-то истинным?

Эта новая религия казалась не только опасной и лживой, ещё она выглядела безнравственной и извращенной. Христиане не проводили открытых собраний со свободным доступом. Не было никаких церковных зданий, открытых по воскресным утрам для всех, кто пожелает больше узнать о новой вере. На протяжении первых двух веков церкви почти всегда устраивались в частных домах, как и проводившиеся там собрания носили частный характер. Допускались только христиане. Соответственно, остальными религия воспринималась в качестве тайной. Мало того – в обществе ходили слухи о том, что происходило на этих собраниях.

С одной стороны, поскольку большинство христиан принадлежало к низшим, рабочим слоям, будничные собрания обычно проводились либо до начала рабочего дня, перед рассветом, либо по его окончании, уже после заката, то есть в темноте. Об этих ночных собраниях поговаривали, что проводятся они людьми, называющими друг друга «братьями» и «сестрами», что они «любят друг друга» и «приветствуют один другого поцелуем». И что они периодически устраивают «вечери любви», на которых славят любовь их бога к ним и свою любовь друг к другу. Можно ли придумать что-то лучшее, чтобы дать пищу слухам? О христианах, собрания которых не были публичны, думали, что они занимаются развратом и кровосмесительством – братья и сестры объедаются и, видимо, напиваются, а потом в темноте справляют любовные оргии.

Хуже того, говорили, что на этих оргиях христиане едят плоть Сына Божия и пьют его кровь. Поедание плоти и крови ребёнка? Вдобавок к инцесту христиан обвиняли в детоубийстве и каннибализме – что они убивали младенцев и съедали их.

Эти обвинения могут выглядеть чрезвычайно натянутыми, но именно они обычно выдвигались против христиан их недругами из числа язычников. В раннехристианском сочинении Октавий, написанном в третьем столетии Минуцием Феликсом, мы читаем о язычнике, который выражает своё отвращение к тому, что происходит на ночных христианских собраниях. Согласно Минуцию Феликсу, этот взгляд восходит к известному языческому учёному Фронтону, учителю императора Марка Аврелия:

В день солнца они собираются для общей вечери со всеми детьми, сестрами, матерями, без различия пола и возраста. Когда после различных яств пир разгорится и вино воспламенит в них жар любострастия, то собаке, привязанной к подсвечнику, бросают кусок мяса на расстоянии большем, чем длина веревки, которою она привязана: собака, рванувшись и сделав прыжок, роняет и гасит светильник… Таким образом все они, если не самым делом, то в совести делаются кровосмесниками, потому что все участвуют желанием своим в том, что может случиться в действии того или другого [141].

Но это еженедельное мероприятие меркнет в сравнении с их периодическими священными трапезами, совершаемыми в обществе новообращённых христиан:

То, что говорят об обряде принятия новых членов в их общество, известно всем и не менее ужасно. Говорят, что посвящаемому в их общество предлагается младенец, который, чтоб обмануть неосторожных, покрыт мукою: и тот обманутый видом муки, по приглашению сделать будто невинные удары, наносит глубокие раны, которые умерщвляют младенца, и тогда, – о, нечестие! присутствующие с жадностию пьют его кровь и разделяют между собою его члены. Вот какою жертвою скрепляется их союз друг с другом, и сознание такого злодеяния обязывает их к взаимному молчанию. Такие священнодействия ужаснее всяких поруганий святынь [142].

Вот от такого рода обвинений и приходилось защищаться христианам. Если местные толпы верили в подобные вещи, то неудивительно, что они враждовали с христианами, порою применяя насилие.

И если массы были против тех людей, которые принадлежали новой религии, то какой выбор был у местных властей, кроме как тоже противодействовать им? Местные гонения на христиан имели целью не столько их наказание, сколько возвращение в лоно истинной веры через отречение от своей религии. Поэтому почти во всех ранних историях о христианских мучениках мы видим судей, которые упрашивают христиан отречься от их веры [143]. Цель властей была не в том, чтобы причинить христианам страдания, а в том, чтобы убедить их перестать быть христианами. В христианах виделась угроза как политическому здоровью империи (поскольку они навлекали гнев и отмщение богов), так и общественному строю из-за их якобы чрезвычайно аморального поведения.

Конечно, христиане защищали себя от подобных обвинений и делали это по-разному. Начиная со второй половины второго столетия, некоторые язычники-интеллектуалы стали принимать новую веру. Это было новое поколение христиан: грамотные, высокообразованные, обладающие навыками красноречия, способные выдвигать взвешенные философские аргументы, в том числе в письменном виде, и желающие защищать свою веру публично. Эти интеллектуальные защитники веры получили общее название «апологетов». Как мы помним, это слово происходит от греческого ἀπολογία и означает «оправдание». Среди наиболее известных христианских апологетов второго и третьего столетий были мученик Иустин Философ из Рима, Афинагор из Афин, Тертуллиан из Карфагена и Ориген из Александрии.

Эти авторы убеждали всякого, кто был готов их слушать, что христиане не только не представляют угрозы государству, но, наоборот, полностью поддерживают его. Государство жило и процветало не благодаря жертвам, приносимым мертвым идолам, а благодаря молитвам живому Богу, чья власть и держава распространялись на всё. Поклонение

распятому человеку не могло рассматриваться как измена государству. Напротив, такой представитель государства, как Понтий Пилат, сам ясно заявил о невиновности Иисуса. Смерть Иисуса была ошибкой судебной системы, ответственность за которую несут упрямые иудеи, отвергшие своего мессию и, соответственно, своего Бога. За это и Бог отверг их, отдав предпочтение своему верному народу – христианам. Таким образом, христианство представляло собой не «новую», а вполне древнюю религию. Фактически оно явилось истинным выражением древнего иудаизма, религии более старой, чем любой языческий миф или философия.

Согласно некоторым апологетам, лучшие из языческих философов разделяли те взгляды, которые более отчетливо представлены христианской идеей о едином истинном Боге, явившем себя в своем сыне Иисусе. Сам Иисус исповедовал высочайшие нравственные принципы, и его последователи в этическом плане стояли выше любых других людей. Конечно, младенцев они не убивали; они не позволяли даже аборты. Конечно, они не занимались каннибализмом; они были чрезвычайно осмотрительны в вопросах еды и не позволяли себе обжорства или пьянства. Конечно, они не занимались кровосмесительством; их любовь друг к другу была целомудренной. Более того, многие из них сохраняли целомудрие на всю жизнь, даже вступая в брак. Конечно, они не поощряли блуд и супружеские измены; греховным считался не только секс с кем бы то ни было помимо супруга, но и сама мысль о нём.

Короче, христианство описывалось апологетами как респектабельная с философской точки зрения, древняя и высокоморальная религия, противостоявшая ложным религиям язычников и иудеев. Со временем эта мысль была воспринята, и всё больше язычников переходили в христианство. Наконец, когда христианство стало религией империи, взгляд апологетов сделался очевидным и общепринятым. Однако до того христианам пришлось побороться за свои религиозные верования и практики. И одним из способов борьбы была литературная деятельность, которая включала в себя совершение подлогов.

Некоторые подлоги, оставившие наибольший след

Несколько ранее рассмотренных подлогов

Ряд подлогов из числа ранее рассмотренных нами тоже служили апологетической защитой веры против языческих нападок. Здесь стоит отметить один момент, о котором я раньше не говорил. Было бы ошибкой думать, что автор создаёт подлог лишь с какой-то одной-единственной целью. С обычными книгами дело обстоит иначе, и подлоги в этом отношении ничем от них не отличаются.

Вот эта книга, которую я сейчас пишу, – в чём её цель? Фактически их много. Я хочу проинформировать своих читателей о важном литературном феномене древности. Я хочу исправить ошибки, допущенные другими учёными при обсуждении этого феномена. Я хочу, чтобы читатели глубже задумались о роли лжи и обмана в истории христианской религии. Я хочу показать парадоксальность того факта, что исторически ложь и обман использовались для установления «истины». Я хочу, чтобы читатели поняли, что подлоги могут встретиться в Новом Завете. Я хочу рассказать интересные истории о занимательных и относительно малоизвестных сочинениях древности. Я хочу развлечь своих читателей. То есть я хочу решить много задач. Вряд ли какое-то сочинение имеет только одну цель. Так же и с подлогами. Как правило, они многофункциональны.

К примеру, возьмём группу сочинений, которую я назвал «Пилатово благовестие». Их общей целью было показать, что только иудеи несут ответственность за смерть Иисуса. Этой цели их авторы добиваются, делая довольно сильный акцент на том, что римский наместник Понтий Пилат объявил Иисуса свободным от всех выдвинутых против него обвинений. Позволяя христианским читателям видеть в иудеях злобных христоубийц, этот акцент воспитывает христианский антисемитизм. Но он же и защищает христиан от направленных

против них нападок язычников. В ответ на обвинения язычников, в которых те называли Иисуса осуждённым преступником законов римского государства, христиане могли отвечать, что это неправда, что назначенный Римом наместник Иудеи нашёл Иисуса невиновным и распял его только потому, что его вынудили преступные иудеи. Ни Иисус же, ни его последователи преступниками не были.

Или взглянем ещё раз на переписку апостола Павла с римским философом Сенекой. На поверхностном уровне эти письма просто удовлетворяют христианское любопытство. Разве мог самый выдающийся богослов молодой религии не быть известен другим современным ему великим мыслителям? Вот эти письма и показывали, что Павел не только был известен, но и глубоко уважался самым великим мыслителем, несравненным Сенекой. Но кроме удовлетворения любопытства переписка выполняла и апологетическую роль, поскольку показывала христианство не захолустной религией бедных крестьян, а высоко ценимой философской традицией. Насколько высоко она ценилась? Величайший римский философ первого столетия чтил апостола Павла и восхвалял его необычайные прозрения.

Иным образом некоторые из ранних христианских посланий – речь идёт о новозаветных посланиях, написанных якобы Петром и Павлом, – вполне могли послужить для отражения атак со стороны противников от язычества. Для примера возьмём Первое послание Петра. Это письмо, в котором псевдонимный автор, выдающий себя за Симона Петра, ободряет страдающих христиан Малой Азии. Но послание имеет в виду не только приободрить, но и дать христианам защиту от обвинений, которые заставляют их страдать.

Например, о христианах говорят, что они против властей, и тогда автор призывает своих читателей: «Итак будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро, – ибо такова есть воля Божия, чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей» (1 Пет 2:13–15). Язычники также обвиняли христиан в вопиюще аморальной жизни, и автор призывает: «Прошу вас… удаляться от плотских похотей, восстающих на душу, и провождать добродетельную жизнь между язычниками, дабы они за то, за что злословят вас, как злодеев, увидя добрые дела ваши, прославили Бога в день посещения» (2:11–12). Язычники объявляют христиан социально опасными, поэтому автор велит рабам повиноваться своим хозяевам, женам повиноваться мужьям, мужьям быть внимательными к женам и всем вести себя достойно: «Не воздавайте злом за зло или ругательством за ругательство; напротив, благословляйте» (3:9). Поскольку эти наставления исходят якобы от самого Петра – самого значительного из глав Древней церкви, – они имеют особое значение для представления сути христианского послания миру с самого начала христианства.

Совсем другую задачу выполняло рассмотренное нами подложное Евангелие Никодима. В древности оно иногда называлось Деяния Пилата, поскольку главным участником событий вокруг смерти Иисуса, описанных в первой половине текста, и является сам римский наместник Понтий Пилат. Конечно же, это сочинение весьма сочувствует как Иисусу, так и Пилату. Иисус невиновен во всех тех наветах, что выдвинуты против него, а Пилат раз за разом возвещает его невиновность, признавая божественный характер чудес и жизни Иисуса, и в конце концов приказывает его казнить лишь под давлением врагов Иисуса – иудеев.

У нас есть возможность выделить более точную цель написания этой книги. Согласно Евсевию, в 311 году язычниками была сочинена антихристианская книга под названием Деяния Пилата. Это сочинение рисовало Иисуса в самом неприглядном виде, доказывало, что он получил по заслугам, и всё это как бы глазами Пилата. Римский император Максимин Дайя был так впечатлён книгой, что снабдил ею все общественные места империи и указал использовать её в школах для обучения детей чтению [144].

Таким образом, языческая книга Деяния Пилата стала невероятно популярной и распространённой. И разве случайно через несколько лет появилась альтернативная версия

Деяний Пилата, в которой Иисус изображался неповинным и где Пилат всячески поддерживал Иисуса, провозглашая его божественность, а не заслуживающую смерти виновность? По мнению многих учёных, те Деяния Пилата, что мы имеем (известные также под именем Евангелия Никодима), были написаны именно в ответ на языческие Акты Пилата, чтобы возразить им и исправить недоразумение.

Книги Сивиллы

В Древнем Риме верили, что в отдалённом прошлом жила прорицательница по имени Сивилла. Жила она чрезвычайно долго – тысячу лет, по словам поэта Овидия [145]. Согласно древнему преданию, Сивилла в стихотворной форме писала обширные пророчества, которые не просто предрекали будущее, а говорили правителям Рима, что им делать в кризисные времена. Разные предсказания, считавшиеся Сивиллиными, годами собирались и хранились в одном из самых священных мест Рима – храме Юпитера Капитолийского. Была назначена группа жрецов, названная «квиндецимвирами» (от лат. «пятнадцать»), чтобы хранить эти тексты и по приказу римского сената толковать их, когда в том настанет нужда. По свидетельству сохранившихся записей, к оракулам Сивиллы, как их называли, в период между 500 и 100 гг. до н. э. обращались около пятидесяти раз по случаю чумы, голода или чудесных знамений (то есть когда происходили события, видевшиеся весьма необычными или сверхъестественными), чтобы узнать, что пророчица сказала об этом и что в связи с этим следует сделать [146].

В 83 г. до н. э. произошло большое несчастье – храм Юпитера сгорел вместе со всеми книгами пророчеств. Сенат приказал собрать все возможные копии оракулов из разных мест, особенно из города Эритреи, после чего была предпринята попытка восстановить оригинальные тексты. Потом погибли и они. Сегодня нам известно только два кратких речения, вероятно, принадлежащих этой второй группе оракулов, и неизвестно ни одного речения из первой группы.

Предание о жившей некогда языческой прорицательнице, которая могла верно предсказывать будущее, обладало такой силой, что впоследствии разные народы не могли устоять перед искушением создать оракулы от её имени, особенно иудеи и, позже, христиане. Как я уже говорил, иудеи были широко расселены по всей империи. При этом им иногда приходилось отстаивать свои права на сосуществование с язычниками и защищать свою религию от их нападок. Подделка оракулов Сивиллы давала иудеям возможность от имени самой древней пророчицы заявить о древности своей религии и её совместимости с лучшими из языческих верований.

Несколько сфальсифицированных иудеями оракулов Сивиллы были объединены в сборник, позже перенятый неизвестными христианскими авторами [147]. Эти писатели изменили несколько оракулов, вставив в них свои собственные христианские «пророчества», и добавили в сборник несколько совершенно новых оракулов. Эта христианизированная версия Оракулов Сивиллы дошла до нас через столетия, так что и сегодня у нас есть её двенадцать книг.

Иудейская и христианская фальсификация с именем Сивиллы формировалась на протяжении около семисот лет, а окончательный вид ей придал один византийский учёный-христианин около VI в. н. э. Из-за путаницы с тем, как они переписывались, эти двенадцать книг пронумерованы не вполне последовательно, как книги 1–8 и 11–14. Некоторые из них – иудейские, некоторые – иудейские с пространными христианскими вставками (например, книги 1–2 и 8), а остальные – полностью христианские (книга 6 и, возможно, 7). Христианские части сфабрикованных оракулов предсказывают приход Христа и нападают на иудеев, которые не смогли уверовать в того, кому было суждено прийти.

Просто для примера того, что собой представляет данный апологетический подлог, заглянем в первую книгу (в основном иудейскую, с христианской вставкой в конце). Книга начинается с обещания Сивиллы:

С самых истоков начав, возвещу я судьбу поколений,

Все по порядку скажу от первого века и дальше,

То, что случилось уже, что есть и что впредь ожидает

смертных людей … [148]

То есть перед нами достойная доверия древняя языческая пророчица, которая откроет будущее. После повести о создании мира и жизни всех человеческих поколений Сивилла продолжает, в той самой христианской вставке, следующим предсказанием:

Сын Его к людям придет, уподобившись обликом смертным,

В плоть облечен, как и все на земле… … вечную жизнь Он укажет

Избранным и принесет огонь на века нечестивым.

Станет тогда же лечить больных Он и немощных телом —

Всех, кто поверил в Него и свои возложил упованья.

Видеть слепые начнут, хромые пойдут без поддержки,

Те, кто не слышал, услышат, и вновь залепечут немые.

Но – говорит она далее:

Будет Израиль плевать на Него из уст нечестивых

Яда полной слюной и бить по щекам Его станет.

Одна из самых ярких частей среди сохранившихся Сивиллиных оракулов – очень короткая шестая книга, представляющая собой гимн Христу:

Сына Бессмертного Бога пою я, великого в славе,

Кто ещё не был рождён, когда Всевышний Родитель

Трон Ему уготовил…

Далее гимн говорит о его славном пришествии в мир, его отвержении и последствиях для Израиля, который ожидают тяжкие страдания:

Ибо в безумии ты своего не узнал Господина,

К смертным пришедшего людям, Которого тернием колким

Ты увенчал, примешав к дерзновению чёрную злобу

В сердце своём, и сулит тебе это тяжкие муки.

Возможно, самый занимательный отрывок в Книгах Сивиллы находится в восьмой книге – там есть христианская вставка, где длинное пророчество образует акростих. Если вы возьмёте первую букву каждой строки и сложите их вместе, из них составятся слова на греческом языке: «Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель, Крест». Акростих такого рода наделён символическим, скрытым смыслом. Помимо прочего он показывает, что здесь присутствовал определенный замысел композиции произведения, сделавший ещё более примечательным тот факт, что оно было якобы сочинено языческой пророчицей, жившей за сотни лет до рождения Иисуса.

Христианские оракулы Сивиллы были хорошо известны в античности. Уже в середине второго века на них ссылается Иустин Философ как на древнее предсказание христианских истин [149]. Несложно догадаться, что язычники, настойчиво стремившиеся опровергнуть христиан, прекрасно знали, что «предсказания» оракула о приходе Христа, его земной деятельности, отвержении иудеями и последующем оправдании на самом деле не принадлежали древней Сивилле, но были либо вставлены в её пророчества, либо принадлежали христианским авторам полностью [150]. Здесь пример того, как подозрение

справедливо пало на неизвестных фальсификаторов из христианской среды. И разумеется, они также подпали и под всеобщее осуждение, что обычно и происходило с фальсификаторами в древности.

Заключение

Христиане первых трёх столетий часто ощущали опасность своего положения из-за своей веры, и не зря. Они действительно были в опасности. С первых дней существования церкви иудеи отвергали христианскую мысль об Иисусе как мессии, посланном во исполнение иудейского Писания, что вело не только к серьёзным спорам о верном толковании Писания, но и к открытой вражде. Вражда нарастала по мере того, как иудеохристиане ощущали, что оппоненты из иудеев-нехристиан остаются слепы, упрямо игнорируя их доводы. С ростом численности и силы христианства нарастала и напряженность. В конце концов христиане взяли верх, и как только это произошло, борьба перестала быть честной. Свидетельством тому – неприглядная история христианского антисемитизма.

В то же время, когда, с одной стороны, христиане боролись со своими соседями-иудеями, с другой стороны – им приходилось отражать нападки язычников. В гораздо большей степени, чем государственные гонения, христиане испытывали преследования на местах от своих бывших членов семей, друзей и соседей, наконец – неорганизованной толпы, что в первых веках и составляло для христиан основную проблему до того, как римские императоры в середине третьего столетия сами стали организаторами гонений по всей империи. Множество язычников считали христиан политически неблагонадёжными, социально опасными и вопиюще безнравственными. Христианам приходилось защищаться от подобных обвинений, демонстрируя, что на самом деле они законопослушные граждане, мирные члены общества и вообще самые добродетельные существа на планете.

Оба направления христианской контратаки, как мы видели, были взаимно связаны. Нападая на иудеев за их отвержение собственного мессии, христиане одновременно заявляли о невиновности Иисуса и его последователей перед государственной властью и другими заинтересованными лицами из числа язычников. Заявляя о себе как о подлинных представителях древнееврейской религии, христиане пытались не только отодвинуть иудеев, но и придать ореол древности собственным религиозным идеям; христиане сами были стары, как Моисей, который был гораздо старше любого языческого философа или законодателя. Изображая иудеев безнравственными богоненавистниками, христианам было легче зарекомендовать себя высоконравственными существами, не представляющими угрозы общественному порядку.

В этой круговерти взаимных нападок некоторые христианские авторы применили оружие литературного подлога. Конечной целью церкви было провозгласить свою истинность и, как следствие, показать ложность всех остальных религий. Так что мы лишний раз наблюдаем один из великих парадоксов раннего христианства: некоторые его ведущие представители без особых колебаний используют обман для распространения веры и употребляют ложь для установления истины.

6. Подлоги в конфликтах с лжеучителями

Мне всегда нравились добротные аргументированные дискуссии по разным спорным вопросам. В средней школе я был членом дискуссионной группы и получал от этого большое удовольствие. Уже к шестнадцати годам мы с моими одногруппниками набрались определённого опыта, так что в жарких дебатах могли занять любую из сторон, чтобы в следующем раунде перейти на другую и отстаивать противоположную позицию с равным успехом. Мне и сейчас приходится участвовать в дискуссиях по всей стране, и почти всегда они происходят с учёными из христиан-фундаменталистов на важные для них темы. «Могут ли историки доказать, что Иисус воскрес из мёртвых?» (Я всегда говорю, что нет, этого никто не может доказать). «Достоверны ли евангельские повествования об Иисусе?» (Нет, не

вполне). «Даёт ли Библия адекватный ответ на вопрос, почему мы страдаем?» (Нет, конечно). И так далее.

Ещё я думаю, что дискуссии в учебных аудиториях способствуют образованию. На них студенты учатся подбирать аргументы, оценивать доказательства и видеть сильные стороны противоположной точки зрения. Так что своих студентов, изучающих Новый Завет, я заставляю дискутировать на спорные темы: «Представляют ли Иисус и Павел фундаментально различающиеся религии?», «Были ли взгляды апостола Павла на женщин деспотичны?», «Осуждает ли Новый Завет современные проявления гомосексуализма?».

Устраивая эти дискуссии, я иногда заранее выясняю, какую позицию студент предпочитает занять (положительную или отрицательную), и затем назначаю его на противоположную сторону, вынуждая защищать ту позицию, которую лично он отрицает. Это великолепное упражнение. Политикам следует иногда им пользоваться, чтобы увидеть возможные сильные и убедительные аргументы своих оппонентов.

За многие годы, полные формальных дискуссий и неформальных споров, я понял одну важную вещь. Мы охотно затеваем азартные споры на темы, которые нас действительно заботят, с людьми, которые нам действительно близки. Крайне редко мы проявляем усердие и озабоченность в вопросах, не имеющих для нас особого значения. И наши самые жаркие споры бывают скорее с друзьями и любимыми, нежели с совершенно незнакомыми людьми.

Споры среди древних христиан

То же самое относится к спорам, происходившим среди древних христиан. Как мы видели в предыдущей главе, христиане пребывали в состоянии конфликта с иудеями и язычниками по поводу истинности своей религии. Споры с ними были жаркими, что неудивительно, поскольку они касались крайне важных для христиан тем. Но самые жаркие дебаты происходили у христиан между собой, когда они доказывали друг другу, как правильно верить и как правильно жить. Эти внутренние диспуты часто были исполнены ненависти и злобы. Христиане награждали друг друга бранными эпитетами, говорили друг о друге ужасные вещи и использовали все инструменты, чтобы заставить оппонентов выглядеть глупо и предосудительно, а зачастую и вовсе отрицали за ними право называться христианами. Всякий, считавшийся лжеучителем, подвергался поношению, в сравнении с которым можно сказать, что с язычников и иудеев просто сдували пылинки.

Конфликты христиан с лжеучителями в своей среде происходили с самого начала и в большом количестве, насколько мы можем судить по сохранившимся источникам. Самым первым христианским автором был Павел, и практически из каждого его письма видно, что везде у него были оппоненты. Многие христианские читатели не смогли разглядеть важность постоянных атак Павла на лжеучителей. Бесспорно, первое, на что указывают эти атаки, это тот факт, что практически везде, где бы Павел ни появлялся, даже в своих церковных общинах, он и его взгляды подвергались постоянным нападкам со стороны христиан, которые думали и верили иначе, чем он. Этот вполне очевидный исторический факт легко упустить, поскольку сочинения оппонентов Павла не сохранились, подвергшись разрушительному влиянию времени, в то время как его собственные писания стали частью Нового Завета. Но если бы мы могли перенестись в 50-е годы первого столетия, то легко бы заметили, что куда бы ни шёл Павел, он сталкивался с христианскими учителями, считавшими, что апостол проповедует ложное учение. Это происходило даже в тех церквах, которые он основал сам. И эти оппоненты отличались друг от друга – в разных местах существовали разные оппоненты с различными взглядами.

Например, в церквах Галатии противники Павла утверждали, что он извращает истинную евангельскую весть Иисуса и его апостолов своим утверждением, будто язычники не должны обрезываться и принимать иудаизм для того, чтобы стать последователями Иисуса. Это нонсенс, говорили они. Иисус был иудеем, его последователи были иудеями, он

учил иудейскому закону, он был иудейским мессией, посланным иудейским Богом к иудейскому народу. Конечно же, следовать Иисусу и значит быть иудеем. В последовавших дебатах этот взгляд проиграл, но в своё время он имел широкую и мощную поддержку.

В церкви Коринфа противники Павла называли его жалким несостоятельным говоруном, не являющим в себе силы Божьей. В то время как сами они обладали духовными дарами, показывавшими превосходство их учения о том, что правильно верующие уже воскресли с Христом, чтобы ощутить силу и радость небесного бытия уже здесь и сейчас.

В Риме Павла уничижали тамошние церковные лидеры, говорившие, что он не является истинным апостолом. Эти христиане нападали на Павла одновременно за мысль, что в церкви у иудеев нет преимущества перед язычниками, и за пропаганду учения, считавшегося ими аморальным.

И так далее – на каждом углу у Павла были противники. Нам не стоит списывать их со счетов как не представляющую важности мелкую маргинальную группировку. Они были всюду, и Павел считал их опасными. В конечном счёте его позиция возобладала, но в ту пору разница во взглядах была повсеместна и весьма опасна. И Павел не был единственным апостолом, оказавшимся под огнём. В каждой древнехристианской общине верующие нападали на других верующих за их ложную веру.

Это было немалой проблемой для религии, которая считала себя стоящей за истину. Если последователи Иисуса представляли единственную и цельную Божью истину, то почему они не были едины и сплочены между собой? А ведь на самом деле иначе и не было не только во времена Павла, но и все первые четыре столетия. Например, как мы знаем, во втором и третьем веках энергичный и влиятельный христианский богослов Маркион утверждал, что существует не один, а два Бога. Некоторые гностики настаивали на существовании тридцати или даже трёхсот шестидесяти пяти божеств. Все эти христиане были уверены, что правы только они, а остальные заблуждаются. Если бы в спорах победила какая-то из этих групп, мир сейчас выглядел бы иначе.

Во втором и третьем столетиях некоторые христиане считали, что Иисус был самым праведным из когда-либо живших людей и что Бог избрал его своим мессией. Но сам он Богом отнюдь не был. Человеческое существо Богом быть не может. Иные христиане, как тот же Маркион, настаивали, что Христос всецело был Богом, а вовсе не человеком. При этом другие христиане, в том числе уже упоминавшиеся гностики, утверждали, что Иисус Христос был двумя существами: человеком Иисусом и Богом Христом, который вошёл в Иисуса, чтобы совершить свою миссию, а затем покинул его перед самой смертью, потому что Христос страдать не может. А были и такие христиане, которые считали Иисуса самим Богом Отцом, сошедшим на землю.

При этом существовали христиане, отрицавшие создание мира Богом. Или избрание Израиля Божьим народом. Или священность иудейского Писания. Существовали такие христиане, которые настаивали, что иудейское Писание является священным, но не должно пониматься буквально. А другие христиане считали наоборот – что его следует не только буквально понимать, но и буквально исполнять, и некоторые христиане считают так и по сей день.

Древние христиане сильно отличались друг от друга. Но каждая христианская группа не просто заявляла о своей правоте, но считала себя единственно правой, а свои представления – единственными правильно отражающими Божественную истину. Разумеется, при этом все они говорили, что их видение истины исходит от Иисуса через его апостолов. И все эти группы имели книги, которые доказывали это, – книги, якобы написанные апостолами, разделявшими эти взгляды.

Нынешние христиане могут удивиться, почему эти группы просто не взяли и не прочитали Новый Завет, чтобы понять, что их взгляды были неверными. Дело в том, конечно,

что тогда ещё не было Нового Завета как такового. Новый Завет явился следствием конфликтов, в которых одна из христианских групп выигрывала споры и определяла, какие книги войдут в Писание. Другие книги, представлявшие другие взгляды и тоже считавшиеся апостольскими, не только не вошли в Писание, но были уничтожены и забыты. В результате, когда мы сегодня пытаемся представить себе древнее христианство, то представляем себе его исключительно в категориях текстов, принадлежавших партии победителей. И только в новейшую эпоху благодаря новым научно-техническим возможностям и археологическим изысканиям, проводившимся, например, в песках Египта, постепенно стали открываться древние книги с альтернативными взглядами.

Что должны были сделать христианские учители, когда они были полностью убеждены в правильности именно своих представлений об Иисусе и вере, но не имели апостольских писаний для их подтверждения? То, что они иногда (или, вероятно, часто) делали – то есть сами создавали апостольские писания. Ничто не произвело на свет столько подлогов, приписанных апостолам, сколько внутренние споры между конкурирующими христианскими группами. Эти подлоги придавали апостольский авторитет собственным взглядам отдельных групп и оспаривали взгляды других групп. Многие из этих подлогов уже были нами рассмотрены, но есть ещё несколько других, которым следует уделить внимание.

Подлоги, направленные против неизвестных оппонентов

При чтении раннехристианской полемики против лжеучителей часто бывает довольно трудно понять, в чем состояла вера объектов критики. Это происходит из-за того, что в большинстве случаев у нас нет оспариваемых сочинений и нам приходится реконструировать изложенные в них взгляды по тому, что о них говорят их противники. Далеко не всегда это получается. Представьте себе попытку реконструкции подлинных взглядов кандидата в президенты по тому, что о них говорят конкурирующие кандидаты. Реконструкция такого рода осуществима в наше время постольку, поскольку у нас есть средства массовой информации и развёрнутые репортажи о каждой из сторон по каждому спорному вопросу, поэтому просто так оговорить конкурента будет непросто. Как правило, современным политикам приходится быть относительно изворотливыми. А вот в Древнем мире практически не было средств противостояния явным передёргиваниям и искажениям фактов. Как об этом можно было узнать, не имея газетных или журнальных статей, где раскрывались бы настоящие взгляды оппонента?

В одних случаях доводы против оппонентов приводятся для читателей, которые прекрасно осведомлены об их взглядах, поскольку оппоненты живут среди них. Как следствие, автор не имеет нужды их описывать. Такой подход годится для древних читателей, которые знали, о чём говорит автор. Но нас, живущих спустя две тысячи лет, он обескураживает. Мы видим лишь скудные намёки на содержание лжеучения и изо всех сил пытаемся как-то связать их воедино, чтобы понять, что оно из себя представляло.

А ещё встречаются примеры того, как автор критикует ложные мнения, которые придумал сам для того, чтобы на их контрасте лучше пояснить свои собственные мысли. Это особенно характерно для подлогов, автор которых пытается выдать себя за жившего в прежние времена. Совсем не обязательно, что кто-то в самом деле придерживался критикуемого ложного учения. Последнее выступает лишь в качестве альтернативы, которую автору нужно очернить, чтобы показать «истинность» своей точки зрения.

Нам приходится сталкиваться со всеми случаями такого рода, когда мы имеем дело с раннехристианскими подлогами, включая те, что входят в состав Нового Завета. Несколько сочинений направлены против лжеучителей, но практически невозможно установить, во что они верили на самом деле, если вообще когда-либо существовали.

Послание к Колоссянам

Именно это происходит с Посланием к Колоссянам, написанным под именем Павла, но, как мы видели в третьей главе, практически точно ему не принадлежащим. Автор, кто бы им ни был, предупреждает своих читателей от увлечения ложными учениями: «Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философиею и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу» (2:8). Далее он наставляет читателей относительно того, во что верить им следует, а во что нет, и какой религиозной практике им стоит следовать, а какой не стоит. Но против кого направлены его наставления?

Здесь классический случай, когда учёные практически бессильны это установить. Не то чтобы они не пытались. В 1973 г. в одной исследовательской работе указано сорок четыре различных точки зрения учёных на то, что за лжеучители это могли быть [151]. В начале 1990-х гг. за каких-то пять лет на эту тему вышло четыре важные работы, написанных серьёзными специалистами; в каждой из них были представлены различные мнения [152]. Моё мнение таково, что мы никогда не узнаем правды.

Мы знаем лишь, что автор изображает этих лжеучителей (существовали они на самом деле или нет) соблазняющими христиан служением ангелов и основывающими свои взгляды на мистических видениях. Кроме того, они будто бы побуждали своих последователей вести аскетическую жизнь: избегать определённой пищи и питья и, возможно, соблюдать иудейские субботы и праздники (см. 2:16–18, 21–23). Против этого восстаёт автор послания, называющий себя Павлом. Он полагает, что служение подобает единственно Христу, потому что во Христе (а не в ангелах) обретается вся полнота Божества. Кроме того, сущие «во Христе» уже вкушают плоды воскресения, для таковых нет нужды в следовании аскетическим практикам.

Для чего автору было называться Павлом, когда он полемизирует с этими неизвестными оппонентами? Очевидно, для того, чтобы иметь возможность невозбранно осудить тех, с кем он несогласен, и утвердить собственное мнение, хотя оно на самом деле и расходится с мнением Павла, как мы видели в третьей главе.

Послание Иуды

Рассмотрим другое новозаветное письмо – Послание Иуды. Эта короткая книга ещё более очевидным образом направлена против лжеучителей в христианском сообществе. Поприветствовав читателей, автор объясняет причины написания письма:

Возлюбленные!.. я почел за нужное написать вам увещание – подвизаться за веру, однажды преданную святым. Ибо вкрались некоторые люди, издревле предназначенные к сему осуждению, нечестивые, обращающие благодать Бога нашего в повод к распутству и отвергающиеся единого Владыки Бога и Господа нашего Иисуса Христа.

(стт. 3–4)

Уже здесь оппоненты упоминаются в довольно недоброжелательных выражениях, но дальше выражения становятся ещё менее доброжелательны. Обратите внимание, что хотя эти оппоненты входят в христианскую общину, они отвергают Христа. Это не следует воспринимать в том смысле, что они отвергли звание христианина. Наоборот, они описываются как христианские наставники. Но сказав, что они отвергаются Христа, автор подразумевает, что они ненастоящие христиане, потому что их учение является ложным. Нетрудно сообразить, что они сказали бы об авторе послания то же самое. Но его сочинение вошло в Писание. А их сочинения, если только они существовали, бесследно сгинули.

Так или иначе, во всём послании автор не находит ни одного доброго слова для своих противников. Они оскверняют плоть (что бы это ни значило), отвергают начальства и злословят ангелов. Они бессмысленные животные, объедающиеся на трапезах, они «безводные облака» и «бесплодные деревья, дважды умершие, выкорчеванные». Они безбожны и творят безбожные дела. Они «ропотники, ничем не довольные, поступающие по своим похотям (нечестиво и беззаконно); уста их произносят надутые слова» (стт. 8-16).

Опять же, трудно сказать, действительно ли мишенью автора являлась реально существовавшая группа лиц. Он явно исполнен желчи по отношению к своим противникам, но из сплошного потока эпитетов, которыми он их награждает, совершенно невозможно получить цельное представление об их реальном учении. Возможно, подлинные получатели послания доподлинно знали, о каких людях здесь речь и чему они учили. Или, возможно, автор использует воображаемых противников для создания должного контраста собственному учению об истинной сути христианской веры, «однажды преданной святым» (ст. 3). В любом случае, сам автор в своей попытке отстоять истину, несомненно, прибегает к обману. Он называет себя Иудой (ст. 1) и этим прозрачно намекает, что он брат Иисуса.

В Новом Завете есть пять человек по имени Иуда, самый известный из которых, конечно, Иуда Искариот. Другой из них – сын Марии и плотника Иосифа, один из четырёх братьев Иисуса, упомянутых в Мк 6:4. Вряд ли стоит сомневаться, что автор данного короткого послания имеет в виду именно этого Иуду, потому что называет себя «Иудой, братом Иакова». Поскольку большинство людей древности не имели фамилий, писатель с распространенным именем обычно отличал себя (чтобы вы знали, какой именно из Иуд пишет), назвав кого-то из своих известных родственников, чаще всего отца. Но здесь автор называет имя брата, а не отца. Это означает, что брат по имени Иаков является особенно известным членом семьи.

А какой Иаков был особенно известен в Древней церкви? Самый известный Иаков был главой первой церкви, церкви Иерусалима. И этот Иаков был братом Иисуса, упоминаемым во всём Новом Завете (см. Гал 1:19). Если этот Иуда указывает, что он брат того самого Иакова, то подразумевается, что он брат Иисуса.

Но можно быть уверенным, что исторический Иуда не писал этого послания. Его автор жил в более поздний период церковной истории, когда церкви уже упрочили своё положение, и когда просочившиеся в них лжеучителя нуждались в искоренении. В самом деле, автор говорит «помните предсказанное Апостолами» (ст. 17) так, как будто они, апостолы, жили в прежние времена. В отличие от них сам он живёт в «последнее время», предсказанное ими (ст. 18). Это некто, живший в послеапостольскую эпоху.

Есть и другая причина быть практически уверенным, что Иуда не писал послания (о ней говорилось во второй главе). Как и принадлежавший к простонародью галилеянин Петр, галилеянин Иуда из того же простонародья просто не умел писать. Тем более писать по-гречески. Тем более демонстрировать в риторически грамотном письме хорошее знание древнееврейских текстов на греческом. Это неизвестный автор, назвавший себя Иудой, чтобы христиане прочитали его письмо и противостали лжеучителям, державшимся других взглядов на вероучение.

Подлоги, направленные против Павла

Не только при своей жизни, но и после неё Павел служил мишенью для участников бесконечных споров. Часть христиан видела в нём величайший авторитет Древней церкви, которому в видении явился Христос по дороге в Дамаск и наделил его истинным пониманием евангельской вести. Другие считали его человеком внешним по отношению к группе апостолов, самозванцем, который извратил подлинное послание Иисуса и его учеников до другой религии, весьма далёкой от истины.

Мы уже видели, что сторонники Павла подделывали послания от его имени. Эти псевдонимные авторы определённо чувствовали, что авторитет Павла мог оказаться убедительным в контексте разных споров и тяжб, раздиравших христианское сообщество. Так у нас появился целый ряд паулинистских сочинений, которые он на самом деле не писал: послания к Ефесянам, Колоссянам, Второе Фессалоникийцам, Первое и Второе Тимофею, Титу, Третье Коринфянам, переписка с Сенекой и, без сомнения, много других текстов, которые не сохранились с тех времён.

Но и ругатели Павла тоже создавали подлоги. В этих случаях псевдонимные сочинения оспаривали поучения апостола или, по крайней мере, то, что считалось его поучениями, поскольку часть из них Павлу не принадлежала. Эти подлоги прямо или косвенно бросали тень на «апостола языков» (как его часто называют) и, разумеется, подписывались уже не именем Павла, а именами других известных личностей, обладавших высокой репутацией.

Неканоническое Послание Петра

Один из таких подлогов мы рассматривали во второй главе. Это Послание Петра, выступающее чем-то вроде предисловия к Псевдо-Клементинам. Письмо подразумевает то, что было широко известно в Древней церкви и по-прежнему известно сейчас учёным и простым верующим: Петр и Павел не сходились во взглядах на евангельскую истину.

Исторический Павел сам говорит в своём подлинном сочинении, что он и Петр иногда не ладили. Нигде об этом не сказано так чётко, как в Послании к Галатам, где Павел рассказывает, как в Антиохии Петр перестал разделять трапезы с христианами из язычников после прибытия в город иудеохристиан (см. 2:11–14). По-видимому, Петр предполагал, что новоприбывшие будут оскорблены его отступлением от кашрута. Отход Петра от языкохристиан (ради кашрута) мог быть всего лишь попыткой не раздувать страсти среди тех иудеохристиан, что считали важным сохранение национальной самоидентификации даже в лоне христианства. Но для Павла самоустранение Петра выглядело оскорблением Евангелия. По его мнению, евангельская весть устанавливала перед Богом равенство во Христе иудеев и язычников, так что для последователей Иисуса не было нужды соблюдать кашрут и следовать иудейскому закону.

Павел публично противостал Петру и назвал его лицемером, поскольку тот ел вместе с языкохристианами, пока рядом не было собратьев иудеев, но как только те появились, перестал это делать. Очень и очень жаль, что мы не знаем, как ответил Петр и чья аргументация в споре была выше. Мы знаем только о действиях Павла, поскольку он сам о них сообщает в Послании к Галатам. Однако ясно, что у него некогда возникло разногласие с Петром, и совсем неясно, достигли ли они, наконец, согласия по спорному вопросу.

Напряженность отношений между Петром и Павлом в вопросе соблюдения иудейского закона, как мы видели, занимает важное место в неканоническом Послании Петра, автор которого, называющий себя Петром, но пишущий через много лет после его смерти, нападает на человека, которого называет своим врагом. Этот «враг» проповедует язычникам беззаконное учение, то есть такую евангельскую весть, которой утверждается праведность пред Богом независимо от закона. Этот личный враг Петра солгал, что он, Петр, согласен с его ложным пониманием веры. «Петр», однако, не согласен и нападает на своего врага за его ложь.

То есть это слегка прикрытое нападение именно на Павла за авторством некоего иудеохристианина, который считал, что верующему в Иисуса иудею прилично и даже необходимо продолжать соблюдать иудейский закон. Его несоблюдение означало бы повреждение истинного вероучения. Для этого автора Павел не обладал апостольским авторитетом. Он был лжепроповедником.

Псевдо-Клементины

Похожая доктрина содержится в самих Псевдо-Клементинах [153]. Если помните, это собрание объёмных текстов, якобы написанных четвёртым епископом Рима (т. е. папой) Климентом, в которых он описывает свои странствия, встречу с апостолом Петром и своё обращение в христианство. В основном же там рассказывается о последующих приключениях, когда автор сопровождал Петра в его миссионерских путешествиях. В частности, эти истории повествуют о конфликте и чудесном состязании Петра с Симоном Волхвом, который говорил, что действует от имени Бога и которого Петр называл

лжеучителем. Из некоторых фрагментов истории становится ясно, что под Симоном следует понимать кого-то иного, а именно невымышленного врага Петра – апостола Павла.

Особенно очевидным это становится из нескольких отрывков в той части Псевдо-Клементин, что известна как Омилии [154]. В одном отрывке Петр подробно говорит о божественном мироустройстве. Петр указывает, что в Священной истории значимые фигуры часто возникают попарно. И первая из них всегда хуже второй. Например, первым сыном Адама и Евы был злой Каин, а вторым – праведный Авель. Так же и отец иудеев Авраам имел двух сыновей: перворожденный Исмаил не наследовал обетования, а второй, Исаак, наследовал. Затем у Исаака было двое сыновей – грубый Исав и набожный Иаков. И так далее на всём протяжении истории.

Этот пример хорошо применим к христианскому миссионерскому полю, заявляет «Петр». Первым миссионером среди язычников был «Симон» (т. е. Павел), и, соответственно, он был худшим. Вторым, и превосходящим его, был сам Петр, который говорит: «Я пришёл за ним (Симоном/Павлом) и победил его, как свет побеждает тьму, как знание побеждает невежество, как исцеление побеждает недуг» (2.17). Не слишком одобрительное изображение Павла! Петр следует по миссионерскому пути Павла, исправляя всё, что тот успел испортить.

Ещё более резким является второй отрывок. Хорошо известна история, как Павел был послан на апостольскую проповедь самим Христом в чудесном явлении на дороге в Дамаск (см. Деян 9). Изначально Павел не был последователем Иисуса. Напротив, он начал как гонитель христианской церкви. Но потом ему явился Христос и обратил его, поручив ему миссионерство среди язычников. Сам Павел, исторический Павел, принял это назначение чрезвычайно серьёзно и прямо говорит, например, в Послании к Галатам, что, поскольку он получил благую весть непосредственно от Иисуса, он никому не обязан. Любой, кто проповедует противное сказанному им, скорее выступает поборником лжи, а не истины (см. Гал 1:6–9). Ему, Павлу, открыта истина самим Христом. И, помимо прочего, она заключена в том, что язычникам не нужно усваивать себе иудейский закон ради обретения спасения во Христе (Гал 2:15–16).

Автор Псевдо-Клементин с этим искренне не согласен и изображает Петра насмехающимся над Павлом за его притязания на прямой доступ к учению Иисуса, основанному на единственном кратком видении. В семнадцатой Омилии Петр говорит Симону (т. е. Павлу):

Ты утверждаешь, что… знаешь учение Иисуса лучше меня потому, что в видении слышал Его слова… Но неблагонадёжен тот, кто верит видению, призраку или сну. Потому что не знает, кому он верит. Ибо то мог быть злой демон или обманчивый дух, в своих речах себя выдающий за иного.

Видениям нельзя доверять, потому что никогда не узнаешь, что ты видишь на самом деле. Так что если авторитет Павла основан исключительно на видении, то никакой это не авторитет.

Петр выдвигает следующий аргумент, на который трудно возразить.

Разве может кто быть пригоден для наставлений через видения? И если ты скажешь: «Это возможно», то я спрошу: «Зачем же наш Учитель старался и целый год наставлял тех, кто бодрствовал?» И как нам верить твоему слову, когда ты говоришь нам, что Он тебе явился? И как же Он явился тебе, когда ты поддерживаешь мнения, противные Его учению? Но если ты был принят и научен Им, и в одночасье стал Его апостолом, то провозглашай Его пророчества, толкуй Его слова, люби Его апостолов, борись не со мной, бывшим Его спутником. Ибо восстав на меня, на твёрдый камень, основание Церкви ты восстал.

Павел мог иметь краткое видение Иисуса. Но Петр-то был с ним месяцами, целый год! Не в сонных видениях, а наяву внимая каждому его слову. И сам Иисус назвал не Павла, а

Петра тем «камнем», на котором будет основана церковь. Павел позже сам вмешался в ту среду, где его никто не ждал, и весь его авторитет покоился на зыбком основании. Нужно следовать учению Петра, а вовсе не Павла.

Мы, вероятно, никогда не узнаем, было или не было это взглядом исторического Петра. Но именно как принадлежащий Петру он излагается в подложном сочинении, известном как Псевдо-Клементины.

Послание Иакова

И в самом Новом Завете можно найти книгу, которая явно направлена против учений Павла, или, по крайней мере, против ошибочного истолкования его учений. Это послание, в котором говорится, что оно написано неким Иаковом. В Древней церкви было принято считать, что этот Иаков был брат Иисуса.

История Древней церкви знает Иакова как твердого приверженца иудейских корней и наследия, даже в качестве последователя Иисуса [155]. Согласно Новому Завету, он не был учеником Иисуса при его жизни (см. Ин 7:5), зато был одним из первых, кто увидел его воскресшим после смерти (1 Кор 15:7), из-за чего, предположительно, и уверовал в него. Без сомнения, в ранг церковного авторитета он был возведён именно благодаря своему родству.

Апостол Павел, лично знавший Иакова (Гал 1:19), указывает на его приверженность иудейскому закону, позволяющую думать, что тот настаивал на соблюдении закона другими последователями Иисуса из числа иудеев (2:12). Он был известен своей набожностью; один ранний источник сообщает, что Иаков молился так часто и подолгу, что колени его стали мозолистыми, как у верблюда. Наиболее достоверные источники датируют его смерть около 62 г. н. э., после тридцатилетнего главенства над церковью Иерусалима.

В первом столетии имя Иаков было весьма распространено и среди палестинских евреев, и среди христиан. В Новом Завете есть несколько Иаковов. Мф 10:3–4 указывает, что так звали двух из двенадцати учеников Иисуса. Чтобы различать их, к именам добавили отчества – «Иаков Зеведеев» (сын Зеведея) и «Иаков Алфеев» (сын Алфея). Однако когда автор послания называет себя, он не пользуется дополнительными обозначениями, подразумевая, что читатели знают, кто он такой. Это практически не оставляет сомнений, что он называет себя самым известным из всех Иаковов, т. е. братом Иисуса. Эта гипотеза подтверждается тем, что он пишет «двенадцати коленам, находящимся в рассеянии», т. е. двенадцати коленам Израиля, разбросанным по всей Римской империи. Иаков, старший из иудеохристиан, обращается к иудеохристианам в рассеянии.

Книга содержит множество наставлений этического характера, которые призывают читателей вести образ жизни, приличествующий последователям Иисуса. Они должны иметь веру и не должны сомневаться, должны переносить искушения, быть «медленны на гнев», обуздывать язык и желания, не оказывать лицеприятия, не иметь «горькой зависти» и сварливости, не искать богатства и не выказывать пристрастия к нему, и так далее. Видно, что многое из этих наставлений отображает поучения самого Иисуса, например, из Нагорной проповеди (Мф 5–7).

Но в особенности автор озабочен вопросом, который выглядит яблоком раздора среди христиан. По всей видимости, некоторые христиане считали, что для стяжания праведности пред Богом достаточно одной веры; для них делание добрых дел не имело отношения к спасению, доколе есть вера. Иаков же считает ровно наоборот, что если ты не совершаешь добрых дел, то просто не имеешь веры:

Что пользы, братия мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? может ли эта вера спасти его? Если брат или сестра наги и не имеют дневного пропитания, а кто-нибудь из вас скажет им: «идите с миром, грейтесь и питайтесь», но не даст им потребного для тела: что пользы? Так и вера, если не имеет дел, мертва сама по себе.

(2:14–17)

Далее автор доказывает, что обладание верой при отсутствии практических дел не даёт спасения и фактически бесполезно. Это прежде всего показано примером Авраама, отца иудеев, который был спасён тем, что сделал, а не только тем, во что уверовал:

Но скажет кто-нибудь: «ты имеешь веру, а я имею дела»: покажи мне веру твою без дел твоих, а я покажу тебе веру мою из дел моих. Ты веруешь, что Бог един: хорошо делаешь; и бесы веруют, и трепещут. Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва? Не делами ли оправдался Авраам, отец наш, возложив на жертвенник Исаака, сына своего? Видишь ли, что вера содействовала делам его, и делами вера достигла совершенства? И исполнилось слово Писания: «веровал Авраам Богу, и это вменилось ему в праведность, и он наречен другом Божиим». Видите ли, что человек оправдывается делами, а не верою только?

(2:18–24)

Мы видим здесь резкий выпад в сторону всех тех, кто считает веру достаточной для оправдания пред Богом. Его доказательство – пример Авраама и Писание, которое он приводит в подтверждение: «Авраам поверил Господу, и Он вменил ему это в праведность» (Быт 15:6).

Одна из причин, делающих этот отрывок примечательным, заключается в том, что он звучит почти как пародия на то, что ранее написал сам Павел в Послании к Галатам, когда пытался убедить языкохристиан, что им не нужно соблюдать иудейский закон, чтобы быть оправданными пред Богом, но что всё, что им нужно, это вера во Христа. Самое изумительное, что Павел пытается проиллюстрировать свой тезис именно на примере Авраама и на той же самой цитате из Бытия 15:6. Вот что пишет Павел:

…узнав, что человек оправдывается не делами закона, а только верою в Иисуса Христа, и мы уверовали во Христа Иисуса, чтобы оправдаться верою во Христа, а не делами закона; ибо делами закона не оправдается никакая плоть… Так Авраам поверил Богу, и это вменилось ему в праведность. Познайте же, что верующие суть сыны Авраама.

(Гал 2:16; 3:6–7)

Веками исследователи Нового Завета считали, что книга Иакова является ответом на учение из Послания к Галатам. Павел учил, что именно вера во Христа ставит людей в правильные отношения с Богом, независимо от того, делают они дела закона или нет. Иаков настаивал, что дела нужны, и что одна лишь вера оправдания не даст. Оба автора используют тот же язык («оправдание», «вера», «дела»), они ссылаются на ту же ветхозаветную фигуру – Авраама, и оба они цитируют тот же библейский стих Быт 15:6. Со времён начала Реформации вслед за Мартином Лютером определённая часть толкователей была уверена, что Иаков спорит с Павлом. И Лютер заключил, что в этом споре неправ Иаков.

Однако более поздние ученые с сомнением отнеслись к такому прочтению. В значительной степени из-за того, что хотя в послании используются те же самые выражения, Иаков явно вкладывает в них какой-то иной смысл. Когда Павел использует слово «вера», то, как мы видим из общего контекста, он подразумевает нечто относительное; вера во Христа означает веру в то, что его смерть и воскресение могут восставить человека в праведности пред Богом. Для Павла это происходит помимо «дел закона», то есть никто не обязан исполнять дела, предписанные иудейским законом, для того, чтобы верить в Христа. Никто не обязан соблюдать субботу, кашрут в еде, обрезание мужчин и так далее.

При этом Иаков подразумевает нечто иное как под «верой», так и под «делами». Для него «вера» не значит «верить кому-то». Она означает мысленное согласие с утверждением: «И бесы веруют (что Бог един), и трепещут» (2:19). Иными словами, даже бесы знают, что есть один настоящий Бог, но это не приносит им никакой пользы. Это определенно не означает, что бесы верят Богу; они лишь обладают умственным знанием о его

существовании. Вера как мысленное согласие с утверждениями христианской религии, согласно Иакову, никого не спасёт. Но разве Павел возразил бы на это? Вряд ли.

Ещё более примечательно, что когда Иаков говорит о «делах», он не ссылается на действия, диктуемые иудейским законом: суббота, кашрут и т. д. Он определённо говорит о добрых деяниях: накормить голодного, одеть нагого (он даёт два этих примера) и т. д. Для Иакова мысленное согласие с христианством, которое не выражается в образе жизни, бесполезно. Оно не спасает душу.

И хотя может показаться, будто книга Иакова противоречит Павлу, на деле это не так. Как же с этим быть? Несложно заглянуть в историю событий. В третьей главе мы говорили о позднейших писателях, которые подобно автору Послания к Ефесянам назывались Павлом, но при этом трансформировали его учение о том, что «дела закона» (т. е. его соблюдение) не приносят спасения, в учение о «добрых делах», которые не спасают (см. Еф 2:8–9; см. также Тит 3:5). Для автора вроде псевдонимного сочинителя Послания к Ефесянам делание добрых дел не оправдывает человека пред Богом. Получается, Иаков реагирует на сказанное не Павлом, а позднейшими христианами, не понявшими Павла.

Эти христиане-паулинисты придали аргументам Павла об оправдании верой, а не делами, такой смысл, будто неважно, что ты делаешь или как живёшь. Важно лишь то, во что ты веришь. Учение Павла о «делах закона» было использовано в качестве основы для учения о «добрых делах». А учение Павла о «вере во Христа», как доверии Христу и надежде на него, преобразовалось в учение о том, «во что верить». То есть для этих христиан был важен предмет вашей веры, а не ваша жизнь. Они считали, что это учение исходит от Павла, и они тоже обращались к примеру Авраама, отца всех верующих, и цитировали Быт 15:6, где говорилось об оправдании Авраама его верой, а не делами. Иаков реагировал отрицательно, утверждая противоположное: ваша вера не может быть истинной, если она не отражена в вашем образе жизни. «Вера без дел мертва».

То есть это был ещё один спор о воззрениях Павла, которые подвергались перетолкованию в его церквах после его жизни. Иаков не называет Павла прямо, но совершенно ясно, что он имеет в виду именно его учение, или, по крайней мере, то учение, которое в то время принималось за Павлово. Но был ли это настоящий Иаков или кто-то назвался его именем?

Есть веские основания думать, что послание не было написано братом Иисуса, но что оно было подделано от его имени. Во-первых, то учение, которому оно противостало, могло возникнуть лишь после появления сочинений Павла. Иными словами, это учение является позднейшим развитием паулинистских идей в позднейшем паулинистском сообществе. Оно действительно весьма похоже на учение, обретаемое в Послании к Ефесянам, написанном от имени Павла после его смерти. Но оно идёт ещё дальше него, потому что автор Еф нигде не говорит, что неважно, как вы живёте, лишь бы была вера. Совсем наоборот! (См. Еф 2:10.) Кто бы ни написал книгу Иакова, он имел дело с более поздней ситуацией в среде паулинистских церквей. Но поскольку исторический Иаков, видимо, был умучен в 62 г. н. э., за пару десятилетий до появления Послания к Ефесянам, книга с его именем никак не могла быть написана им.

Более того, об Иакове Иерусалимском лучше всего нам известно то, что он был поборником соблюдения требований иудейского закона последователями Иисуса из числа иудеев. Но это поборничество никак не отображено в его послании. Автор, называющий себя Иаковом, озабочен деланием «добрых дел», и ему нет дела до соблюдения кашрута, субботы и иудейских праздников или обрезания. У него разные интересы с Иаковом Иерусалимским.

Ну а главный довод, конечно, тот же, что и в случае Петра и Иуды. Этот автор написал очень живой и красноречивый текст на греческом. Он близко знаком с греческим вариантом Ветхого Завета. А исторический Иаков, будучи галилейским селянином, говорящим на

арамейском языке, вероятнее всего, даже читать не умел. А если он и учился чтению, то только чтению на еврейском. Если же он когда-то и учил греческий, то лишь как второй разговорный язык, в этом нет сомнений. В школу он ходить не мог. Никаких возможностей достичь искусности в греческом языке у него не было. Он никогда не учился писать даже на родном языке, не говоря уже о втором. Никогда не изучал греческий Ветхий Завет. Никогда не учился сочинительству на греческом. Никогда не совершенствовался в греческой риторике.

Эта книга не была написана неграмотным евреем, чьим языком был арамейский. Кто бы ни написал её, он назвался Иаковом, потому что это лучшим образом помогало ему в достижении цели: подчеркнуть мысль, что последователи Иисуса должны являть свою веру своей жизнью, совершая добрые дела, поскольку без дел вера мертва.

Подлоги в поддержку Павла

Точно так же, как были фальсификаторы, делавшие акцент на разногласиях Павла с Петром и Иаковом, и утверждавшие, соответственно, что Павел толковал христианскую идею неверно, были и такие, кто принял сторону Павла и хотел доказать, что он пребывал в полной гармонии с учениями Петра и Иакова и что все трое, таким образом, были на стороне истины. Это одна из основных идей, содержащихся в уже рассмотренных нами Первом и Втором Посланиях Петра. То же касается и другой книги, которую учёные, как правило, неохотно называют подлогом, хотя, по сути, она им является – это новозаветная книга Деяний.

Первое послание Петра

Во второй главе этой книги мы видели много оснований считать, что 1 Пет не было написано Петром. Однако для такого мнения есть и дополнительные причины, две из которых имеют отношение к моему тезису, что послание было написано с целью представить Петра и Павла полными единомышленниками. Первая причина имеет отношение к читательской аудитории послания. О миссионерской деятельности исторического Петра мы знаем одно – он пошёл к иудеям, чтобы попытаться обратить их в Христову веру. Когда Павел встретился с «иерусалимскими апостолами» (Петром, Иаковом и Иоанном), они согласно решили, что как Петр исполнял миссию среди иудеев, так и на Павла следует возложить миссию среди язычников (Гал 2:6–9). Поэтому в Первом Послании Петра удивляет то, что оно адресовано язычникам, а не иудеям (2:10; 4:3–4), хотя это зона ответственности Павла, а не Петра. Более того, и географическое положение читателей относится к зоне Павла. Послание адресовано христианам, жившим в пяти областях Малой Азии, то есть там, где церкви основаны Павлом. Исторического Петра с этими местами ничто не связывает.

Эти особенности послания выглядят менее странно, если рассмотреть их в контексте тех целей, которые оно преследует. Оно не просто преподаёт утешение тем, кто страдает за свою веру; оно пытается заставить Петра звучать как Павла, миссионера среди язычников Малой Азии. Для чего это делается? Разумеется, всё для того же: существовали христиане, в том числе в Малой Азии, которые знали о неладах между Петром и Павлом, и связанной с этим их различной трактовкой Евангелия. Но автор 1 Пет был не таков. Он написал послание от имени Петра, которое чрезвычайно похоже на послание Павла.

В своём послании псевдонимный автор упоминает двух человек – Силуана и Марка (5:12–13), которые нам также известны как спутники Павла (см., напр., 1 Фес 1:1; Фил 24). Писание используется весьма схоже с тем, как им пользуется Павел. Например, Ос 1:6; 1:9-10 цитируется в 2:10 для того, чтобы доказать, что язычники теперь – народ Божий. Павел использует ту же ссылку в Рим 9:25. Нравственная проповедь в послании также звучит по-паулинистски. Например, христиане должны быть «покорны властям» так же, как и в Рим 13:1–7. И самое важное, что поддерживаемое в послании богословие тоже является паулинистским. Это видно в отдельных примерах, приведённых ниже, число которых можно

многократно умножить: спасение достигается верой (1:9), конец близок (4:7), грехи искуплены Христовой смертью (2:24; 3:18). Звучит это так, как мог бы сказать любой христианин. Но если обратить внимание на оригинальные формулировки интересующих нас отрывков, то будет трудно избавиться от ощущения, что это слова именно Павла: «Он грехи наши Сам вознес телом Своим на древо, дабы мы, избавившись от грехов, жили для правды» (2:24), «потому что и Христос, чтобы привести нас к Богу, однажды пострадал за грехи наши, праведник за неправедных» (3:18).

Встречная аргументация, говорящая о существующих в послании отличиях от Павла, не выглядит убедительной. То же самое можно сказать и обо всех бесспорных посланиях Павла: каждое из них имеет индивидуальные отличия. Но это послание, подделанное от имени Петра, выходит за рамки своего мнимого авторства, чтобы охватить взгляды, характерные для Павла. Здесь мы имеем дело с фальсификатором, желающим всех убедить, что два великих апостола церкви совершенно одинаково понимали Евангелие, хотя другие христиане и говорили о противоречиях между ними.

Второе Послание Петра

Нечто похожее можно сказать и о Втором Послании. В данном случае в своих попытках доказать, что он является Петром, автор идёт ещё дальше, поскольку не просто называется «Симоном Петром» (1:1), но делает акцент на том, что лично присутствовал на горе при преображении Иисуса: «быв очевидцами Его величия… будучи с Ним на святой горе» (1:16–19). Это действительно Петр! И ему действительно нравится Павел! На самом деле даже больше, чем просто нравится: он считает его послания частью Священного Писания.

Как мы уже видели, в 2 Пет подчёркивается, что хотя и прошло много времени с тех пор, как Иисусом было предсказано, что конец всему настанет «скоро», на самом деле всё идёт по плану. «Скоро» по божественному календарю не то же самое, что «скоро» по нашему, поскольку «у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день» (3:8). На самом деле Бог отложил наступление конца, чтобы дать время спастись большему количеству людей: «долготерпение Господа нашего почитайте спасением». Автор говорит, что тому же учит и «возлюбленный брат наш Павел», который «по данной ему премудрости, написал вам, как он говорит об этом и во всех посланиях, в которых есть нечто неудобовразумительное, что невежды и неутвержденные, к собственной своей погибели, превращают, как и прочие Писания» (3:15–16).

Здесь есть несколько важных моментов. Павел – «возлюбленный брат» Петра. Оба они согласны по всем важным вопросам. Другие христиане ложно трактуют («превращают») послания Павла. Они поступают так же и с «прочими» Писаниями. Вдобавок ко всему это означает, что Петр считает послания Павла Священным Писанием. То есть, по мнению этого автора, если кто-то трактует послания Павла в том смысле, что тот в чём-то не согласен с Петром, то он просто извращает их смысл. В посланиях Павла сообщается истина, и Петр согласен с ними.

Если не принимать во внимание, конечно, что подписавшийся именем Петра не является им на самом деле. Одна из главных целей псевдонимного автора совершенно ясна: он очень хочет, чтобы его читатели думали, будто между взглядами апостола иудеев и апостола язычников нет различий.

Деяния Апостолов

Деяния Апостолов являются самым ранним из сохранившихся повествований о распространении христианства в первые годы после смерти Иисуса. Это исторический очерк, в котором предпринимается попытка объяснить, каким образом христианство, получив своё начало в Иерусалиме, двинулось через Иудею в Самарию, а затем распространилось по остальным частям Римской империи, пока не достигло самого Рима. Но Деяния рассказывают не только о географическом распространении религии, но и о том, что можно назвать

«этническим» распространением. Автор уделяет особое внимание тому, как иудейская религия Иисуса и его последователей начинает усваиваться язычниками, а не иудеями. Учитывая интерес автора к теме обращения язычников в новую веру, неудивительно, что главным героем истории становится Павел, известный в Древней церкви как апостол преимущественно среди язычников.

Однако в этом рассказе Павел начинает не как последователь Иисуса. Совсем наоборот. По мере того как зародившаяся христианская церковь растёт благодаря проповеди таких апостолов, как Петр, который является главным персонажем первых двенадцати глав книги, ей приходится сталкиваться с ненавистью иудеев, которые её не принимают и считают новооснованную религию богохульной и опасной. Главным гонителем новой веры выступает Савл из Тарса, высокорелигиозный иудей, наделённый властью преследовать и заключать в темницу всякого, кто исповедует веру во Христа.

Но затем случился один из величайших поворотов истории церкви, или даже всеобщей истории, как думают некоторые, и великий гонитель веры стал её великим проповедником. Когда, преследуя христиан, Павел отправился в Дамаск, у него было видение воскресшего Иисуса, заставившее его поверить в истинность гонимой им религии (Деян 9). После встречи с теми, кто стал апостолами ещё прежде него – Петром и остальными, Павел посвящает себя насаждению новой веры с той же ревностностью, с какой прежде преследовал её. Он предпринимает путешествия по средиземноморским областям – Малой Азии, Македонии и Ахаии (современные Турция и Греция), посещая самые густонаселённые районы, проповедуя Евангелие, обращая преимущественно язычников и основывая церкви.

При этом ещё в самом начале его миссионерской деятельности среди глав церковных общин возникает повод для разногласий. Разве не должны обращаться в иудаизм уверовавшие в Иисуса язычники, коль скоро они стали последователями иудейского мессии? Разве они не должны обрезываться и соблюдать иудейский закон? Одни христианские старейшины давали положительный ответ, другие – отрицательный. Сам Петр в этом изложении определённо считает, что не должны. В немалой степени это обусловлено видением, случившимся ещё до миссионерских поездок Павла, в котором Бог открыл лично Петру, что язычников должно принимать в веру без обращения в иудейство (Деян 10–11). И сам Петр первым принимает язычника.

И вот, когда в середине повествования происходит созыв церковного собора для решения этого вопроса (Деян 15), находятся люди, не названные конкретно, которые выступают за то, чтобы новообращённые из язычников соблюдали закон. Но главные члены собора – не только Павел, но и Петр, и глава иерусалимской церкви Иаков – имеют совершенно другое мнение и буквально в один голос настаивают, что поскольку спасение Христово достигло и язычников, то, чтобы быть спасенными, им нет нужды принимать иудейский закон.

Уполномоченный этим согласным решением, Павел продолжает миссионерствовать и основывать новые церкви, пока у него не начинаются проблемы с иудейскими властями по возвращении в Иерусалим. Последняя треть книги Деяний в основном посвящена злоключениям Павла в темницах и судах, где он отстаивает свою невиновность перед иудейским законом. Он говорит, что всегда поддерживал закон в своей проповеди Иисуса как воскресшего из мертвых иудейского мессии (хотя при этом и продолжает думать, что обращённым язычникам закон не требуется). В конце концов Павел как римский гражданин требует, чтобы его дело рассмотрел сам император Рима. Книга заканчивается тем, что Павел прибывает в Рим, заключается под домашний арест и в ожидании суда проповедует всем, кто готов его слушать.

Как понятно из этого краткого изложения, одной из главных тем Деяний является полное согласие Петра, героя первой трети книги, и Павла, героя остальной части, во всех отношениях. Они согласны в практическом вопросе, следует ли язычникам соблюдать

иудейский закон; они согласны в необходимости миссии среди язычников, и оба обращают их; они согласны по каждому богословскому вопросу. В этом смысле книга Деяний очень точно соответствует двум другим книгам Нового Завета, о которых мы уже говорили, – 1 и 2 Пет, но противоречит другим источникам, не относящимся к Новому Завету, таким, как Неканоническое послание Петра и Омилии из Псевдо-Клементин. Можно добавить, что она противоречит и тому, что сам Павел говорит в Послании Галатам, в котором заметно не совсем дружественное отношение к Петру.

Оказывается, есть ещё много отличий между тем, что говорит о Павле книга Деяний, и тем, что Павел сам говорит о себе в своих посланиях. Я не буду здесь вдаваться во все «жуткие» подробности, поскольку их полное обсуждение легко найти в других местах [156]. И всё же я бы заметил здесь, что хотя Деяния и показывают со всей определенностью, будто к Петру раньше, чем к Павлу, пришло осознание правомерности совместных трапез с языко-христианами, не соблюдающими кашрут, однако именно Петр перестаёт делить с ними стол, когда в городе появляются «братья» из иудеев, как это показано во второй главе Послания к Галатам. Можно возразить, что Павел был прав, а Петр просто лицемерил. Но в Галатах ничто не указывает, что Петр сам считал совместные трапезы правомерными или что он был согласен с пониманием Павла. Исторический Петр мог подумать, что нельзя есть вместе с язычниками при иудеях. Если это так, то образ мыслей исторического Петра был иным, чем у Петра из книги Деяний.

Есть и другие различия между Деяниями и Галатами, которые согласовать ещё сложнее. Здесь я упомяну только о двух. В Галатах Павел пытается убедить своих языческих читателей, что с их стороны было бы огромной ошибкой обрезываться и следовать иудейскому закону. Он стремится обосновать своё понимание вопроса тем, что оно было получено им непосредственно от Бога, в видении Христа, обратившего Павла в своего последователя. Он категорически и однозначно не получал его от предшествовавших апостолов – Петра, Иакова и прочих. Он особо подчёркивает, что после бывшего у него видения Христа он даже не пошёл в Иерусалим, чтобы пообщаться с апостолами. Павел направился в другую сторону – в Аравию, потом обратно в Дамаск и ещё три года не появлялся в Иерусалиме (Гал 1:15–19). Это делает весьма интересной историю его обращения в книге Деяний. В ней говорится, что Павел был ослеплён видением Иисуса по дороге в Дамаск и что потом он приходит в город, где к нему возвращается зрение. И что же он делает после этого в первую очередь? Он прямиком направляется в Иерусалим, чтобы увидеть апостолов (Деян 9:1-26). Так чему верить? Павел сторонился Иерусалима, как говорит он сам, или отправился в него сразу, как говорят Деяния?

И потом, с кем он там виделся? Сам Павел говорит, что за свой пятнадцатидневный визит он повидал только двух человек – Петра и Иакова, брата Иисуса (Гал 1:18–19). Это утверждение Павла столь категорично, что даже подтверждается клятвой: «А в том, что пишу вам, пред Богом, не лгу» (Гал 1:20). Непонятно, почему он так настойчиво выделяет этот момент. Не потому ли, что не хочет, чтобы его понимание вопроса воспринималось кем-то, как полученное от подлинных апостолов Иисуса, большинство которых он никогда не видел? В любом случае мы ясно видим разницу между Галатами и Деяниями. Согласно последним, когда Павел приходит после своего обращения в Иерусалим, то встречается с апостолами и проводит среди них какое-то время. Не только с Петром и Иаковом, но, по всей видимости, со всеми ними (Деян 9:26–30).

Можно найти множество других отличий между тем, что говорят о Павле Деяния, и тем, что говорит он о себе сам, особенно если обратиться и к остальным посланиям Павла, а не только к Галатам. Одна из причин, почему эти отличия важны, заключается в том, что Павел сам дистанцируется от апостолов, заявляя о своём понимании Евангелия как полученном непосредственно от Бога, а не от прежних апостолов. А книга Деяний, с другой стороны, настаивает, что прежде вынесения своего благовестия на миссионерское поле Павел

совещался с остальными апостолами. Кроме того, насколько можно понять Павла, другие апостолы не сказали ему ничего, что не было бы уже открыто Павлу самим Христом. Если другие, даже Петр с Иаковом, в чем-то не соглашались с Павлом, то они не соглашались не с ним, а с самим Богом, открывшим себя Павлу через Христа. А согласно Деяниям никаких разногласий между Павлом и остальными вообще быть не могло. Бог сообщил истину Евангелия всем им в равной степени, и все они проповедовали его в согласии друг с другом. У них одно и то же послание, одинаковое богословие и те же самые практические выводы: все они словно с одной и той же страницы, от первой до последней строки.

Другая причина, делающая важными различия между Павлом и Деяниями, заключается в том, что авторство последних приписывается человеку, бывшему спутником Павла. Но в свете многочисленных расхождений между посланиями Павла и книгой Деяний это выглядит крайне сомнительным. Автор Деяний ни разу не называет себя, что делает его работу анонимной. Но начиная со времени приблизительно через столетие после написания Деяний, церковная традиция приписывает их авторство человеку по имени Лука. А почему Лука?

Объяснение не совсем простое, но выглядит как-то так. Первое, что необходимо отметить, это общее авторство Евангелия от Луки и Деяний Апостолов (при том, что оба произведения анонимны). Это видно по схожести изложенных богословских взглядов, общего лексикона и стилистики, а также такого ясного показателя, как начальные строки обеих книг, посвящённые некоему Феофилу. Вторая книга действительно говорит, что она является второй из двух книг, написанных для этого человека. Таким образом, практически нет сомнений, что автор Деяний является и автором Евангелия от Луки. Деяния – это второй том двухтомной работы.

Но почему считается, что она написана человеком по имени Лука? Хотя Евангелие ни слова не говорит о своём авторстве, несколько нарочитых намёков содержит книга Деяний. В четырёх местах книги Деяний автор перестаёт говорить в третьем лице о том, что делали «они» (Павел и его спутники), и начинает говорить о том, что делали «мы» (16:10–17; 20:5-16; 21:1-18; 27:1-28:16). То есть он явно подразумевает, что сам был спутником Павла во время его миссионерских путешествий. Но при этом не сообщает, кто он такой [157].

Однако читатели столетиями думали, что его личность установима. Автор был человеком, особенно заинтересованным в миссии Древней церкви среди язычников и лично приложившим немало усилий для убеждения язычников, что им не нужно становиться иудеями, чтобы стать христианами. Напрашивается вывод, что этот человек сам происходил из язычников. Теперь круг поисков немного сузился: автор, вероятно, язычник и спутник Павла. Известен ли нам кто-то, подходящий под описание?

Из Послания к Колоссянам мы знаем о трех спутниках Павла из числа язычников: Епафрасе, Димасе и Луке, «возлюбленном враче» (Кол 4:12–14). Из этих трёх Димас вряд ли мог быть автором, потому что в другом месте мы узнаём, что он «оставил» Павла (2 Тим 4:10). Епафрас, видимо, основал церковь в Колоссах (Кол 1:5–7), а эта церковь ни разу не упоминается в Деяниях. Это было бы странно, будь автором её основатель. Остаётся только один кандидат – языческий врач Лука. Таково происхождение древнего предположения, что Деяния были написаны Лукой, спутником Павла в его путешествиях. Это предположение можно найти уже у Иринея – отца церкви конца второго века. Ириней писал приблизительно через сто лет после того, как на свет появилась книга Деяний. Но для нас он является первым христианским автором, от которого сохранилась обширная справка о Деяниях, где на основании тех самых отрывков, написанных от первого лица, он сообщает, что «Лука был неразлучным спутником Павла и сотрудником его в благовествовании, он сам это объявляет» [158].

Несмотря на древность традиции, проблема идентификации Луки в качестве автора книги сохраняется. Во-первых, сама мысль, что Лука был спутником Павла из числа язычников, исходит из Колоссян – послания, явно написанного за Павла уже после его

смерти. Для верности, есть ещё Лука, упомянутый в подлинном послании Павла Филимону (ст.24), но там ничего не говорится о его языческом происхождении. Он просто упомянут в числе других пяти человек. А гораздо большая проблема заключается в многочисленных противоречиях между тем, что говорят о Павле Деяния, и тем, что говорит он о себе сам.

Я упомянул лишь о трёх таких противоречиях. Но есть много других [159]. Они касаются почти каждого вопроса, связанного с историческим Павлом. Богословие и проповедь Павла различаются в Деяниях и Посланиях; остальные различия обнаруживаются в отношении Павла к язычникам и иудейскому закону, в миссионерской стратегии, в маршрутах путешествий. И противоречия обнаруживаются практически везде, где можно сравнить сказанное о Павле в Деяниях со сказанным им самим в его подлинных посланиях. Невозможно не заключить, что Деяния, скорее всего, не были написаны никем из спутников Павла.

Но зачем автору нужно было говорить от первого лица в четырёх случаях? Это должно быть понятно любому, кто читал книгу. Автор заявляет о себе. Он не называет себя. Он просто заявляет о себе как о спутнике Павла, то есть о человеке, очень хорошо подходящем для того, чтобы представить «подлинную» историю о взглядах и миссии Павла. С одной стороны, он писал давно после того, как Павел и его спутники умерли. Учёные обычно датируют Деяния приблизительно 85-м годом н. э., то есть более двух десятилетий после смерти Павла. С другой стороны, автор выглядит слишком плохо осведомлённым о богословии и миссионерской деятельности Павла, чтобы быть человеком с информацией из первых уст. Если автор заявляет о себе как о ком-то, кем он не является, то как называется написанное им творение? Книга с ложными претензиями на авторство называется подлогом. Очевидно, что авторские претензии здесь не столь нахальны, например, как в 1 Тим и 3 Кор, где авторы прямо называют себя Павлом. Но претензии Деяний всё равно отчётливо видны: автор показывает, что он был участником и непосредственным свидетелем миссии Павла, хотя на самом деле это не так.

Можно возразить, что если бы автор желал убедить читателей в своей близости к Павлу, ему пришлось бы сообщить о себе больше, то есть он бы обязательно назвался или более настойчиво обозначил себя в качестве спутника Павла. Возражение такого рода, предполагающее, что автор «сделал бы», никогда не бывает убедительным. Это вообще довольно забавно, когда современный читатель говорит древнему автору, что тому следовало бы сделать для пущей убедительности. С какой стати автору Деяний делать что-то отличное от того, что он сделал? Как бы он смог обмануть читателей более успешно? Он добился впечатляющего результата тем, что уже сделал. На протяжении восемнадцати столетий читатели безо всяких сомнений считали автором Луку, соратника Павла. Вставив в свою историю лишь считаное число местоимений первого лица, автор преуспел в создании подлога, который по сей день продолжает вводить читателей в заблуждение.

В любом случае, повод для подлога или, по крайней мере, один из поводов, вполне ясен. Автор хочет, чтобы его считали соратником Павла и, соответственно, обладателем прямых сведений о его миссии. Согласно его истории, по каждому вопросу, имеющему богословское или практическое значение, Павел пребывал в согласии с прочими апостолами, особенно Петром и Иаковом. С самого своего начала церковь находилась в прочной и полной гармонии. Вопреки заявлениям других авторов у Петра не было расхождений с Павлом. Оба апостола согласно утверждали, что спасение достигло язычников, которым не нужно было становиться иудеями, чтобы стать христианами.

Гностические и антигностические подлоги

Раннехристианский гностицизм

В наиболее резкие и напряжённые конфликты второго и третьего столетий были вовлечены христианские группы, которые учёные называют «гностическими». Гностическое

христианство представляло собой чрезвычайно сложное явление, но для наших целей здесь будет достаточно его краткого обзора [160].

Как я уже говорил в третьей главе, термин «гностицизм» происходит от греческого слова γνῶσις, которое означает «знание». У целого ряда раннехристианских групп считалось, что спасение приходит не через веру в смерть и воскресение Иисуса, а через приобретение тайного знания, гносиса, которому учил Христос. Фактически это знание заключалось в самопознании, в знании, кем ты был на самом деле глубоко внутри, откуда ты пришёл, как сюда попал и как сможешь вернуться. Гностики полагали, что некоторые из нас не просто человеческие существа из плоти и крови. В нас есть искра божественного, зародившаяся в небесном царстве, но падшая в материальный мир и оказавшаяся в ловушке наших смертных тел. Целью гностических религий было овладение тайным знанием, необходимым для освобождения этого божественного элемента, чтобы он смог вернуться в свою небесную обитель. В христианских формах гностицизма (ведь были ещё и нехристианские) представлялось, что Христос сошел с небес, чтобы сообщить нам это тайное знание.

Существовало большое количество гностических групп с массой невероятных учений и верований. Многие из этих групп описывали падение божественной искры при помощи замысловатых и туманных мифов, призванных объяснить происхождение как этого материального мира, так и горнего Божественного царства. Хотя мифы различных групп порой значительно отличались друг от друга, многие из них имели схожие черты.

Во многих из этих мифов тем, из чего всё произошло, выступало божественное существо, представлявшее собою чистый дух, в котором не было ничего материального. Это божественное существо произвело другие божества, являвшиеся выражением его различных качеств: молчания, разума, истины, слова, жизни и т. д. Некоторые из этих существ произвели другие божественные существа, пока не возникло населённое ими божественное царство. Но одно из этих существ (в некоторых текстах это София – греческое слово «премудрость»), отпало от божественного царства и произвело другие существа, уже не вполне божественные, поскольку они пришли в бытие вне божественного царства. Одно из этих существ невежественно вообразило себя высшим божеством, с помощью других захватило свою мать и создало материальный мир, чтобы в нём заключить её внутри человеческих тел. Этот невежественный создатель и есть Бог Ветхого Завета, Бог иудеев.

Так что материальный мир, в котором мы живём, отнюдь не благое место, это место заключения. Бог иудеев отнюдь не высшее, а подчинённое, невежественное и, возможно, даже злое божество. Цель спасения не в том, чтобы вступить в правильные отношения с Богом-создателем, а в том, чтобы вырваться из его тисков. Спасение приходит не тогда, когда падшее создание возвращается в прежнее положение (возвращение в Эдем); оно приходит, когда удаётся сбежать из этого материального мира. Конец мира не принесёт спасения плоти, но принесёт освобождение от неё. Это спасение наступает, когда божественные искры, пойманные в наши тела, как в ловушки, овладеют тайнами своего происхождения и узнают, как им можно сбежать.

Поскольку в христианских гностических представлениях именно Христос пришёл из божественного царства, чтобы дать это тайное знание, то он никак не мог быть частью материального мира. Он был бесплотным существом. Так что мы видим две формы докетических воззрений, упомянутых во второй главе. Одни гностики считали, что Иисус только представлялся в человеческом обличье (как считал и Маркион, который гностиком не был). Другие полагали, что божественный Христос вошёл в человека Иисуса в момент крещения, а затем покинул его перед смертью, потому что для самого Христа страдание было невозможно. Согласно обоим представлениям о Христе, он не был настоящим страдающим и умирающим человеком из плоти и крови, который вернулся в плоть по своём воскресении. Как и прочие искры божественного, он покинул плоть и обладающий ею материальный мир, чтобы вернуться в небесную обитель.

Гностики, исповедовавшие подобные взгляды, порицали материальный мир и создавшего его Бога. Неудивительно, что христиане видели в них серьёзную опасность, поскольку сами они верили, что есть один Бог, а не целое царство божеств, что Бог сотворил этот мир и что Бог никому не подчинён, что он благ, а не зол, что он создал плоть человеческую и потом воскресит эту плоть, что спасение достигается в телесной оболочке, а не вне её. Кроме того, противоставшие гностикам христиане утверждали, что сам Христос был человеком из плоти и крови и что его страдания и смерть принесли спасение, что его воскресение было во плоти, в которой он живёт сейчас и будет жить вечно.

Эти альтернативные антигностические воззрения поддерживались такими известными писателями второго столетия, как Ириней Лионский и Тертуллиан. Их произведения были широко известны и читаемы на протяжении многих веков. Гностики же проиграли спор, и с ними было покончено, а их литература оказалась в основном уничтожена. Писания гностиков были вновь открыты лишь в наше время, по большей части благодаря совершенно случайной, но выдающейся находке целой библиотеки гностических текстов в 1945 году близ египетского селения Наг-Хаммади [161].

Эта так называемая «библиотека Наг-Хаммади» содержит 46 различных документов, некоторые из которых дублируются. Одни из них подробно описывают мифологические представления разных гностических групп, другие представляют собой мистические размышления о природе реальности и месте, отведённом в ней человеку, третьи передают тайные откровения, данные Иисусом своим ученикам после его «воскресения», прочие являются сборниками земных поучений Иисуса. Некоторые из этих текстов были написаны от имени апостолов. Иными словами, это гностические подлоги.

Гностические подлоги

О существовании гностических подлогов было известно задолго до обретения хотя бы одного из них. Например, в четвёртом веке известный искоренитель ересей Епифаний Кипрский упоминает в своей книге, направленной против восьмидесяти еретических групп, об одной такой особенно нечестивой группе, которую он называет фибионитами. Подвергая их острой критике, он сообщает об использовании ими целого ряда псевдонимных произведений, включающих Евангелие Евы, Малые Вопросы Марии (Магдалины), Большие вопросы Марии, Книгу Сифа, Откровение Адама, Родословие Марии и Евангелие от Филиппа [162]. Хотя Евангелие от Филиппа было обнаружено в Наг-Хаммади, невозможно точно установить, является ли эта книга той же самой, на которую ссылается Епифаний. Есть у нас и текст Родословия Марии, однако в нём нет ничего гностического, так что это тоже может быть другая книга. Остальные названные книги не сохранились [163].

Зато сохранилось много других гностических подлогов. Среди текстов Наг-Хаммади, в которых излагаются взгляды гностиков от имени апостолов, есть Апокриф Иоанна (сына Зеведея), подробно пересказывающий один из гностических мифов, и Апокалипсис Павла, от первого лица описывающий мистическое восхождение апостола на небо. Есть там и два Апокалипсиса Иакова, и вышеупомянутое Евангелие от Филиппа. Самый известный из этих текстов – Евангелие от Фомы, собрание ста четырнадцати изречений Иисуса, якобы записанных Дидимом Иудой Фомой, которого в некоторых областях Древней церкви считали братом-близнецом Иисуса [164].

Не касаясь всех гностических подлогов, остановимся здесь только на двух, наиболее интересных потому, что они не только отображают учение гностиков, но и направлены против учения, ставшего ортодоксальным. Последнее, отстаивавшееся Иринеем, Тертуллианом и Епифанием, было в конце концов признано «истинным» и одержало верх над «лжеименным гносисом».

Коптский Апокалипсис Петра

Об одном Апокалипсисе Петра мы уже говорили во второй главе. В Наг-Хаммади был открыт другой Апокалипсис – тайное откровение, данное Симону Петру [165]. Тот, что мы уже рассматривали, чётко выделяет телесную природу вечного бытия, в котором люди оказываются физически вознаграждены блаженством или наказаны мучениями по итогам нынешней временной жизни. Коптский Апокалипсис Петра отражает совершенно противоположный взгляд, согласно которому абсолютно не понял и извратил истину тот, кто верит в важность плоти, идёт ли речь о плоти Христа или телесной жизни человека.

Эта книга также написана от первого лица, якобы Христовым апостолом Петром. Она начинается беседой Христа и Петра о дне смерти Иисуса, после чего переходит к тому, что «на самом деле» произошло при распятии. Это одно из самых замысловатых описаний смерти Христа, какое только можно встретить. В начальном диалоге Христос особо подчёркивает необходимость истинного «знания» для спасения и словами «они слепы и нет у них поводыря» (72.12–13) порицает христиан, не обладающих этим знанием. Негностические возглавители христианской церкви слепы и глухи (73.13–14): прославляя Христа, они лишь злословят его. Они «привержены имени мертвеца», то есть думают, что для спасения важен распятый Иисус. Но как же они заблуждаются! «Они не понимают» (76.28–35). Эти «епископы и дьяконы» – лишь «каналы безводные», не имеющие животворной влаги.

После Христовой отповеди тем, кто видит ценность в материальном бытии и думает, будто его смерть приносит спасение, начинается повествование о распятии. Прямо во время беседы с Христом Петр видит Иисуса схваченным и распятым его врагами у подножия холма, на котором они стоят. Но у креста ему представляется другой Христос, «радостный и улыбающийся». В замешательстве Петр спрашивает о своём видении у стоящего рядом Христа. Тот объясняет, что стоящий у креста «есть живой Иисус», а распятый на кресте – его «отражение», то есть лишь подобие настоящего Иисуса, который не может быть распят, ибо бестелесен. Распинаемое тело является «домом бесов и сосудом, в котором они обитают и который принадлежит Элохиму» (имя ветхозаветного Бога). Стоящий же у креста смеётся над невежеством распинающих его, потому что они слепы и думают, будто могут убить Христа. Но они не могут убить его. Он – дух, не могущий страдать.

То есть мы видим здесь гностическое определение мира и места Христа в нём. Не смерть Христа имеет значение. Спасение приходит посредством его истинного учения, которое ставит материальный мир и человеческую плоть ни во что. Его плоть ничего не значила, как и плоть его последователей. Это учение дано через непререкаемый авторитет, оно представлено самим Петром и исходит из его собственных уст, или, по крайней мере, из подлога, написанного от его имени.

Книга Фомы Атлета

Ещё более прямому нападению подвергается плоть в другом гностическом тексте, также найденном в Наг-Хаммади и известном как Книга Фомы Атлета [166]. Эта книга тоже псевдоэпиграфична и представляет собой откровение Фомы, брата-близнеца Иисуса, записанное Матфеем. Обычно исследователи считают его евангелистом Матфеем, автором первого из Евангелий.

В этой книге Иисус даёт откровение непосредственно перед своим вознесением на небо. Цель откровения – подчеркнуть важность самопознания: «…тот, кто себя не познал, не познал ничего. Но тот, кто познал себя самого, уже получил знание о глубине всего» (138.16–18). Познание себя означает знание того, что настоящий ты – это не «ты» твоего тела. Это дух, который отделён от плоти.

Христос указывает, что человеческое тело таково же, каково и у всех животных, поскольку возникает в результате соития. Кроме того, оно живёт благодаря поеданию других созданий и подвержено изменению. Но всё, что меняется, в конце концов исчезает и прекращает своё существование. Так же и с людьми: «сосуд плоти пропадёт» (141.6–7).

Надеющиеся на спасение во плоти достойны сожаления: «Горе вам, уповающим на плоть и темницу, которая погибнет».

Поскольку тело не предназначено к возрождению, не следует потакать и желаниям тела. Одна из главных идей книги в том, что душа поймана и заключена в тело плотскими похотями, и тот, кто уступает огню желания сейчас, будет наказан огнём в вечной жизни. Таким образом автор убеждает своих читателей искать спасения бегством из телесной оболочки: «Бодрствуйте и просите, дабы вы не пошли в плоть, но вышли из оков горечи жизни… Ибо когда вы выйдете из мук и страданий тела, вы достигнете ваш покой через благо и восцарствуете с царем, став одно с ним. И он будет одно с вами отныне и во веки веков» (145.9–14).

На самом деле, конечно, это не откровение Фомы, записанное Матфеем. Это очередной гностический подлог, написанный против учения других христиан о важности материального бытия.

Антигностические подлоги

Конечно же, не только гностики использовали подлоги для подтверждения своих идей. «Ортодоксальные» христиане платили им тем же, пуская в обращение собственные подделки.

Третье Послание Коринфянам

Мы уже видели один подлог, который мог бы прекрасно служить целям антигностической полемики – Третье Послание Коринфянам. Выше я упоминал о нём как о направленном против Маркиона, который подобно гностикам обесценивал бытие плоти. Сложно понять, против кого именно выступал автор, когда он чествовал плоть Христа и спасение плоти. Возможно, он нападал на все группы, придерживавшиеся противоположных взглядов. Но, по крайней мере, его собственные взгляды понять несложно. Он делает основной упор на то, что Христос пришёл в этот мир, чтобы «всякую плоть искупить плотью Своей и во плоти нас из мертвых поднять, и явил Он Собою пример нам в том».

Согласно этому автору, Иисус был рождён Марией в самом деле. Это произошло во исполнение сказанного пророками Ветхого Завета. Эти пророки говорили от лица истинного Бога, который создал этот мир и который был «всемогущим», а не каким-то подчинённым божеством среднего ранга. Именно «собственным телом Своим спас Иисус Христос всякую плоть», и именно во плоти обретут своё спасение его последователи при всеобщем воскресении. Таким образом, подлоги еретиков встретили возражение в виде Третьего Послания Коринфянам, подлога ортодоксов, якобы написанного Павлом, но на самом деле сочинённым автором, жившим гораздо позже.

Послание Апостолов

В качестве второго и заключительного примера ортодоксального подлога можно упомянуть книгу второго столетия, известную как Epistula Apostolorum, или Послание Апостолов [167]. Она представляет собой письмо, якобы сочинённое двенадцатью апостолами после воскресения Иисуса, причём апостолы поименно называют себя и пишут от первого лица, в противоположность «лжеапостолам» Симону и Керинфу. Как архиеретика второго столетия мы уже встречали Симона и раньше, например, в Деяниях Петра и Псевдо-Клементинах, где его хорошенько выбранили. Здесь он упоминается вместе с другим известным еретиком – Керинфом. Им обоим достаётся за то, что «в них обман». Конечно, это обвинение выглядит особенно парадоксально в сфальсифицированном сочинении, пытающемся заставить читателей поверить, будто его вправду написали апостолы.

Послание представляет собой откровение, данное Иисусом апостолам после своего воскресения, аналогично описанному в Книге Фомы Атлета и других гностических сочинениях, передающих «тайное учение» Иисуса по его воскресении. Только смысл здесь совершенно антигностический. Немногие тексты подчёркивают важность плоти так

энергично. Об Иисусе говорится, что его действительно распяли и что он действительно телесно воскрес, как это отмечено, например, апостолом Андреем, увидевшим на земле отпечатки ног воскресшего Иисуса: «Призрак, демон не оставляет следов на земле», говорит он (Гл.11). Апостолы подчёркивают: «Мы осязали его, как истинно воскресшего во плоти».

Сам Христос говорит: «Я… облекся в вашу плоть, в которой я родился и умер, и был погребён и вновь восстал» (Гл.19), и указывает, что «плоть каждого воскреснет с его живой душой и его духом» (Гл.24). Каждый, кто учит другому (авторы Книги Фомы Атлета и Коптского Апокалипсиса Петра!) понесут вечное наказание, связанное с настоящей, физической болью (Гл. 29).

Интересно, что книга открыто заявляет, что она написана против тех, кто «намеренно говорит неправду» (Гл. 50). И это книга, которая намеренно заявляет, что она написана апостолами, которые были уже сто лет как мертвы.

Заключение

В древнем христианстве чрезвычайно интересно то, что так много различных христианских учителей и групп говорили так много несхожих вещей. Ведь они не просто говорили разное. Они говорили зачастую прямо противоположное. Бог только один. Нет, богов много. Материальный мир – благое творение благого Бога. Нет, он результат космической катастрофы в Небесном Царстве. Иисус пришёл во плоти. Нет, он был полностью чужд плоти. Вечная жизнь приходит через искупление плоти. Нет, она приходит благодаря бегству из плоти. Павел учил такому-то. Нет, Павел учил совсем другому. Павел был истинным апостолом. Нет, Павел не понял учение Иисуса. Петр и Павел были согласны по всем богословским вопросам. Нет, они полностью расходились друг с другом. Петр учил, что христиане не должны следовать иудейскому закону. Нет, он учил, что иудейский закон сохраняет свою силу. И так далее, вплоть до бесконечности.

Спорящие стороны не просто полагали, что сами они правы, а их оппоненты заблуждаются. Каждая из сторон также абсолютно искренно и честно считала, что именно её взгляды проповедовались Иисусом и его апостолами. Более того, все они, как очевидно, предъявляли для подтверждения своей правоты книги, претендующие на авторство апостолов и прояснение их собственной точки зрения. И что интереснее всего, на самом деле подавляющее большинство этих апостольских книг представляло собой подлоги. Своей цели учредить правильную веру христиане добивались ложью, пытаясь обманом убедить своих читателей, что это именно они возвещают им истину.

7. Явления, связанные с подлогом: неверные атрибуции, подделки, фальсификации

На протяжении всей этой книги основное внимание уделялось «литературным» подлогам – жульничеству, в котором автор литературного текста выдаёт себя за другого человека. Всем нам известны и подлоги иного рода: подделка документов (завещаний, брачных свидетельств, водительских прав, всякого рода удостоверений личности), произведений искусства, денег и т. д. Во всех этих случаях фальсификатор пытается обмануть людей и ввести их в заблуждение в каких-то личных целях.

Конечно, есть множество других способов обмана. Иногда обман выражается в сокрытии правды, её искажении или лишь частичном донесении информации, как, например, это месяцами продолжалось в скандальной истории американского президента и Моники Левински. Иногда это может быть сокрытие улики, которая могла бы открыть правду, как это было с другим, более ранним президентом или одним из его лакеев, стиравшим важные записи на Уотергейтских плёнках. Иногда обман выражается в подтасовках, как случилось с американцами и англичанами, а возможно, и их властями, закормленными дезинформацией об угрозе Соединенным Штатам, исходящей от накопленного Ираком оружия массового поражения. Иногда люди обманывают, делая непомерные заявления о себе или своей

работе, как это было с романистом Джеймсом Фреем, объявившим свою книгу «Миллион осколков» автобиографической, в то время как на самом деле это был вымысел, что привело в ярость миллионы потенциальных читателей и саму Опру Уинфри [168]. А иногда обман проявляется в присвоении чужих трудов, как это бывает с плагиатом, принявшим характер эпидемии в студенческих кругах благодаря Интернету – великому благу и великому проклятию современного человечества.

Разумеется, всё это разнообразие форм обмана было доступно и в древности (разве что за исключением Интернета). В завершение своего исследования подлогов я бы хотел рассмотреть некоторые из них в этой главе, ограничиваясь исключительно литературными формами дезинформации. Это не обязательно должен быть намеренный обман, это может быть просто иной род псевдоэпиграфики, о котором я упоминал в самом начале книги. В то время как псевдоэпиграфы – тексты с ложным авторством – являются подлогом, другие тексты имеют лишь ложную атрибуцию, то есть кто-то помимо автора заключил, что сочинение принадлежит какой-то известной личности, что на самом деле не соответствует действительности. Иногда, надо признать, это бывает обманом (но не авторским). Но в остальных случаях это всего лишь благонамеренная ошибка.

Неверные атрибуции

В древности написание анонимных произведений было гораздо более распространённой практикой, чем в наше время. В одном только Новом Завете девять книг – целая треть всех текстов – были написаны авторами, которые не открыли своих имён. Когда же отцы церкви стали решать, какие из книг должны стать частью Писания, возникла необходимость «узнать», кто написал эти книги, потому что в качестве авторитетного Писания могли быть приняты только сочинения очевидного апостольского происхождения. Так, например, четыре первых Евангелия, изначально бывшие анонимными, стали использоваться под именами Матфея, Марка, Луки и Иоанна уже где-то через сто лет после того, как они были написаны. О книге Деяния Апостолов было известно, что она написана автором третьего Евангелия, так что её тоже приписали Луке. Анонимное Послание Евреям приписали Павлу, хотя уже тогда целый ряд учёных-христиан понимал, что Павел его не писал. Это совершенно ясно и современным исследователям. И три коротких анонимных послания, имеющие какие-то элементы сходства с четвёртым Евангелием, были приписаны тому же автору и названы, соответственно, Первым, Вторым и Третьим Посланиями Иоанна. Ни одна из этих книг не претендовала на авторство тех людей, которым их в конце концов приписали. И поскольку настоящие авторы никогда не выказывали подобных претензий, эти книги не могут считаться подложными. Они просто неверно атрибутированы, если мы соглашаемся с тем, что имена, которыми их снабдили, не принадлежат их настоящим авторам.

Ошибочные атрибуции

В раннем христианстве анонимные сочинения часто приписывались определённым авторам по совершенно невинной причине – читатели просто хотели знать, кто их написал. Просто для примера: в третьем-четвёртом столетиях в хождении была книга под названием Против всех ересей. Книга сохранилась до наших времён. Она даёт описание тридцати двух личностей или групп, которые придерживались верований, сочтённых автором ложными. Один из великих христианских борцов с ересями в те времена был Тертуллиан. Некоторые читатели книги Против всех ересей посчитали, что хотя сочинение анонимно, оно должно было быть написано именно им. Так что переписчики книги определили её автором Тертуллиана, и текст был добавлен к собранию его сочинений, хотя сам по себе он никогда на это не претендовал.

Современные учёные, изучив стилистику книги, пришли к заключению, что Тертуллиан её не писал. Но кто тогда писал? Нам известно о существовании книги с таким же названием, написанной церковным автором Викторином Петавским, творившим около 270 г. н. э., на полстолетия позже Тертуллиана [169]. Некоторые учёные думают, что это та же самая книга.

Некоторые возражают, что она была написана на семьдесят лет раньше и скорее на греческом, чем на латыни Тертуллиана, так что имеющийся текст является латинским переводом с оригинального сочинения анонимного автора. Установить правду уже не получится. Очевидно, что древние читатели и переписчики неверно сочли автором Тертуллиана, но вряд ли у них были для этого какие-то скрытые мотивы. Видимо, они просто ошиблись.

Атрибуции, повышающие авторитет текста

В иных случаях неверная атрибуция сочинения могла быть сделана для придания ему веса. Например, одним из ранних христианских текстов, не принадлежащих Новому Завету, было послание, отправленное церковью Рима христианам Коринфа. В нём содержался призыв восстановить правление прежних старейшин, со скандалом отстранённых от руководства. Традиционно книга считается Первым посланием Коринфянам Климента, епископа Римского. Это длинное послание – шестьдесят пять глав в современных редакциях, где приводится множество богословских и риторических доводов в пользу мысли, что начальствующие в церкви обладают священным авторитетом, не позволяющим устранять их по прихоти или волеизъявлению общины. Любой, выступающий против возглавителей церкви, поступает так из нечестивой зависти. Церкви Коринфа следует вернуть своих старейшин на их законное место.

Хотя письмо написано от имени церкви, находящейся в Риме, оно явно сочинено конкретным автором, а не сотнями членов церковного союза писателей. В конце концов послание было атрибутировано как написанное уже встречавшимся нам здесь Климентом, считающимся четвёртым епископом Рима, назначенным на сей пост не кем иным, как Симоном Петром, великим учеником Иисуса и апостолом церкви. Безусловно, когда послание оказалось связанным с именем Климента, оно обрело гораздо большую убедительность и силу. Это не просто многословное наставление, написанное группой неизвестных и неназванных людей. Это книга, написанная одним из великих церковных авторитетов древности. Благодаря своей атрибуции послание пользовалось большим успехом в Древней церкви. Некоторые христиане считали, что его следует включить в состав Нового Завета [170].

Неправильные атрибуции Евангелий

Конечно, были и другие анонимные тексты, которые впоследствии стали частью христианского Священного Писания. Однако этого никогда бы не случилось с ними, если бы не было известно или хотя бы не считалось, что они обладают апостольским авторитетом. Именно это произошло со всеми четырьмя новозаветными Евангелиями, каждое из которых изначально было анонимным, но позже оказалось увязанным с именами апостолов и их спутников.

Всегда интересен вопрос, почему автор предпочёл анонимность, но вряд ли он может вызвать где-то больший интерес, чем в случае с Евангелиями. Есть примеры, когда древний автор не имел нужды называть себя, поскольку его читатели прекрасно знали, кто он такой. Весьма вероятно, что это случай Второго и Третьего соборных посланий Иоанна. Это частные письма, посланные находящейся в отдалении церкви кем-то, называющим себя старцем. Можно смело предположить, что получатели знали, кто им пишет.

Некоторые считали, что подобное имело место с Евангелиями – их написали известные в определённых христианских группах люди, которым можно было себя не называть, поскольку их все знали. Но когда книги стали переписываться и получать большее распространение, на них по-прежнему не указывалось авторство. В результате в какой-то момент представление о нём оказалось утеряно. Тогда следующие читатели, верно или нет, связали книги с двумя учениками Иисуса (Матфеем и Иоанном) и двумя спутниками апостолов (Марк был спутником Петра, а Лука спутником Павла).

Согласно другому объяснению, авторы не называли себя из расчёта на то, что в анонимном варианте их повествования будут иметь больший авторитет. Если евангельские истории об Иисусе исходят от определённого автора, то в некотором смысле теряется универсальность их восприятия – они становятся уже чьей-то версией событий, а не рассказом «вообще».

Есть, в частности, одна причина думать, что именно это имелось в виду евангелистами. Она касается стиля изложения. Во всех четырёх Евангелиях история Иисуса представлена словно продолжение истории народа Божьего, как она изложена в Еврейской Библии. В Ветхом Завете история Израиля после смерти Моисея раскрывается в книгах Иисуса Навина, Судей, 1–4 Царств. Все они написаны анонимно. Эти книги охватывают историю богоизбранного народа в период от завоевания Земли обетованной (Навин) до взлётов и падений во времена харизматических правителей, называемых судьями (книга Судей) и ряда царей (1–4 Царств). В библейской истории содержится обетование первому подлинно великому царю, Давиду, что у него всегда будет наследник на троне израильского правителя (2 Цар 7:14). Но заканчивается эта история катастрофой, когда вавилонские армии сокрушают нацию и лишают её царя власти (кон. 2 Цар).

Многие иудеи ожидали, что в будущем Бог исполнит свое обещание Давиду и дарует нового помазанника, нового «мессию», чтобы тот правил народом Израиля. Евангелия написаны так, чтобы показать, что на самом деле этот мессия не кто иной, как Иисус (см. Мк 1:1; Ин 20:30–31). Конечно, Иисус не соответствовал образу ожидаемого иудеями мессии [171]. Он пришёл не как великий царь, подобный Давиду, а как пророк, говорящий о будущем царстве Божьем. Сам он даровал это царство, не воцарившись в Иерусалиме, а умерев на кресте, даруя спасение. Это было спасение не от врагов Израиля – римлян, а от главных врагов Божьих – сил греха и смерти. Иисус победил эти злобные силы своей смертью и воскресением и вскоре должен вернуться как царь всей земли.

Такова идея Евангелий, и она подана в этих книгах словно продолжение анонимно написанной истории Израиля, как та была изложена в писаниях Ветхого Завета. Это видно, например, в самом раннем Евангелии, от Марка, которое начинается цитированием серии ветхозаветных пророчеств о пришествии мессии, и затем представляет Иисуса тем, на кого эти пророчества указывают. Это видно в Евангелиях от Матфея и Луки, которые изображают рождение Иисуса как исполнение предсказаний из Писания, используя образность и язык, в большой степени основанные на ветхозаветных повествованиях, для придания своему вступлению «библейской» атмосферы. Это видно даже в Евангелии от Иоанна, которое начинается с мощной поэмы о пришествии Христа в мир в конце времён в выражениях, крайне напоминающих историю сотворения мира в книге Бытия (Бытие: «В начале сотворил Бог небо и землю», Иоанн: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог»).

Евангелисты, каждый по-своему, изображают историю Иисуса как продолжение истории народа Божьего, Израиля. В Иисусе исполнились все чаяния авторов и пророков Ветхого Завета. Поэтому для тех, кто написал Евангелия, имело смысл оставаться анонимами, как это делали почти все, кто писал библейскую историю до них.

Анонимность евангелистов сохранялась десятилетиями. Когда писатели начала второго столетия ссылались на Евангелия или цитировали их, они никогда не упоминали их названий или авторов. Даже в 150–160 гг. н. э. Иустин Мученик цитирует стихи из Евангелия, но не указывает его названия. Иустину все эти книги известны как просто собрание «Воспоминаний Апостолов». Прошло около века со времени появления Евангелий, прежде чем они получили имена Матфея, Марка, Луки и Иоанна. Впервые это зафиксировано в сочинениях Иринея Лионского около 180–185 гг. н. э.

Иринеем был написан пятитомный труд, известный сейчас под названием Против ересей, который был направлен против ложных учений, свирепствовавших среди христиан его времени. Там в одном месте он пишет, что еретики (т. е. лжеучители) заблуждаются

потому, что либо использовали ненастоящие Евангелия, либо использовали не все Евангелия из четырёх настоящих. Некоторые еретические сообщества пользовались только Евангелием от Матфея, другие – только от Марка и т. д. Ириней считает, что подобно четырём ветрам, разнёсшим евангельское благовестие на четыре стороны света, должно быть именно четыре и только четыре Евангелия, и эти Евангелия – Матфея, Марка, Луки и Иоанна [172].

Современному читателю подобный аргумент может показаться неубедительным, но ему не составит труда понять, почему подобные Иринею ортодоксальные писатели настойчиво говорят об этом. Тогда ходило множество Евангелий, и христиане, обращавшиеся к ним, хотели знать, какие из них были законно признаны. Для Иринея и его единоверцев авторитетом могли обладать только те Евангелия, что имели апостольское происхождение. Авторитет Евангелия основывался на его авторстве. То есть уровень авторитета автора должен был соответствовать уровню апостола или его близкого спутника, рассказ которого можно было отнести на счёт апостола. В 155 году, когда творил Иустин, цитирование Евангелий без их атрибуции было вполне приемлемо. Но в обращении было так много других Евангелий, что книгам, которые активно цитировались ортодоксальными христианами, вскоре понадобилась апостольская сертификация. С тех пор они стали известны как Евангелия от Матфея, Марка, Луки и Иоанна.

Почему к концу второго столетия были выбраны именно эти имена? Несколько десятилетий до этого ходили слухи, что деяния и учение Иисуса описаны двумя авторами, бывшими значительными фигурами Древней церкви. Эти слухи можно встретить у Папия Иерапольского ок. 120–130 гг. н. э., то есть где-то за полвека до Иринея. На основании доброго свидетельства [173] Папий утверждал, что апостол Матфей записал речения Иисуса по-еврейски, а другие сделали их перевод предположительно на греческий язык. Им же было сказано, что, будучи спутником Петра, Марк придал стройный вид его проповедям об Иисусе и сделал из них книгу [174].

Ничто не указывает нам на то, что, говоря о Матфее и Марке, Папий имел в виду именно те Евангелия, которые были впоследствии названы их именами. На самом деле всё, что он говорит о них, противоречит «нашим» Евангелиям: Мф является не сборником речений Иисуса, а повествованием о нём, его учении и деятельности; оно было написано на греческом, а не древнееврейском; и написано оно было не независимо от Марка, как предполагает Папий, а на основе известного нам Евангелия от Марка. Что касается Мк, то в нём ничто не говорит в пользу его происхождения от рассказов Петра; с тем же успехом оно может быть отнесено и к другому своему герою (например, Иоанну, сыну Зеведея). Да и в принципе ничто не даёт повода думать, будто Мк основано вообще на чьих-либо рассказах, не говоря уже о Петре. Напротив, оно исходит из устной традиции, зафиксированной «Марком» уже через несколько десятков лет её существования.

Наконец, атрибуция обращавшихся среди ортодоксов четырёх Евангелий стала необходима, чтобы отличать их от «ложных» Евангелий, использовавшихся еретиками. Процесс атрибуции несложно проследить для первого и четвёртого Евангелий. Поскольку уже было известно, что Матфеем написано Евангелие (согласно тому же Папию), то одно из них получило его имя. Это было, как считалось, Евангелие, написанное в основном для иудеев, а Матфей как-никак и был иудеем. Четвёртое Евангелие считалось принадлежащим загадочной личности, названной в самой книге «учеником, которого любил Иисус» (см., напр., Ин 20:20–24) и который должен был быть одним из его ближайших последователей. Ещё в самой ранней традиции тремя такими ближайшими учениками считались Петр, Иаков и Иоанн. Петр был назван рядом с «любимым учеником», а Иаков претерпел мученичество ещё в самом начале церковной истории, так что они не могли быть авторами. Оставался Иоанн, сын Зеведея. Его и признали автором четвёртого Евангелия.

Некоторые учёные считали, что признание авторами второго и третьего Евангелий Марка и Луки было бы бессмысленно, если бы они и в самом деле не были написаны людьми,

носившими эти имена, поскольку они не были прижизненными учениками Иисуса, а в Древней церкви были относительно малозаметны. Эта аргументация никогда не казалась мне убедительной. Во-первых, если сейчас люди кажутся нам малозаметными, это совсем не значит, что так же было и в ранних христианских кругах. Более того, не следует забывать, что существует множество книг, приписанных авторам, о которых нам известно крайне мало. Таковы, например, Филипп, Фома и Никодим. К тому же Марк был далеко не малозаметен, одно время он был спутником Павла и считался правой рукой Петра, так что написанное им могло считаться Петровой версией Евангелия. Эта связь прослеживается не только у Папия, но и у Тертуллиана, который прямо заявлял, что о Евангелии, «которое издал Марк, говорят с уверенностью, что оно принадлежит Петру, чьим истолкователем был Марк» [175].

В отношении третьего Евангелия следует учитывать, что оно написано тем же автором, что и книга Деяний, а там он неявным образом указывает на себя как на спутника Павла. Ввиду того, что Деяния выделяют успех христианства среди язычников, их автор сам мог быть из язычников. А поскольку таким человеком среди спутников Павла считался Лука, то ему и приписали третье Евангелие.

Таким образом, Евангелия стали обеспечены авторами: два из них якобы были свидетелями описанных ими событий (Матфей и Иоанн), а два других описывали виденное двумя другими апостолами – Петром (Евангелие от Марка) и Павлом (Евангелие от Луки). Правда, ни одна из этих книг не похожа на написанную непосредственными очевидцами жизни Иисуса или спутниками двух великих апостолов [176]. Но для целей данной работы достаточно ещё раз подчеркнуть, что сами Евангелия не претендуют на приписанное им авторство и не считались первое время написанными этими авторами. Последние никогда не говорят от первого лица (в Мф, например, нет фраз типа «Однажды Иисус и я пошли в Иерусалим…»). Они никогда не показывают, что лично связаны с описанными событиями или упомянутыми ими людьми. Книги полностью, бесспорно и безоговорочно анонимны. При этом у живших позже христиан были очень хорошие поводы приписать книги тем, кто не был их авторами.

В результате получилось, что хотя сами авторы книг не делали никаких ложных заявлений относительно своих личностей, позднейшие читатели сделали это за них. И как мы видим, это не подлоги, а неправильные атрибуции.

Другие неверные атрибуции

Всё то же самое можно сказать об остальных анонимных книгах Нового Завета. Исследователи практически едины в том, что Павел не писал Послание Евреям, хотя включившие его в канон Священного Писания отцы церкви думали иначе [177]. 1, 2 и 3 Послания Иоанна во многом звучат схоже с Евангелием от Иоанна, но при этом сильно отличаются от него, особенно в том, что касается исторического контекста, на который они ориентированы. Скорее всего, их писал другой человек, который в любом случае не был Иоанном, сыном Зеведея. Этот христианин жил позже, а у его общины были проблемы, которые отличались от тех, что имело в виду четвёртое Евангелие. Однако потом христианам, наделившим послания священным авторитетом, понадобилось приписать их кому-то из апостолов, и вполне логично этим апостолом стал Иоанн Зеведеев.

Приписывание анонимных произведений известным авторитетам не ограничивалось Новым Заветом. В качестве дополнительного примера хотелось бы упомянуть одну интереснейшую книгу, не вошедшую в канон Нового Завета. На протяжении столетий были христиане, которые считали, что её следовало туда включить. И мы все можем только радоваться, что этого не произошло. Книга представляет собой один из самых резких выпадов против иудеев и иудаизма, какие только были в раннем христианстве. Будь она включена в Писание, христиано-иудейские отношения были бы ещё хуже, если это можно представить. Книга была написана анонимно, но позже приписана одному из ближайших спутников и сотрудников Павла, так что стала известна как Послание Варнавы [178].

Текст представляет собой что-то вроде письма, адресованного автором группе читателей, но вообще больше похож на развёрнутое эссе. Цель книги в том, чтобы показать превосходство христианства над иудаизмом. Автор преследует её, клеймя иудаизм как религию, которая всегда была ложной, ещё со времён самого Моисея. Как он считает, древние израильтяне расторгли завет с Богом, заключённый в самом начале, когда Моисею было дано десять заповедей. Сойдя с Синайской горы с заповедями в руках, Моисей увидел свой народ предавшимся идолослужению. В гневе он разбил каменные скрижали о землю вдребезги. Согласно автору послания, это означало расторжение завета (4.7–8; 14.1–4). И Бог так и не восстановил свой завет с иудеями. С того момента они были отвержены навсегда.

Иудеи, конечно, ещё получили от Моисея всякие законы, включая новый экземпляр десяти заповедей. Но поскольку они сами сделали себя чуждыми Богу, то так и не поняли этих законов. Вопреки воле Божьей, иудеи восприняли их буквально, а не образно, чем совершили роковую ошибку. В результате они всегда неверно толковали собственные законы. Например, когда Бог запретил им есть свиней, то вовсе не имел в виду буквальный запрет на свинину. Он подразумевал, что человек не должен уподобляться свинье, которая громко кричит, когда голодна, но насытившись, умолкает. Люди должны обращать свои молитвы к Богу не только когда они терпят лишения, но и когда живут в довольстве (10.1–3).

Так же и заповедь Божья о почитании субботы не означает, что один день в неделю человек должен проводить в праздности. Седьмой «день» должно понимать символически, не забывая, что «у Бога один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день». Заповедь о субботе означает, что Божий народ должен ожидать наступления тысячелетия, как субботнего дня. Сотворение мира длится шесть дней – шесть тысяч лет, после которых на земле наступит тысячелетний период правления Бога и его народа. Иудеи не поняли этот замысел и глупо сочли, что Бог заповедал им не работать по субботам (15.1-19).

Варнава касается целого ряда законов Ветхого Завета, показывая, что Богом никогда не подразумевалось их буквальное понимание, но только образное. А раз иудеи никогда ничего толком не понимали, то они никогда и не были народом Божьим. Это последователи Иисуса обладают правильным пониманием Писания. В итоге народ Божий – это не иудеи, а христиане. И Ветхий Завет – не иудейская книга, а христианская.

Возможно, «послание» изначально было анонимно потому, что первые читатели прекрасно знали, кто его написал. Оно не могло быть написано одним из ближайших соратников Павла – Варнавой, потому что появилось много лет спустя после его смерти, обычная датировка называет 130–135 гг. н. э. Но почему его всё-таки приписали Варнаве? Точно никто не знает, но есть предположение, что некоторые читатели хотели такой атрибуцией подкрепить свою точку зрения. Это связано со спорами, происходившими в христианстве во втором столетии, лет через пятьдесят после написания книги.

В конце второго столетия самой сильной угрозой для «ортодоксального» христианства была церковь, основанная Маркионом и распространённая им и его последователями по всему миру. Если вы помните, свою веру в существование двух Богов – подчинённого злобного Бога Ветхого Завета и старшего любящего Бога, исповеданного Иисусом, Маркион основывал на авторитете Павла. Павел считался истинным проводником учения Иисуса, осознавшим, что спасение не зависит от соблюдения закона иудейского. Маркион взял различие, которое Павел проводил между евангелием Иисуса и законом иудеев, и довёл его до такой крайности, что полностью лишил их связи между собой. Христос являл иного Бога. Бога же Ветхого Завета, творца мира и закона, христиане должны были отвергнуть, а не служить ему.

Итак, Маркион полностью отрицал Ветхий Завет, утверждая, что у того нет ничего общего с благой вестью Иисуса. А Послание Варнавы смотрит на дело иначе. И можно сказать, что не просто иначе, а совсем наоборот. В нём Ветхий Завет представляется не как

не имеющий ничего общего с христианством и благовестием Иисуса, а как прямо относящийся к ним. Это вообще христианская книга par excellence, потому что она возвещает Евангелие Иисуса – образно.

А зачем было приписывать послание ближайшему соратнику Павла? Затем, что так оно отобразило бы взгляды настоящего, а не маркионовского Павла, в которых якобы не было места Ветхому Завету с его законами. Теперь Павел при содействии Варнавы возвещает подлинное учение, согласно которому Ветхий Завет – это Священное Писание, истина от Бога, провозвестник Христова Евангелия и совершенно христианская книга.

Приписав популярную книгу Варнаве, оппоненты Маркиона показывали, что Павел совсем иначе понимал христианство, и сами получали возможность опираться на его авторитет в своей борьбе с главным еретиком второго столетия, который пытался сделать Павла своей собственностью.

Фабрикации

Как я говорил, неверная атрибуция не обязательно является обманом, это может быть просто результат чьей-то неудачной догадки относительно авторства анонимной работы. У меня ощущение, что люди, называвшие ту или иную знаменитость автором какого-то произведения, в основном действительно в это верили, хотя и не знали этого наверняка. А вот к совершавшим намеренные подлоги это точно не относится. Тот, кто написал 1 Тим, точно знал о себе, что он не апостол Павел. Это его выдумка.

Прочие литературные произведения, конечно, тоже «выдуманы». Но как и с неверными атрибуциями, не всегда бывает понятно, насколько автор произведения отдаёт себе отчёт, что он именно «выдумывает». Он может полагать, что говорит достоверные вещи. При написании исторических повествований он может считать, что сообщает исторические факты, хотя на самом деле это легенды. Всё равно всегда возникают какие-то авторы с неким вымыслом. Конечно, в таких случаях всегда есть вероятность, что эти авторы верят в реальность своих историй. И иногда вообще непонятно, откуда эти истории только берутся. Но во многих случаях сочинитель прекрасно знает, что он делает.

Мы уже видели массу выдуманных историй в подложных сочинениях. Сочинитель Евангелия от Петра рассказал в нём историю про выходящего из гроба Иисуса высотой до неба и шедший за ним говорящий крест. Это не историческое повествование, это вымысел. Я бы назвал это «фабрикацией», то есть «выдуманной историей, которая выдаёт себя за правдивую».

Во многих случаях фабрикации распространяются анонимными писателями, которые не являются фабрикаторами. Возьмём, к примеру, сюжет из Деяний Петра, рассказывающий о чудотворном состязании Петра и Симона Волхва, где описывается чудо воскрешения копчёной селёдки. Этот «исторический» сюжет на самом деле фабрикация. Выдумавший его первым, будь то автор текста или тот, от кого он её услышал, рассказывал историю, возможно (вероятно? наверняка?) зная, что она исторически недостоверна. Так же и с Деяниями Павла (или Деяниями Павла и Феклы), в которых Павел проповедует характерную идею спасения не через смерть и воскресение Иисуса, а через девственность и полное половое воздержание.

Как и в ситуации с древними мифами, здесь часто бывает непросто понять, как читатели воспринимали подобные рассказы: как исторические, развлекательные или как-то ещё. Но во многих случаях понятно, что читатели считали их сказками, поскольку в некоторых кругах их принимали в штыки. Достаточно вспомнить реакцию Серапиона на Евангелие от Петра (см. вторую главу) или суровые слова Тертуллиана о Деяниях Павла (см. третью главу). В обоих случаях содержание книг встретило возражения, и сочинения были объявлены фабрикациями, созданными в поддержку лжеучений.

Это показывает, что по крайней мере некоторым древним читателям подобные исторические фабрикации казались не безвредным вымыслом, а либо искажающей действительность небывальщиной, либо выдумками, повреждающими «истину». Так или иначе, оппоненты считали их вредоносными фабрикациями. Но вредоносные или нет, в Древней церкви фабрикации об Иисусе, его семье, учениках и прочих знакомых были весьма распространены. У нас есть множество таких историй, относящихся к первым четырём столетиям церкви.

Протоевангелие Иакова

Одна из исторически наиболее влиятельных подборок таких историй содержится в книге под названием Протоевангелие Иакова [179]. Протоевангелие было невероятно популярно у христиан в Средние века, даже популярнее, чем многие книги Библии. Оно оказало значительное влияние на христианское воображение и искусство [180]. Читатели называли его прото-Евангелием потому, что описанные в нём события в основном происходили раньше тех, что описаны в канонических Евангелиях. Книга охватывает период рождества и детства Марии, зачатие и рождение ею Иисуса. Я говорил, что это подлог, поскольку он ложно претендует на авторство Иакова, брата Иисуса, который здесь назван сыном Иосифа от предыдущего брака. Вокруг времени написания книги ведутся споры, но поскольку её автору, по всей видимости, известны Евангелия Матфея и Луки, принадлежащие концу первого столетия, и на неё, видимо, ссылается Ориген в начале третьего столетия, то книгу часто датируют серединой – концом второго столетия.

Один из главных вопросов книги заключается в том, насколько Мария годится для своей роли матери Сына Божия. Конечно, мать Иисуса была не простым человеком! И книга это подтверждает. Её рождение было чудесным. Её мать, Анна, бесплодна, но чудесным образом зачинает по собственным молитвам и молитвам своего мужа, состоятельного благородного иудея Иоакима. Уже маленьким ребёнком Мария была особенной. С рождения посвящённая Богу, в трёхлетнем возрасте она отведена своими родителями в Иерусалимский храм и там воспитывается священниками, которым не приходится кормить её, поскольку каждый день она получает пищу из рук ангела.

Когда приближается подростковый возраст, Марии приходится оставить храм, ведь менструальная кровь влечёт ритуальную нечистоту. Тогда жрецы собираются, чтобы обсудить, как найти ей мужа. Наставленные Богом, они призывают всех холостых израильтян, каждого со своим посохом. Первосвященник собирает все посохи и вносит их в святилище. На следующий день он возвращает их владельцам, и все видят чудесное знамение. Из посоха Иосифа вылетает голубь и, сделав круг, садится на его голову. Так он становится избранным для того, чтобы взять юную Марию замуж.

Но Иосиф противится избранию, потому что он уже старый человек, имеющий взрослых сыновей, и не хочет становиться объектом насмешек своих соотечественников из-за женитьбы на юной деве. Первосвященник убеждает его в отсутствии выбора, и он берёт Марию замуж.

Дальше следуют рассказы о жизни Марии и Иосифа, которые часто развивают сюжеты из канонических Евангелий Матфея и Луки (только они в Новом Завете говорят о рождении Иисуса), а иногда предлагают совершенно новые истории. Самая необычная или запоминающаяся из них происходит сразу после того, как Мария рожает Иисуса в пригороде Вифлеема. Иосиф уходит на поиски повитухи для помощи при родах. Он находит одну, но возвращается с ней слишком поздно. Подходя к пещере, где была оставлена Мария, они видят яркий свет и младенца, возникшего из ниоткуда. Повитуха сразу соображает, что это чудесное рождение и бежит за своей приятельницей, Саломеей, которая отказывается верить, что дева могла родить. Она приходит к пещере и решает провести Марии послеродовое обследование, чтобы убедиться в целости девственной плевы. Она в этом убеждается, и читатели остаются неразочарованными. Но рука Саломеи начинает гореть, как

в огне. Это её наказание за отказ поверить в силу Божию, явленную в рождении Иисуса. Когда она молится Богу и просит прощения, то получает указание взять ребёнка на руки. И как только она это делает, её рука исцеляется.

Там есть и много других чудесных историй, и все они, конечно, основаны скорее на благочестивом воображении последующих рассказчиков или автора книги, нежели на исторических событиях. Это не передача действительно происходивших событий, а сказка под видом исторического повествования. Но воспринимались ли они как реальные истории или как развлекательные рассказы? Можно предположить, что по-всякому. Некоторые христиане основывали на них серьёзные богословские утверждения, вроде догмата о «приснодевстве Марии», то есть о том, что Мария осталась девственной и после рождения Иисуса. Такие христиане, конечно же, считали эти рассказы «истинными», и многие (или большинство?) из них верили, что в них переданы подлинные события.

Евангелие Псевдо-Матфея

Всё то же самое можно сказать о Евангелии Псевдо-Матфея [181]. Оно называется так потому, что в Средневековье считалось написанным самим апостолом Матфеем. На самом же деле это было сильно переработанное Протоевангелие, о котором говорилось выше.

Среди самых интересных сюжетов этой повести – чудеса, которые творил Иисус, когда святое семейство бежало в Египет по его рождении. Мы узнаём, например, что по дороге они остановились передохнуть возле пещеры. К ужасу Иосифа и Марии из пещеры показалось полчище драконов. Но двухлетний Иисус ничуть не испугался. Неверной походкой младенца он приблизился к страшным чудовищам и стал перед ними. И когда они увидели, кто он такой, то благоговейно склонились пред ним. Автор говорит, что это сбылось предсказание Священного Писания: «То, что сказал пророк, исполнилось: «Хвалите Господа, вы, сущие на земле драконы», что является указанием на греческую версию Пс 148:7.

Потом во время путешествия семья останавливается отдохнуть под пальмой, и Мария, мать Иисуса, с тоской смотрит на плоды, висящие высоко на ветвях, и выказывает желание попробовать их. Иосиф укоряет её, поскольку очевидно, что залезть на дерево не получится. Но тут вмешивается маленький Иисус и приказывает пальме склониться, чтобы дать свои сочные плоды его матери. И дерево повинуется. Все насыщаются его плодами, и Иисус благословляет пальму за её послушание, обещая в награду, что одна из её ветвей будет отнесена на небо и посажена в раю. Тут же спускается ангел, чтобы взять и вознести одну из ветвей в её новую небесную обитель.

Когда семейство прибывает в Египет, то не находит себе пристанища, поэтому вынуждено укрыться в языческом храме. Внутри того храма было 365 идолов, представляющих богов, каждому из которых следовало служить в один из дней года. Но когда входит Иисус, то все идолы падают на свои лица в почтении перед истинным божеством среди них. Как только местный правитель узнаёт о происшедшем, то сам приходит поклониться ребёнку и сообщает всем своим друзьям и целой армии, что к ним прибыл владыка всех богов.

Евангелие детства (Евангелие от Фомы)

Почти одновременно с Протоевангелием Иакова получила распространение другая сфабрикованная книга об Иисусе, известная сейчас как Евангелие детства, или Евангелие от Фомы. В её основу положен вопрос, которым веками задавалось множество христиан: если в зрелом возрасте Иисус был Сыном Божьим, творящим чудеса, то каким он был в детстве? В Евангелии детства собраны истории об Иисусе в возрасте от пяти до двенадцати лет.

Книга начинается с рассказа о том, как пятилетний Иисус играет у ручья недалеко от своего дома в Назарете. Он собирает протекавшую воду в небольшую лужицу, приказывает ей стать чистой, и вода слушается его. Затем он берёт глину и лепит из неё двенадцать птичек. Прохожий иудей негодует на то, что своей «работой» Иисус нарушил закон о

субботнем покое. Ревнитель идёт и рассказывает Иосифу, что натворил его сын. Иосиф приходит к ручью и выговаривает мальчику. В ответ Иисус хлопает в ладоши, приказывает птицам ожить и лететь, и те повинуются. Этим показано, что Иисус выше закона и что он животворец. К тому же он ускользает от ответственности, уничтожив улики. Глиняные птички? Какие птички?

Тут соседский мальчишка берёт палку и разбрызгивает ею воду, собранную Иисусом. Это сердит маленького Иисуса, который говорит мальчишке: «Ты, негодный, безбожный глупец, какой вред причинили тебе лужицы и вода? Смотри, теперь ты высохнешь, как дерево, и не будет у тебя ни листьев, ни корней, ни плодов». Ребёнок немедленно высыхает.

В следующей истории Иисус проходит через деревню, когда его случайно толкает плечом пробегающий мальчик. Иисус сердится и говорит ему: «Ты никуда не пойдешь дальше». Ребёнок тут же падает мертвым. Его родители упрекают Иосифа: «Раз у тебя такой сын, ты не можешь жить с нами. Или научи Его благословлять, а не проклинать, ибо дети наши гибнут».

Потом Иосиф решает, что Иисусу пора подучиться, и он трижды посылает его к разным учителям, которые безуспешно пытаются его обучать. Один из них пытается научить Иисуса греческому алфавиту. Но Иисус молчит и не повторяет за ним букв. Потом говорит так: «Если ты истинный учитель и хорошо знаешь буквы, скажи Мне, что такое альфа (т. е. первая буква алфавита), и Я скажу тебе, что такое бета (вторая буква)». Рассерженный учитель бьёт Иисуса по голове. Большая ошибка. Иисус проклинает его, и тот мгновенно умирает. Иосиф забирает Иисуса домой и наказывает Марии: «Не пускай Его за дверь, ибо каждый, кто вызывает Его гнев, умирает».

Но наконец Иисус начинает употреблять свою силу во благо, а не во вред окружающих. Он воскрешает детей, исцеляет своего брата Иакова от смертельного укуса змеи и использует способности чудотворца при работе в столярной мастерской отца. Заканчивается книга тем, что двенадцатилетний Иисус беседует в Иерусалимском храме с учителями закона, демонстрируя при этом свой ум и духовное превосходство. Этот сюжет также известен из Евангелия от Луки.

Не совсем понятно, что можно вывести из этих историй о вундеркинде Иисусе [182]. Некоторым современным читателям покажется, что Иисус изображен в них крайне негативно. Но неочевидно, чтобы ранние христианские читатели видели их в том же свете. Истории могли быть созданы просто в качестве развлечения для христиан. А могли быть и серьёзной попыткой показать, как ещё задолго до своего общественного служения Иисус проявлял чудотворную силу Сына Божьего.

Фабрикации в составе канона

Не стоит думать, что христиане начали создавать фабрикации лишь после довершения Нового Завета. На самом деле не приходится сомневаться, что часть таких текстов появилась уже в самые первые годы становления христианства. И некоторые из этих фабрикаций проникли в Новый Завет.

Можно долго говорить о новозаветных историях, которые выдают вымышленные истории за исторические события. Такие истории встречаются среди рассказов о рождении Иисуса, его жизни, учении, смерти и воскресении точно так же, как и среди рассказов о его последователях, вроде Петра и Павла, в книге Деяний.

Что касается историй о рождении Иисуса, то не нужно ждать упомянутых выше более поздних Евангелий, чтобы распознать фабрикации – они есть в уже хорошо знакомых версиях Матфея и Луки. При императоре Августе никогда не было переписи, которая бы заставила Иосифа и Марию идти в Вифлеем, не было звезды, которая бы загадочно направляла волхвов к Иисусу, Ирод Великий никогда не истреблял Вифлеемских младенцев, семья Иисуса не скрывалась в Египте. Это может показаться голословными провокационными

заявлениями, но исследователям уже много лет известны стоящие за ними основания и свидетельства. Поскольку я уже уделял этим и другим фабрикациям в Евангелиях достаточно внимания в другой своей книге, то я не стану здесь углубляться в детали [183].

Практически невозможно определить, насколько люди, придумавшие и передавшие эти истории, сравнимы с подделывателями, которым прекрасно известно, что они занимаются обманом, или же здесь больше общего с теми, кто ошибочно атрибутировал анонимные книги, не подозревая о своей ошибке. Лично мне кажется, что большинство рассказчиков подобных историй искренне верили в их реальность. Но даже в таком случае мы не можем сказать, что эти рассказчики не замешаны в обмане. Может быть, они и не хотели никого обманывать (а может, и хотели), но им это определённо удалось. На самом деле они имели фантастический успех на этом поприще. Многие и многие столетия просто считалось, что в рассказах об Иисусе и апостолах – как в составе канона, так и вне его – описываются реальные события. Многие читатели по-прежнему так и воспринимают канонические книги. Но многое из сказанного в этих книгах не передаёт подлинные события. Напротив, это сфабрикованные истории, либо созданные специально для обоснования какого-то взгляда, либо просто каким-то образом возникшие тогда, когда христиане делились «сведениями» об Иисусе и его окружении.

Фальсификации

Помимо подлогов, неверных атрибуций и фабрикаций существует вид обманной литературной деятельности, который можно назвать «фальсификацией». Это происходит, когда кто-то вручную копирует чужой текст, но изменяет его, опуская одно и вставляя другое, либо просто редактируя по-своему. Всё равно, что кому-нибудь пришлось бы копировать Первое послание Павла Коринфянам, куда он добавил бы несколько стихов от себя, а следующий, кому пришлось читать манускрипт, счёл бы вставку настоящими словами Павла. Это очень похоже на подлог: кто-то записывает свои слова, но приписывает их другому. Однако в этом случае речь не идёт о целом документе, надписанным чужим именем. Здесь переписчик сочиняет лишь некую часть текста, которую вставляет в чужую книгу.

В античности тексты всегда изменялись при переписке [184]. В мире, где отсутствовали электронные средства публикации, ксероксы или просто копирка, было практически невозможно быть уверенным, что любая копия текста будет стопроцентно точной, без каких-либо изменений. Это касается всех книг, переписывавшихся в древности. Вот почему великие правители, собирая в своих городах капитальные библиотеки, иногда были готовы платить значительные деньги за «оригиналы» произведений классиков. Никогда нельзя было быть уверенным, что копия полностью соответствует оригиналу.

Соответственно, все раннехристианские произведения тоже были подвержены превратностям копирования. У нас нет ни одного оригинала ни одной книги Нового Завета или любой другой христианской книги. То, что у нас есть, – это копии копий, сделанных с копий. И в большинстве случаев самые ранние из доступных нам копий отстоят от своих оригиналов на столетия.

Почти каждый переписчик при копировании делал ошибки. В результате при копировании копии, сделанной с копии оригинала, в большинстве случаев приходилось копировать не только слова оригинала, но и ошибки, сделанные предыдущими переписчиками. А следующий переписчик присовокуплял к прежним ошибкам все ошибки данной копии плюс свои собственные. Так это и продолжалось, год за годом, столетие за столетием. Единственный случай, когда ошибки исправлялись, происходил тогда, когда переписчик понимал, что предшественник скопировал что-то неправильно, и пытался внести коррективы. Проблема в том, что иногда нельзя установить, насколько верно была исправлена ошибка. Исправление тоже могло быть ошибочным, то есть его результат отличался и от прежней ошибки, и от оригинала. И так до бесконечности.

Нам не приходится сомневаться, что христианские писцы изменяли переписываемые ими тексты. Достаточно взять любую раннехристианскую книгу и сравнить сохранившиеся копии. Независимо от того, является эта книга каноничной (как одно из посланий апостола Павла) или нет (как Евангелие детства или Послание Варнавы), все копии будут иметь отличия, иногда мелкие, а иногда значительные.

В большинстве случаев изменения носили случайный характер: описка, грамматическая ошибка, пропущенное слово. Но порой переписчики изменяли текст намеренно, иногда думая, что обнаружили требующую исправления ошибку, а иногда желая что-то добавить к тексту (или убрать из текста, или что-то в нём изменить). Как я сказал, такая фальсификация близка к подлогу: некий автор передаёт собственные слова как слова признанного авторитета.

Я уже писал об изменениях такого рода в паре своих прежних книг и не хочу здесь повторяться. Лучше я ограничусь несколькими примерами, взятыми со страниц Нового Завета. В пятой главе я упоминал известную историю из поздних манускриптов Евангелия от Иоанна о женщине, которую поймали на прелюбодеянии и привели на суд Иисуса. Этот сюжет содержит одни из самых известных слов Иисуса: «Кто из вас без греха, пусть первый бросит в неё камень». Однако в самых ранних манускриптах Евангелия от Иоанна этой сцены нет. Кроме того, от остального текста значительно отличается стиль, которым она написана (на греческом). Вдобавок сцена разрывает повествование в том месте, куда она вставлена (Ин 7–8). Иными словами, стоит только изъять этот сюжет, и контекст приобретает больший смысл, поскольку предыдущая сцена более логично перетекает в последующую. По этим и ряду других причин практически ни у кого из исследователей Нового Завета нет сомнений, что эта история при всей своей красоте, силе и поучительности не является оригинальной частью Нового Завета. Она вставлена переписчиком.

В этом примере мы имеем дело и с фальсификацией (изменением его содержания относительно оригинала), и с фабрикацией текста (поскольку эта история выдумана). Таких примеров много в сохранившихся манускриптах Нового Завета. Другой известный пример находится в конце Евангелия от Марка. Люди, невнимательно читавшие его заключительную главу, часто говорят, что в Мк не раскрыта тема воскресения. Скажем прямо, это не так. В Евангелии Марка Иисус определённо воскресает из мёртвых. Женщины идут ко гробу на третий день после похорон, чтобы восполнить погребальный обряд, но тела на месте нет. Вместо этого их там встречает человек в белых одеждах, сообщающий, что Иисус воскрес из мёртвых. То есть Марк верит, что Иисус физически воскрес из мёртвых, и именно это сообщает своим читателям. Но самое поразительное, что происходит затем.

Человек у гроба наказывает женщинам идти и сообщить ученикам, что Иисус уже отправился в Галилею, где они его и встретят. Но вместо того, чтобы рассказать апостолам, «выйдя, побежали от гроба… и никому ничего не сказали, потому что боялись» (Мк 16:8). И на этом Евангелие заканчивается. Тема воскресения Иисуса здесь определённо присутствует. Но ученики ничего не узнают о нём, и здесь ничего не сказано про их встречу с Иисусом.

Это блестящая концовка. Она приводит читателя в изумление и заставляет сказать: «Что??? Как это женщины могли никому не сказать? Как это никто не узнал о воскресении Иисуса? Как Иисус мог не явиться потом кому-то ещё? И это всё? Это конец? Да как это может быть концом?»

Переписчики испытывали те же чувства. И разные писцы прибавляли к Евангелию различные окончания. Окончание, ставшее в Средние века самым популярным, взято из рукописей, которыми пользовались переводчики Библии Короля Иакова в 1611 году, поэтому читатели английского перевода и знакомы именно с ним. В двенадцати добавленных стихах женщины (или, по крайней мере, Мария Магдалина) всё же идут и сообщают ученикам, которые затем встречают Иисуса и уверяются в его воскресении. Именно в этих стихах

содержатся известные слова Иисуса о том, что верующие в него могут говорить на иностранных языках, браться за змею и пить отраву, не причиняя себе вреда.

Но Иисус этих слов никогда не произносил и Марк их никогда ему не приписывал. Они были добавлены к Евангелию от Марка одним писцом и потом годами копировались другими [185]. Это сфабрикованная история, вставленная в Библию переписчиком, который фальсифицировал текст.

В новозаветных рукописях содержатся сотни значительных изменений, но я упомяну лишь ещё одно. Относительно предыдущих примеров кто-то может сказать, что эти фальсификации – не совсем то же, что и подлоги, поскольку оба Евангелия – как от Иоанна, так и от Марка – были анонимными произведениями. Чисто технически получается, что изменившие текст писцы не влагали собственных слов в уста чужого авторитета. Пожалуй, я бы оспорил это заявление, поскольку к тому времени, когда писцы вносили свои изменения, уже было принято считать эти Евангелия принадлежащими соответственно Марку и Иоанну. Но вот мой заключительный пример уже совершенно недвусмыслен, поскольку он касается одного из бесспорных посланий Павла.

Один из самых болезненных пассажей для женщин, желающих занимать в христианской церкви активную позицию, встречается в 1 Кор 14:34–35. Здесь Павел прямо говорит:

Жены ваши в церквах да молчат, ибо не позволено им говорить, а быть в подчинении, как и закон говорит. Если же они хотят чему научиться, пусть спрашивают о том дома у мужей своих; ибо неприлично жене говорить в церкви.

Женщины должны быть молчаливы и покорны своим мужьям. В церквах им вообще нельзя говорить. Это очевидным образом делает невозможным для женщин произнесение в церкви пророчеств, общих молитв и поучений. Женщинам даже спрашивать в церкви ничего нельзя.

Эти стихи весьма похожи на те, что можно прочитать в послании Павла, не являющимся подлинным – Первое Тимофею, которое, как мы видели в третьей главе, тоже предписывает женщинам безмолвие и покорность мужьям (2:11–15). Но так же, как 1 Тим является подложным, так и приведённый отрывок из 1 Кор является сфальсифицированным. Эти стихи из четырнадцатой главы не были написаны Павлом. Кто-то добавил их позже, когда послание уже ходило по рукам.

Учёные приводят много доводов в пользу этого мнения. Во-первых, видно, что рассматриваемые стихи разбивают тот отрывок, в котором они заключены. Непосредственно перед ними Павел говорит о пророчестве в церкви. Сразу после них он говорит о пророчестве. Но этот пассаж по поводу женщин прерывает ход рассуждения. Без него отрывок о пророчествах выглядит гораздо естественнее.

Кроме того, трудно поверить, чтобы Павел запрещал женщинам говорить в церкви именно здесь, в 1 Кор 14, поскольку лишь тремя главами ранее он им это позволял. В 1 Кор 11 Павел призывает женщин, молящихся и пророчествующих в церкви, делать это только с покрытой головой. Если в одиннадцатой главе им было позволено говорить, то как это может быть запрещено в четырнадцатой? Логичнее предположить, что правы те исследователи, которые не считают эти стихи оригинальной частью текста 1 Кор. Кто-то совершил фальсификацию, добавив в книгу собственные строки, и заставив её тем самым говорить в данном месте не то, что хотел сказать Павел, а то, что хотел сказать переписчик [186].

Плагиат

Плагиат подразумевает использование чужого текста под своим именем. Как я говорил в начале этой главы, он стал серьёзной проблемой в студенческой среде. Техника плагиата усовершенствовалась благодаря Интернету, в котором ах как просто найти множество текстов, написанных по множеству вопросов – если не полностью готовых рефератов требуемого объёма, то готовых кусков, которые легко скопировать и собрать воедино. К

счастью, технически усовершенствовались и методы обнаружения плагиата, так что многие профессора пользуются теперь сложным программным обеспечением для его выявления. Наказание может быть суровым. Из моего университета исключали любого, уличённого в плагиате. Не на день или два, а навсегда.

Учёные иногда говорят, что плагиат является современным феноменом, не имеющим предпосылок в древности. Например, несколько лет назад появилась влиятельная и популярная книга под названием Пять Евангелий, выпущенная исследовательской группой участников Семинара по Иисусу. В книге представлен результат многолетней работы учёных, которые пытались установить, какие из речений Иисуса в Евангелиях от Матфея, Марка, Луки, Иоанна и Фомы действительно могут быть отнесены к историческому Иисусу. Слова, которые, по мнению учёных, действительно были сказаны Иисусом, напечатаны там красным; слова, которые вполне вероятно могли быть им сказаны, напечатаны розовым; то, что вряд ли было сказано Иисусом, напечатано серым; то, чего он точно не говорил – чёрным.

Большинство евангельских речений оказались серыми или чёрными. Это многих возмутило. При этом ряд учёных, не участвовавших в проекте, больше заинтересовало, чьими же были слова, напечатанные чёрным. А лично мне кажется, что участники Семинара по Иисусу обычно совершенно неверно понимали, что же действительно говорил Иисус.

Кроме того, издание содержит как минимум одно утверждение, которое учёные назвали бы ляпом, – ошибка столь вопиющая, что её нельзя было ожидать от серьёзных исследователей. Она находится во вступлении и буквально гласит: «Понятие плагиата было неизвестно в Древнем мире» [187].

Я не представляю, как такое могло быть сказано людьми, которые когда-либо брали на себя труд ознакомиться с древними источниками. Это в корне неверно. Древние авторы прекрасно знали о плагиате и осуждали его как обман. Для начала взгляните на сказанное Витрувием, известным римским архитектором и инженером I в. до н. э., в седьмой книге его десятитомной работы по архитектуре: «…тех, кто обкрадывает [чужие] сочинения и выдаёт за свои, надо осуждать» [188]. Теперь возьмите комментарии Полибия, одного из великих древнегреческих историков, написанные сотней лет ранее, где говорится, что писатели его времени, которые брали работы более древних авторов и выдавали их за свои, вели себя «весьма предосудительно» [189].

Некоторые писатели возмущались, когда их собственные работы становились объектом плагиата. Остроумный римский поэт Марциал неоднократно высмеивал тех, кто воровал его стихи и публиковал их под собственным именем, выдавая за свои: «Не думай, скряга жадный, вор моих книжек, Что стать поэтом так же дешево стоит, Как переписка жалкого тебе тома: За шесть монет иль десять не купить «браво» [190].

Историк философии Диоген Лаэртский несколько раз упоминает о философах и литераторах, которые пытались выдать чужие украденные работы за свои, публикуя их, словно они были написаны ими. В числе таких плагиаторов был ученик Сократа по имени Эсхин, который взял несколько диалогов Сократа у его вдовы и объявил их собственными сочинениями. Был среди них и Гераклит, уже упомянутый в первой главе этой книги, который украл у другого писателя его сочинение о Гомере и Гесиоде, чтобы обнародовать в качестве своего. Попал в список и некогда учившийся у Пифагора философ Эмпедокл, который был «уличен в присвоении учения и отстранен от занятий» [191].

Плагиат является обманом наравне с подлогом, потому что пытается ввести читателей в заблуждение. Но в некотором смысле плагиат можно рассматривать как оборотную сторону подлога. Совершающие подлог выдают свои слова за чужие; плагиаторы берут чужие слова и выдают их за свои.

Интересно, стали бы учёные древности обвинять некоторых раннехристианских писателей в плагиате? Здесь всё не так просто, потому что возможные примеры плагиата

касаются присвоения анонимных текстов. Кроме того, плагиаторы и сами часто не называли своего имени, оставаясь анонимами или выдавая себя за других. Может ли подлог быть плагиатом? Почему нет?

Если так, что можно сказать о Втором послании Петра? Учёные давно увидели, что вторая и начало третьей главы очень похожи на Послание Иуды, где присутствует резкое нападение на оказавшихся в церкви лживых и аморальных людей. Очень близкое сходство прослеживается между Иуд 4-13, 16–18 и 2 Пет 2:1-18; 3:1–3. Там не так уж много явных буквальных повторений, но достаточно общих мыслей, идей и часто слов. Если современный студент перепишет чужой текст, изменив в нём много слов, но сохранив все его идеи, и при этом не укажет источник, он может быть обвинён в плагиате. Возможно, впрочем, что здесь всё не так очевидно.

А что тогда с Евангелиями? Ещё с XIX века учёные уверены, что Мф, Мк и Лк имеют так много общего (передают те же сюжеты, обычно в одинаковой последовательности, часто теми же словами) потому, что пользовались одними и теми же источниками. Сейчас действительно общепризнано, что одно из Евангелий послужило источником двум другим. Почти все учёные сходятся на том, что Мк использовался для написания Мф и Лк. Некоторые всё ещё придерживаются мнения, что Мф был источником для Мк и Лк, но таковых очень мало. В любом случае мы имеем дело с ситуацией, когда одни документы заимствовали текст у другого, часто дословно. Мы знаем, что ни один из авторов не называл себя. Получается, что позднейшие авторы не занимались плагиатом, поскольку они не публиковали чужую работу под своим именем. Но они заимствуют чужую работу и публикуют её как свою. Древние учёные, писавшие об этом феномене, всё же назвали бы это «воровством». На современном языке это лучше называть чем-то вроде плагиата.

Другие примеры не относятся к канону Нового Завета. Ранее в этой главе я говорил, что Евангелие Псевдо-Матфея заимствовало текст у Протоевангелия Иакова и обнародовало его в отредактированной форме (местами довольно существенно, а местами вообще без редакции), не упомянув об источнике. Ситуация во многом сравнима с тем, что авторы Мф и Лк сделали с Мк. Другая книга, упомянутая в первой главе, Апостольские Постановления, представляет собой ещё более вопиющий пример, поскольку почти полностью заимствует три более ранних документа: Дидахе (ок. 100 г. н. э.), Апостольское Предание (II в. н. э.), Дидаскалию (III в. н. э.), объединяет их в один большой и публикует так, словно бы вся информация была получена непосредственно от апостолов. А она была, говоря языком древних, просто украдена из более ранних текстов христианской традиции.

Заключение

Что можно сказать в заключение относительно рассмотренных здесь форм обмана? Ложные атрибуции, фабрикации, фальсификации, плагиат – всё это, конечно, призвано вводить в заблуждение. Те, кто читает книги, неверно приписанные апостолам либо их соратникам, содержащие или выдуманные истории, или изменённые переписчиками тексты, или отрывки, а то и цельные произведения, «украденные» у других авторов без указания источника, так вот те, кто их читает, тем или иным образом становятся жертвами обмана. Некоторые обманулись, посчитав названного автора настоящим сочинителем произведения, другие поверили в подлинность вымышленных событий, сочтя их историческими фактами. В каждом из этих случаев читатель заблуждался. Его обманули. И он по-прежнему продолжает обманываться, если думает, что сборщик податей Матфей написал первое Евангелие, что Павел наказал женщинам в церкви молчать и что автор 2 Пет предложил во второй главе собственные слова и идеи.

Однако всем этим примерам недостаёт одного ключевого аспекта, свойственного подлогам. Подлог практически всегда подразумевает откровенную ложь. Творцы подлогов называются чужими именами, зная при этом, что они лгут. А с явлениями, рассмотренными в этой главе, подобное случается далеко не всегда. Иногда анонимные работы приписывались

кому-то, кого приняли за их авторов, просто по ошибке. Возможно, иногда истории фабриковались с вполне невинной целью безо всякого намерения обмануть, как это обычно происходит с исторически недостоверными повествованиями. Иногда переписчики изменяли копируемый текст случайно и ненамеренно.

Другие случаи, однако, трудно назвать непреднамеренными. Богослов, желающий убедить оппонентов, что его мнение совпадает с апостольским, вполне может утверждать, что четвёртое Евангелие написано Иоанном, хотя и не знает, насколько это соответствует действительности. Рассказчик, выдумавший рассказ об Иисусе, чтобы доказать свою точку зрения, хорошо знает, что выдаёт вымысел за исторический факт. Переписчик, пожелавший придать документу смысл, которого в нём не было, сознательно изменяет текст в своих целях. В некоторых случаях невозможно представить, как без продуманных намерений мог появиться вводящий в заблуждение результат. Последние двенадцать стихов в Евангелии от Марка не были простой опиской автора.

Итак, в античной литературе существовал целый арсенал литературных способов ввести читателя в заблуждение, и некоторые христиане, силясь распространить свою веру, облеклись в их всеоружие. Современному читателю может показаться странным или даже противоречащим здравому смыслу, что религия, основывающая свою репутацию на обладании истиной, имела адептов, пытавшихся распространить своё понимание истины обманными путями. Но произошло именно это. Использование обмана для насаждения истины вполне можно считать одним из щекотливых парадоксов раннехристианской традиции.

8. Подлоги, ложь, обман и Писания Нового Завета

Когда мне приходится говорить на публике о тех книгах, которые не вошли в канон Нового Завета, люди часто спрашивают меня об апокрифических небылицах, которые им приходилось слышать. Что нам известно об «утерянных годах» Иисуса, о том провале во времени между его двенадцати– и тридцатилетием? Правда ли, что он был в Индии, где учился у браминов? Был ли Иисус ессеем? Правда ли, что сохранился его смертный приговор, подписанный Понтием Пилатом? И так далее.

Лишь немногие апокрифические сюжеты, которые людям сейчас доводится слышать, имеют древнее происхождение, как те, что рассматривались в этой книге. В наши дни они берутся в основном из современных подлогов, в которых якобы представлены исторические факты, скрывавшиеся от публики «в архивах Ватикана». На самом деле, конечно, эти таинственные сказания постоянно получали должное освещение как фальшивки, изготовленные благонамеренными или злокозненными сочинителями в девятнадцатом и двадцатом столетиях. Но доступность сведений об их происхождении практически не останавливает обычных людей от веры в них.

Современные подлоги, ложь и обман

Здесь мы рассмотрим четыре популярных подлога нашего времени, чтобы получить общее представление о вкусах широкой аудитории. Как и многие другие, эти четыре подробно разобраны и полностью разгромлены в двух интересных книгах, написанных добросовестным исследователем христианских древностей Эдгаром Гудспидом, выдающимся американским учёным-новозаветником середины XX века, и Пером Бесковым, шведским исследователем раннехристианских текстов, работавшим в 1970-х гг [192].

Неизвестная жизнь Иисуса Христа

Из числа современных подлогов Неизвестная жизнь Иисуса Христа наиболее распространена [193]. Согласно этой истории, Иисус подростком отправился в Индию и все «утерянные годы», предшествовавшие его публичному служению, провёл там за изучением секретов Востока. Появившись в Англии в 1926 году, она произвела большой резонанс, но

оказалось, что её подложность была установлена ещё несколькими десятилетиями ранее. Читающая публика, должно заметить, не обладает широким кругозором.

Впервые книга была опубликована во Франции в 1894 г. под названием La vie inconnue de Jйsus Christ русским военным корреспондентом Николаем Нотовичем. Почти сразу её начали широко издавать и переводить. Лишь за один год книга выдержала восемь изданий во Франции, была переведена на немецкий, итальянский и испанский языки. Одно издание вышло в Англии, и три отдельных издания – в США.

Книга состоит из 244 параграфов, организованных в четырнадцать глав. Начинается книга рассказом Нотовича о том, как он «открыл» её. В 1887 г. он якобы путешествовал по Индии, был в Кашмире и там услышал от тибетского ламы истории о пророке по имени Исса (неточно арабизированная форма имени Иисус). Дальнейшие странствования привели его в Ладакх, на границу Индии и Тибета, в известный буддийский монастырь Химис-Гомпа. Там ему рассказали другие истории вдобавок к ранее услышанным и сообщили, что сохранились записи о жизни Иссы.

Не узнав больше ничего, Нотович покинул монастырь. Но через пару дней с ним случилась неприятность – он упал с лошади и сломал ногу. Его доставили на поправку обратно в монастырь. Находясь там на излечении, он близко сошёлся с местным настоятелем. Когда Нотович поинтересовался у него историями об Иссе, тот согласился рассказать их полностью и представил два объёмистых тома, написанных в Тибете. В присутствии переводчика, объяснявшего текст, монах стал громко зачитывать их вслух, а Нотович записывал.

Неизвестная жизнь Иисуса Христа – это те самые записи, якобы сделанные Нотовичем, только в уже оформленном для публикации виде. Согласно им, тринадцатилетний Иисус пристал к каравану торговцев, чтобы попасть в Индию для изучения «законов Будд». Шесть лет он провёл среди браминов, изучая их священные книги – Веды. Но Иисус был совершенно разочарован индийской кастовой системой, так что пришёл к её открытому осуждению. Это вызвало гнев браминов, решивших убить Иисуса.

Иисус же скрылся от них, примкнул к буддистам, от которых научился пали – языку раннего буддизма, и овладел их древними текстами. Затем он побывал в Персии и проповедовал зороастрийцам. Наконец, уже двадцатидевятилетним, вооружённый всеми тайными знаниями Востока, он вернулся в Палестину и начал своё общественное служение. В конце повествования даётся обзор слов и деяний Иисуса, а также приводится краткий рассказ о его смерти. Впоследствии история его жизни была якобы рассказана в Индии еврейскими торговцами, где знавшие Иссу ещё юношей сообразили, что это один и тот же человек. Тогда они и записали историю полностью.

Хотя Неизвестная жизнь Иисуса Христа напоминает, скорее, второсортный роман, она была опубликована как исторически достоверная информация и широко воспринята в качестве ответа на вопрос об «утерянных годах» Иисуса, которым давно задавались христиане. Чем он занимался в эти годы? И как он приобрёл такие обширные и интересные религиозные познания до своей публичной проповеди?

Однако учёные, которых интересуют факты, довольно быстро задались вопросами к этой книге и разоблачили её как мистификацию. За неё взялся такой известный авторитет, как Макс Мюллер – величайший европейский специалист-индолог конца XIX столетия, который показал, что сказка об «открытии» книги, равно и рассказанные в ней истории, абсолютно неправдоподобны. Если эта великая книга почиталась в монастыре Химис, то почему её нет в полном каталоге тибетской литературы? Каким образом еврейские торговцы, отправившиеся в Индию с рассказами об Иисусе, среди многомиллионного населения Индии напали именно на тех браминов, которые знали юного Иссу? И как прежнее окружение Иссы в Индии осознало, что распятый человек – это не кто иной, как их бывший ученик?

В 1894 году англичанка, прочитавшая Неизвестную жизнь, посетила монастырь Химис. Там она навела справки и узнала, что там никогда не было никакого русского, никто никогда не лечил сломанную ногу и что у них нет книг с описанием жизни Иссы. Годом позже учёный по имени Арчибальд Дуглас посетил настоятеля и лично переговорил с ним. От него он так же узнал, что за те пятнадцать лет, что настоятель возглавляет монастырь, там не было никакого европейца со сломанной ногой. Кроме того, будучи сорок два года ламой, хорошо знакомым с буддистской литературой, он никогда не читал вслух книг про Иссу европейцу или кому бы то ни было ещё и вполне уверен, что в Тибете не существует такой книги, как Неизвестная жизнь.

Прочие внутренние несогласованности и недостоверные моменты книги продемонстрированы Гудспидом и Бесковым. Сегодня нет ни одного серьёзного учёного на планете, у которого были бы какие-то сомнения по этому вопросу. Вся история выдумана Нотовичем, заработавшего на своей мистификации приличную сумму денег и определённую скандальность репутации.

Распятие на кресте глазами свидетеля

Столь же интересный современный апокриф Распятие на кресте глазами свидетеля касается уже не молодых лет Иисуса, предшествовавших его общественной проповеди, а его смерти и того, что за ней последовало [194]. Рассказ представлен в виде письма, написанного на латыни главой таинственной иудейской секты ессеев в Иерусалиме главе ессеев в египетской Александрии через несколько лет после распятия Иисуса. Описание жизни и смерти Иисуса лишено каких бы то ни было элементов сверхъестественности. Здесь говорится о его совершенно обычной человеческой жизни и человеческой смерти. Только не на кресте. Иисус пережил своё распятие и жил после него ещё шесть месяцев.

Впервые данная история была опубликована в Германии, в городе Лейпциге в 1849 году. Английские издания, все претендующие на подлинность истории, выходили в 1907, 1919 и 1975 гг. Были также переводы на французский и шведский языки.

Это письмо на латыни якобы было обнаружено в виде пергаментного свитка в старом греческом монастыре Александрии неким миссионером, который счёл послание таящим в себе опасность и попытался уничтожить его. Однако оно было спасено образованным французом, который перевёл письмо на немецкий. Затем перевод был доставлен в Германию масонами. Масонам в этой истории отводится роль современных наследников ессеев.

Согласно рассказу, Иисус и сам был ессеем. Когда его распяли, сообщает «свидетель», он не умер на кресте. Он был вовремя с него снят и возвращён к жизни Иосифом Аримафейским и Никодимом, которые тоже были ессеями и которые использовали тайную практику целительства своей секты. Посетившие гроб женщины приняли за ангелов ессейских монахов в белых облачениях. Женщины ошибочно решили, что Иисус воскрес, в то время как он вообще не умирал. Скончался он лишь полгода спустя от полученных ран.

Учёным было несложно определить ещё одну подделку. «Свидетель», который был якобы ессеем, не имел ни малейшего понятия, что на самом деле представляли из себя ессеи. Сегодня нам известно об этой иудейской группе довольно много благодаря рукописям Мертвого моря, которые не были доступны фабрикатору, поскольку их открытие произошло почти через сто лет после создания подлога. Касательно ессеев этой истории ничто не соответствует историческим реалиям. Например, иерусалимские ессеи ну никак не могли писать письмо на латыни.

Есть и другие существенные проблемы. В рассказе говорится, что он был написан через семь лет после распятия, но при этом поименно называются Евангелия от Матфея, Марка, Луки и Иоанна, которые были написаны через сорок-шестьдесят лет после смерти Иисуса. Кроме того, эти книги не выделялись в особую группу (Четвероевангелие) до конца второго

столетия. Наконец, исключение из истории всего сверхъестественного представляет собой вовсе не древнее, а вполне современное явление, возникшее после эпохи Просвещения.

И в самом деле один современный учёный показал, откуда пришла идея, да и сама история тоже. В 1936 году известный немецкий учёный-новозаветник Мартин Дибелиус наглядно продемонстрировал, что Распятие на кресте было практически целиком утащено из ныне малоизвестного двухтомника Естественная история великого пророка из Назарета, написанного в жанре исторической фантастики немецким рационалистом К.Х. Вентурини в 1800–1802 гг. Иисус здесь также представлен ессеем, в жизни которого не было ничего сверхестественного и который в действительности не умер на кресте, а был приведён в чувство Иосифом Аримафейским. Автор Распятия на кресте просто взял работу Вентурини, сделал из двух томов удобочитаемую брошюру и попытался выдать её за исторический документ, который на самом деле представлял собой современную фабрикацию.

Смертный приговор Иисусу Христу

Одним из удивительных и для многих неожиданных фактов из истории первого столетия будет то, что у нас нет абсолютно никаких римских записей, которыми бы подтверждалось существование Иисуса. У нас нет ни свидетельства о рождении, ни упоминаний о его словах или деяниях, ни отчётов о суде над ним, ни описаний его смерти – никаких упоминаний о нём какого бы то ни было свойства, формы или характера. Даже имя Иисуса не упоминается ни в каких римских источниках первого века [195]. Это не значит, будто Иисус вовсе не существовал, как это заявляется теперь с тревожной регулярностью. Конечно же, он существовал, и, основываясь на вполне ясных и очевидных свидетельствах, с этим соглашаются практически все компетентные специалисты по Древнему миру, как христианские, так и нехристианские. Просто как и громадное большинство людей, живших и умерших в первом столетии, Иисус не попал в записи римлян.

Вот почему в середине XIX века объявление о мнимом открытии официальной копии Смертного приговора, выданного Пилатом, вызвало такой большой резонанс в Европе и Соединённых Штатах [196]. Первой об открытии сообщила французская газета Друа весной 1839 года. Быстро выяснилось, что это мошенничество, но через десять лет сообщение вновь всплыло на поверхность в Германии, чтобы уже затем на протяжении десятилетий систематически появляться по всему миру, включая Соединённые Штаты.

Смертный приговор был якобы обнаружен на медной табличке, найденной на юге Италии в городе Аквиле, что не так далеко от Неаполя, аж в 1280 году. Будто бы группа рабочих производила раскопки в поисках римских древностей и нашла античную мраморную вазу. Внутри вазы была медная табличка с еврейскими письменами. Когда текст перевели, то он оказался копией официального смертного приговора Иисусу, выданного Понтием Пилатом. На обороте содержался приказ о рассылке приговора всем коленам Израиля.

Табличку якобы потеряли, чтобы заново открыть во времена французской оккупации Неаполитанского королевства в 1806–1815 гг. Когда о ней сообщили, то провозгласили её «самым впечатляющим из существующих юридических документов». В тексте «Понтий Пилат, действующий правитель нижней Галилеи» объявляет, что «Иисус из Назарета приговаривается к смерти на кресте». Всё это случилось будто бы 27 марта в семнадцатый год правления императора Тиберия (31 г. н. э.) «в святом граде Иерусалиме».

Поводом для смертного приговора явились шесть преступлений, совершённых Иисусом. Он сеял соблазн, выражал непокорство властям, противился закону, ложно назвался Сыном Божьим, объявил себя царём Израиля, вошёл в храм в сопровождении множества народа с пальмовыми ветвями. Приговор подписан четырьмя свидетелями: Даниилом Ровани, Иоанном Ровани, Рафаилом Ровани и «горожанином Капетом» [197].

Эдгару Гудспиду, как учёному высокой квалификации, не составило труда продемонстрировать, что весь этот документ является мистификацией. Римским властям не

имело смысла обосновывать перед иудеями обвинение преступника или рассылать это обоснование «коленам Израиля», которых к тому времени уже много веков не существовало. Пилат, будучи римским правителем, не стал бы писать на неизвестном ему еврейском языке. Пилат управлял не нижней Галилеей, а Иудеей. Не будучи иудеем, он никогда бы не назвал Иерусалим «святым градом». 27 марта – современная форма указания даты, неизвестная Древнему миру. Слово «Ровани», которым обозначено три свидетеля, по всей видимости, является ошибочной формой слова «раввин», означающего «учитель». Вероятно, автор допустил эту ошибку, потому что в звательном падеже (см. например, Ин 20:16) слово пишется как «раввуни». Иоанн не является древним именем ни в одном из близких языков [198]. Капет – французское имя. А еврейского слова «горожанин» не существует вообще.

Там много других проблем, но для иллюстрации случая упомянутого достаточно. Тот, кто сочинил эту историю, справился со своей задачей плохо, хотя его мистификация и имела широкий успех в Европе и Соединённых Штатах на протяжении почти ста лет.

Давно утраченная вторая книга Деяний

В 1904 году англиканский священник и врач Кеннет Сильван Гатри опубликовал книжку под названием Давно утраченная вторая книга Деяний, в которой, помимо прочего, описывается учение Марии, матери Иисуса, о реинкарнации [199]. «Второй книгой» Деяний она названа потому, что начинается с описания происшедшего с апостолом Павлом после событий, рассказанных в новозаветной книге Деяний.

Освободившись из римского заключения, упомянутого в Деян 28, Павел якобы собирается в Испанию, а затем в Британию. Но в конце концов передумывает и отправляется в Палестину. Там он идёт в Иерусалим, в дом апостола Иоанна, где находит Марию, мать Иисуса, и ещё семь учеников. Будучи уже старой женщиной, Мария молится о ниспослании ей смерти, и появившийся архангел Гавриил возвещает, что её молитва услышана.

Размышляя на смертном одре о конечности жизни, Мария открывает собравшимся тайное учение о реинкарнации. Сама она пережила семь воплощений. В числе прочих инкарнаций она побывала женой Ноя, женщиной, любившей Заратустру, другой, любившей Будду, и той, что любила Сократа.

Перед смертью Марии поднимается буря, она берёт учеников и ведёт их на Масличную гору. С небес появляется Иисус и принимает её на свои руки. Своим ученикам он сообщает, что у него тоже было семь инкарнаций, в числе которых Авель, Ной, Заратустра и Сократ.

Книга является столь очевидной выдумкой, что тяжело представить, как её автор мог предполагать, будто кто-то воспримет её всерьёз. Хотя кто разберёт эту читающую публику? Во всяком случае, Гудспид посчитал, что это «современная попытка заявить об учении о перевоплощении, как о подтверждённом Девой Марией и Иисусом», и что «Гатри не сомневался в прозрачности вымысла, неспособного ввести кого-либо в заблуждение» [200].

Прочие выдумки и мистификации

Конечно же, существует много других современных апокрифов, пытающихся рассказать свою историю Иисуса и его окружения. Книга Исповедь Понтия Пилата повествует о ссылке Пилата в Вену, где он переживает глубокое раскаяние за содеянное с Иисусом и в конце концов совершает самоубийство. Между прочим, в книге использован сюжет, в котором Мария Магдалина дарит императору Тиберию красное пасхальное яйцо [201]. В Евангелии святой Двунадесятицы Иисус поддерживает строго вегетарианский взгляд вопреки тем, кто убивает и ест животных. В этой бойкой истории на Пасху Иисус не ест агнца, а множество народа оказывается накормленным им не пятью хлебами и двумя рыбами, а пятью дынями [202].

Стоит заметить, что мистификации создаются не только какими-то непонятными личностями, пытающимися придать сенсационность своим историям об Иисусе (Иисус учился

с браминами!) или продвинуть собственные взгляды (Иисус был вегетарианцем!), но и учёными, имеющими какие-то свои непонятные цели.

Одной из самых популярных книг об Иисусе в 1960–1970 гг. был бестселлер Хью Шонфилда Заговор в Пасху: Новая интерпретация жизни и смерти Иисуса [203]. Шонфилд был блестящим признанным исследователем древнего иудаизма, абсолютно достойным доверия как учёный. Но его историческая реконструкция событий, произошедших с Иисусом, больше похожа на голливудский сценарий, чем на серьёзное исследование.

Вкратце история такова: Иисус с ранних лет «знал», что он мессия, и во время своего общественного служения управлял событиями так, чтобы они выглядели исполнением пророчеств. В частности, он сговорился со своими учениками инсценировать собственную смерть за чужие грехи. На кресте ему дали снадобье (под видом желчи и уксуса), под действием которого признаки жизни практически исчезли, и все приняли его за мертвого. Затем его должны были привести в чувство, чтобы инсценировать воскресение. Но план провалился. Иисус не рассчитывал, что римский солдат пронзит его копьём на кресте. Он пришёл в себя лишь ненадолго и был извлечён из гробницы по предварительному сговору с сообщниками (не из учеников). Вскоре он скончался от полученных ран и был перезахоронен в каком-то другом месте. Ученики же нашли гробницу пустой и ошибочно решили, что позже видели Иисуса живым. Тогда они объявили, что он воскрес из мертвых. Так зародилось христианство.

Конечно, Заговор в Пасху – это не подлог. Автор книги, пишущий от своего имени, серьёзный историк и даёт свои читателям это понять. И это не вполне фабрикация, писатель говорит, что его повесть основана на исторических исследованиях. Более того, он представляет её в качестве исторического труда. Но при всей своей креативности главный посыл книги абсолютно вымышлен, в нём нет никакой исторической правды.

Последний пример, который можно привести, снова касается одного из действительно выдающихся учёных, специалиста по раннему христианству, профессора Колумбийского университета Мортона Смита. Смит объявил, что им найден утерянный альтернативный вариант Евангелия от Марка. Отчёт о находке он опубликовал в 1973 г. в двух томах, где первый представлял собой похожую на детектив повесть для широкой публики, а второй – огорошивающую научную монографию для специалистов [204]. Там Смит заявил, что в 1958 году, посещая монастырь близ Иерусалима, он нашёл рукописную копию письма на греческом языке, принадлежащего отцу церкви II в. Клименту Александрийскому, в котором тот сообщал, что автор Мк опубликовал вторую редакцию своего Евангелия. Как стало известно, это «Тайное Евангелие» включало пару историй, которых не было у Марка, историй загадочных и странных, об Иисусе и его отношениях с воскрешённым им молодым человеком.

Смит утверждал, что это были отношения гомосексуального характера, свидетельствующие о том, будто бы Иисус вступал в сексуальный контакт с обнажёнными мужчинами, которых он крестил во время своего служения. Стоит ли говорить, какой переполох вызвала книга Смита. Его учёный труд предоставлял серьёзные свидетельства в пользу, что письмо Климента Александрийского было подлинным и что сам Климент действительно знал о таком Евангелии. Но после смерти Смита в 1991 г. ряд учёных выступил с заявлением, что письмо не является подлинным, что оно сфабриковано не кем иным, как самим Смитом. Не так давно на эту тему вышло две книги, в которых делается одинаковый вывод, хотя и на различных основаниях [205]. Другие учёные, включая тех, кто хорошо знал Смита, думают иначе, так что споры продолжаются [206].

Подлоги, ложь и обман в христианстве

Тема современных мистификаций возвращает меня к вопросу, которым я постоянно задавался в течение этой работы: «Кто способен на такие вещи?» Надеюсь, теперь вы согласитесь с моим прежним ответом: «Да многие». И по многим причинам. И не только наши

современники. У нас есть примеры христианских подлогов не только из нашего времени, но и из Средневековья, поздней античности, времён Нового Завета. С первого и по двадцать первое столетие люди, называющие себя христианами, оказывались весьма способными фабриковать, фальсифицировать и подделывать документы главным образом для того, чтобы обосновать мнение, которое они хотели видеть общепринятым.

Конечно, для меня в этой книге особый интерес представляют подлоги раннехристианского периода. Нет сомнений, что их было очень много. Сохранилась лишь какая-то часть из тех, что были созданы в древности, а подавляющее большинство было утрачено или уничтожено. Но и оставшегося достаточно, чтобы получить представление, насколько широко применялись подлоги. Мы видим множество евангелий, посланий, трактатов и откровений, которые якобы написаны людьми, на самом деле не писавшими их. Авторы, назвавшиеся Петром, Павлом, Иоанном, Иаковом, Филиппом, Фомой и ещё кем угодно, прекрасно сознавали, что они ими не были. Они лгали на сей счёт для того, чтобы ввести читателей в заблуждение относительно авторитетности авторов.

Некоторые из этих текстов вошли в Библию. Например, есть новозаветные послания, претендующие на авторство Петра и Павла или Иакова и Иуды. Однако данные произведения написаны другими неизвестными людьми уже после смерти этих апостолов. Когда их настоящие авторы присвоили себе имена апостолов, они сознательно пошли на обман. Подобная практика широко обсуждалась в Древнем мире и практически всегда осуждалась как порочная, незаконная и просто лживая. Но авторы всё равно прибегали к ней.

Я не говорю, что те, кто занимался подобной деятельностью, шли против своей совести. Нам не дано знать, что они думали о себе и о своём занятии на самом деле. Нам известно лишь то, что когда древние говорили об этом, они не говорили ничего хорошего. Подложные книги они признавали преступными фальшивками.

Но мы понимаем, что сами авторы видели проблему иначе. Во всех известных нам случаях поимки их за руку они пытались оправдаться. Во втором столетии автор, сфабриковавший историю Павла и Феклы, о которой мы уже говорили, заявил, что сделал это из «любви к Павлу». В пятом веке марсельский подделыватель Сальвиан оправдывался тем, что не думал причинить этим никому вреда и не предполагал, что кто-то действительно сочтёт автором апостола Тимофея. Кроме того, никто бы не воспринял всерьёз книгу, написанную Сальвианом, в то время как книгу Тимофея читали бы все (см. первую главу).

Вполне возможно, что многие авторы как канонических, так и апокрифических текстов, рассмотренных здесь, считали свою деятельность абсолютно оправданной. Если так, то они лишь придерживались древнего взгляда, и поныне свойственного многим людям, что в некоторых случаях ложь оправдана (об этом говорилось в первой главе). В Древнем мире этот взгляд основывался на идее, что возможна «ложь во спасение» – ложь, служащая благородным целям. Если бы врачу пришлось солгать для того, чтобы заставить пациентку принять нужное ей лекарство, это был бы полезный обман. Если бы главнокомандующему пришлось солгать войскам о прибывающем подкреплении для того, чтобы воодушевить их сражаться храбрее, это бы послужило во благо. Иная ложь служит во спасение.

Но часть христианских писателей, из которых наиболее заметен Августин, заняла диаметрально противоположную позицию, поскольку утверждала неприемлемость любых форм обмана. Полную неприемлемость. Совершенно абсолютную неприемлемость. Нельзя быть вовлечённым в ложь несмотря ни на что. Согласно Августину, даже если твоя ложь гарантированно защитит родную дочь от адского пламени и обеспечит ей райское блаженство, это недостаточный повод, чтобы лгать. Лгать нельзя никогда, точка.

Большинство христиан древности было не согласно с Августином, отчего последнему и приходилось так энергично отстаивать свою позицию. И большинство наших современников тоже скорее не согласится с ним. Большинство из нас рассматривает ложь как неоднозначное

явление. Моралисты, философы и богословы по сей день не договорятся, когда ложь приемлема, а когда нет [207]. И в конечном счёте данный вопрос каждому из нас приходится решать самостоятельно, каждый раз сообразуясь со спецификой ситуации и конкретными обстоятельствами. Возможно, иногда соврать нелишне.

Возможно, нелишне родителям солгать детям насчёт своей веры и сказать им, что Бог существует, хотя сами они так и не думают. Возможно, супруге будет нелишне солгать мужу насчёт своих внебрачных увлечений, если это избавит супруга от смятения и боли. Возможно, нелишне солгать своему родителю насчёт послеоперационного прогноза, если это избавит его от беспокойства о преждевременной смерти. Возможно, церковным пастырям будет нелишне солгать своим общинам насчёт собственных религиозных убеждений и неблаговидного прошлого, если им требуется сохранить респектабельный вид перед паствой. Возможно, властям предержащим нелишне солгать о финансах и бюджете, о дефиците и профиците, о возможных последствиях политического курса, иностранном шпионаже или известных результатах военных операций, если цели достаточно важны, чтобы сказать ложь вместо правды.

А если в ложь в некоторых случаях может быть оправдана, то разве может представиться лучший случай, чем возможность заставить людей понять истину и уверовать в неё? Что может быть разумнее написания книги, в которой используется ложь по относительно неважному вопросу (кто на самом деле написал её) для того, чтобы достичь действительно важной цели (утверждения истины)?

С другой стороны, авторы, фальсифицировавшие эти тексты, возможно, были неправы. Возможно, им не стоило пытаться обмануть читателей. Возможно, всегда лучше говорить правду, держаться истины, быть готовым принять последствия собственной честности, даже если последствия своего лукавства выглядят предпочтительнее.

Возможно, детям лучше знать, во что верят их родители на самом деле. Возможно, супруге лучше честно сказать о своих внебрачных связях, чем жить в атмосфере лжи и недоверия. Возможно, умирающему родителю (или другому близкому родственнику, или кому бы то ни было ещё) лучше знать о неотвратимости своей смерти, чтобы он или она могли приготовиться к неизбежному. Возможно, пастырям лучше не вводить свою паству в заблуждение, а честно сказать о том, что составляет действительность (будь то церковные финансы или собственные грехи) или предмет их веры (будь то Бог или Библия). Возможно, властям предержащим лучше признаться и сказать правду, нежели вводить нас в заблуждение, получая тем полномочия творить на собственной или чужой территории то, что им так страстно желается. Возможно, что правда вообще лучше лжи.

Без сомнения, в большинстве случаев большинство людей настоящего, прошлого и очень далёкого прошлого понимали, что временами правильнее и полезнее солгать, если это поможет, например, спасти чью-то жизнь или предотвратить ущерб здоровью. Но в действительности мы лжём в основном по более мелким поводам. Конечно же, ложь, пущенная фальсификаторами раннехристианских текстов, не имела цели спасти жизнь и здоровье. Её целью было ввести читателей в заблуждение, заставив их считать авторов текстов определёнными авторитетными фигурами. Если бы тексты принадлежали достойным доверия авторитетам, то сказанное в них о том, как жить и во что верить, было бы истинно. Так истинные учения основывались на обмане.

При этом авторы подлогов, без сомнения, ничем не отличались от остальных людей древности и современности. Скорее всего, они тоже не хотели, чтобы им лгали и обманывали. Но в своих личных целях они убеждённо лгали и обманывали других. Получается, что они не соблюдали фундаментальный принцип христианской традиции, которому учил сам Иисус: «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними». Возможно, они сочли, что к их обстоятельствам это Золотое Правило не подходит. И если это так, то становится вполне понятно, почему столько книг

Нового Завета претендуют на апостольское авторство, в то время как написаны они были совсем другими людьми.

Примечания

1

Здесь я говорю только об ортодоксальных взглядах, которые победили в результате христианских споров о вере. Было множество христиан, которые верили иначе, и в дальнейшем о них будет сказано особо. Более подробно см. мою книгу Lost Christianities: The Battles for Scripture and the Faiths We Never Knew (New York: Oxford University Press, 2003).

2

Например, см. Ириней Лионский, Против ересей 3.2–4; 4.26; см. также Тертуллиан, О прескрипции против еретиков.

3

Именно поэтому, как мы увидим, в древнем христианстве существует такая тесная связь между содержанием текста и его авторством. Было принято считать, что если текст предлагает «ложное учение», то он, очевидно, не мог принадлежать признанному авторитету. Иными словами, решение об авторстве часто принималось на основании приемлемости предлагаемого учения. См. обсуждение Евангелия Петра во второй главе книги.

4

Компетентный анализ истории с дневниками Гитлера, представленный талантливо и с большими подробностями, содержится в книге Robert Harris, Selling Hitler (New York: VikingPenguin, 1986).

5

Для знакомства с захватывающим повествованием одного из самых сведущих экспертов по подделкам, см. Charles Hamilton, Great Forgers and Famous Fakes: The Manuscript Forgers of America and How They Duped the Experts, 2nd ed. (Lakewood, CO: Glenbridge, 1996).

6

Диоген Лаэртский, О жизни философов, 5.6. Ниже перевод стихов М.Л. Гаспарова.

7

Собрание самых интересных см. в Bart D. Ehrman, Lost Scriptures: Books That Did Not Make It into the New Testament (New York: Oxford University Press, 2003). Более полную подборку см. в J. K. Elliott, The Apocryphal New Testament (Oxford: Clarendon, 1993).

8

Тертуллиан, О крещении, 17. См. также обзор древних вымыслов о Павле в главе 3.

9

По моему личному подсчёту.

10

Как мы позже увидим в третьей главе, некоторые ученые полагали, что якобы поддельное послание, о котором говорит автор 2 Фес, не что иное, как 1 Фес!

11

Евсевий, Церковная история, 7.25.

12

Иероним, О знаменитых мужах, 4.

13

Дидим Слепец, Комментарии к Соборным посланиям, см. Migne’s Patrologia Graeca 39, 1774.

14

Климент Александрийский, Строматы, 2.52.6

15

Совсем недавно об этом говорил Clare Rothschild в работе Hebrews as Pseudepigraphon: The History and Significance of the Pauline Attribution of Hebrews (Tubingen: Mohr Siebeck, 2009).

16

Правда, относительно Ксенофонта может возникнуть вопрос. Согласно Плутарху, он использовал псевдоним, чтобы его работа вызвала больше доверия, нежели написанная от первого лица. Если так, то его пример находится, что называется, «на грани».

17

Причины полагать, что соответствующее Евангелие не было написано апостолом Матфеем, изложены в главе 7. Более глубоко исследование проблемы см. John Meier, «Matthew, Gospel of», Anchor Bible Dictionary (New York: Doubleday, 1992), 4:618–41.

18

См. комментарии Галена к труду Гиппократа О природе человека, 1.42

19

Смит написал две книги о своем открытии и его важности для понимания раннего христианства и исторического Иисуса: довольно интригующая история для широкой публики в детективном стиле – The Secret Gospel: The Discovery and Interpretation of the Secret Gospel of Mark (New York: Harper & Row, 1973), и огорошивающий для учёной аудитории анализ Clement of Alexandria and a Secret Gospel of Mark (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1973). Однако в последние годы наблюдается всплеск публикаций, утверждающих, что Смит просто сфабриковал документ. См. Stephen Carlson, The Gospel Hoax: Morton Smith's Invention of Secret Mark (Waco, TX: Baylor University Press, 2005); и Peter Jeffries, The Secret Gospel of Mark Unveiled: Imagined Rituals of Sex, Death, and Madness in a Biblical Forgery (New Haven, CT: Yale University Press, 2007). См. также обсуждение в восьмой главе.

20

Иосиф Флавий, Иудейские войны, 1.26.3.

21

См. Wolfgang Speyer, Die literarische Falschung im heidnischen und christlichen Altertum (Munich: Beck, 1971), 145.

22

Марциал, Эпиграммы 7.12; 7.72; 10.3; 10.33. Конечно, я не говорю, что в этом или любом другом случае нам точно известны подлинные мотивы подделывателей. Мы точно знаем лишь то, что так видел их мотивы сам Марциал.

23

Диоген Лаэртский, О жизни философов, 10.

24

Павсаний, Описание Эллады, 6.18.5.

25

Написанный неизвестным Иоанном новозаветный Апокалипсис является здесь крайне редким исключением.

26

Одно из самых интересных в этом смысле рассуждений содержится в наследии отца церкви Тертуллиана, который задаётся вопросом, каким образом книга, написанная Енохом, который, как известно, никогда не умирал, но был взят на небо живым во времена седьмого

поколения от Адама, могла сохраниться вплоть до времени самого Тертуллиана. Поскольку человечеству пришлось пережить потоп во времена Ноя, то книга неминуемо должна была погибнуть. И Тертуллиан находит своё объяснение, как книга пережила потоп. Зачем Тертуллиану вообще нужно было пытаться это объяснить? Затем, что он в самом деле верил, будто книга написана Енохом. Тертуллиан был далеко не глуп – это был выдающийся интеллектуал третьего столетия христианства. Просто современные ученые не могут подходить со своими мерками к древним и ожидать от них достаточно ясного взгляда на хитрости апокалиптических подделок, позволяющего распознать обычную заданность жанра.

27

Порфирий, Введение, пролег. I.

28

Письмо и комментарии к нему см. в A. E. Haefner, «A Unique Source for the Study of Ancient Pseudonymity», Anglican Theological Review 16 (1934): 8–15.

29

Ученые, пишущие о христианских псевдоэпиграфах, почти всегда упоминают, что автор так называемых Деяний Павла (или Деяний Павла и Феклы) был пойман и наказан. Это действительно так, но его преступление заключалось не в подлоге. Как я указываю в третьей главе более подробно, Деяния Павла не претендуют на авторство Павла. Автор был наказан не за то, что назвался Павлом, чего не было, а за то, что выдумал небылицу, которую пытался выдать за историческую хронику.

30

Anthony Grafton, Forgers and Critics: Creativity and Duplicity in Western Scholarship (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1990).

31

См. Raffaella Cribbiore, Gymnastics of the Mind: Greek Education in Hellenistic and Roman Egypt (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001).

32

В главе 4 будут представлены и другие версии, пытающиеся представить такую практику более вероятной и включающей доводы, будто очевидные подделки могут быть оправданы наличием у авторов секретарей, которые имели свой литературный стиль и излагали сказанное им авторами в собственной манере.

33

К тому же некоторые античные авторы характеризовали сочинение кем-либо текстов под чужим именем при помощи греческих и латинских эквивалентов наших глаголов «сделать» (в смысле «создать», «придумать») или «подделать» (т. е. «сфабриковать»).

34

Самому полному исследованию уже сорок лет, но с ним пока ещё никто не сравнился и тем более не превзошёл. Большинство специалистов по Новому Завету, увы, никогда не читали его: Wolfgang Speyer Die literarische Falschung im heidnischen und christlichen Altertum. Тоже заслуживает внимания, хотя и не в такой степени, Norbert Brox, Falsche Verfasserangabe: Zur Erklarung der fruhchristlichen Pseudepigraphie (Stuttgart: KBW, 1975). Вместе с работой Armin Baum, Pseudepigraphie und literarische Falschung im fruhen Christentum (Tubingen: Mohr Siebeck, 2001) можно получить максимально полный обзор о всех древних источниках по подлогам. И все они согласны в том, что подделыватели намеренно обманывали своих читателей.

35

Геродот, История, 7.6.

36

Плутарх, Дельфийский оракул, 407B.

37

Афиней, Пир мудрецов, 13.611B.

38

Speyer, Die literarische Falschung, 3

39

Аристотель, Никомахова этика, 4.7.

40

Ксенофонт, Воспоминания о Сократе, 4.2.14–18.

41

Платон, Республика, 382C, 389B. Гелиодор, Эфиопика, I.26.6.

42

Наиболее полное и убедительное исследование взглядов Августина на ложь см. в David J. Griffiths, Lying: An Augustinian Theology of Duplicity (Grand Rapids, MI: Brazos, 2004).

43

Иероним, Против Руфина, 1.18, упоминание об утраченной книге Оригена Строматы. Климент Александрийский, Строматы, 7, 9, 53, 1–4.

44

Есть и развернутая версия, согласно которой отец заключает Джорджа в объятия за то, что у него хватило духу признаться перед лицом угрозы наказанием, и благодарит Небо за такого сына.

45

Есть много интересных книг о лжи, рассчитанных на широкую аудиторию. Из них я бы выделил Sissela Bok, Lying: Moral Choice in Public and Private Life, 3rd ed. (New York: Vintage, 1999).

46

О лжи в античности см. подборку работ в Christopher Gill and T. P. Wiseman, eds., Lies and Fiction in the Ancient World (Austin: University of Texas Press, 1993).

47

Исключения могут касаться фэнтези или научной фантастики, но даже там правдоподобие играет важную роль; конечно, совсем другое дело – это постмодернистские романы.

48

Полибий, Всеобщая история, 2.56, перевод Ф.Г. Мищенко.

49

Английский перевод этих историй известен под общим названием Деяния Петра и собран в J. K. Elliott, The Apocryphal New Testament (Oxford: Clarendon, 1993), 390–430; и Wilhelm Schneemelcher, New Testament Apocrypha, trans. R. McL. Wilson, from the sixth German edition, 2 vols. (Louisville, KY: Westminster John Knox, 1991–92), 2:271–321.

50

Евсевий, Церковная история, 6.12.

51

Английский перевод см. в Bart D. Ehrman and Zlatko Plese, Apocryphal Gospels: Texts and Translations (New York: Oxford University Press, 2010).

52

Среди ученых идут споры относительно того, кто был наказан таким образом – «злодей» или сам Иисус. Я считаю, что первый, потому что вижу меньше смысла в том, чтобы солдаты разозлились на Иисуса из-за слов, сказанных им кем-то другим.

53

Есть ученые, которые не считают этот стих докетическим. Я здесь не утверждаю, что автор пытался представить точку зрения докетов. Я лишь говорю, что неблагосклонный читатель, вроде Серапиона, вполне мог увидеть в них докетизм, даже если его там не было.

54

Отметим ещё раз отношение «автора» к «авторитету» и наоборот. По мнению Серапиона, такое неверное повествование, как Евангелие от Петра, не могло быть написано таким авторитетом, как апостол Павел. Соответственно, это псевдоэпиграф, написанный кем-то под именем Павла.

55

Русский перевод Д. Щедровицкого. Английский перевод см. Wilhelm Schneemelcher, New Testament Apocrypha, trans. R. McL. Wilson, from the sixth German edition, 2 vols. (Louisville, KY: Westminster John Knox, 1991–92), 2:493–94.

56

Однако не только в собственных писаниях Павла. См. обсуждение Гал 2:11–14 в разделе, посвященном неканоническому Посланию Петра в Главе 6.

57

Я освещаю эту тему в своей книге Lost Christianities: The Battles for Scripture and the Faiths We Never Knew (New York: Oxford University Press, 2003), которая рассчитана на широкую аудиторию. Более полное и тщательное исследование см. у Harry Gamble, The New Testament Canon: Its Making and Meaning (Philadelphia: Fortress, 1985). Самое авторитетное исследование на эту тему у Брюса Мецгера, Канон Нового Завета: Возникновение, развитие, значение (Москва: ББИ, 1998).

58

Русский перевод см. Апокрифические апокалипсисы (СПб.: Алетейя, 2003).

59

Евсевий причисляет Апокалипсис Петра к «нофосам» – поддельным произведениям, а не писаниям, признанным каноническими. Но факт, что в данном контексте ему вообще пришлось упомянуть эту книгу, говорит о существовании христиан, которые считали её канонической, так же, как и другие «нофосы» – Дидахе, Послание Варнавы и Пастырь Ерма. Апокалипсис Петра принимается как канонический (хотя и с осторожностью) в каноне Муратори – документе, о котором пойдёт речь в главе 3.

60

Обсуждение послания с доказательством того, что оно не было написано Петром, см. в J. H. Elliott, «Peter, First Epistle of,» Anchor Bible Dictionary (New York: Doubleday, 1992), 5:269–78.

61

Конечно, Иисус говорил на арамейском языке, а по-арамейски «камень» звучит как «кифа».

62

Возражение, что Петр не видел распятия Иисуса и не мог быть свидетелем его страданий в полном смысле этого слова, здесь не совсем уместно. Кто бы ни писал это

послание, он почти точно не мог прочитать Евангелий, и мы не знаем, что он думал о причастности Петра к последним часам жизни Иисуса.

63

Анализ послания с доказательством того, что оно не было написано Петром, см. в J. H. Elliott, «Peter, Second Epistle of,» Anchor Bible Dictionary, 5:282–87.

64

Синодальный перевод не совсем верно передаёт оригинальный текст, где употребляется именно эта форма имени. См. перевод еп. Кассиана. (Прим. пер.)

65

«Симеон» представляет собой древнееврейскую форму «Симона». Почему автор смешивает древнееврейский язык (Симеон вместо Симона) с греческим (Петр вместо Кифы) – является загадкой.

66

Сам Павел не считал, что создаёт часть Священного Писания. Он писал частные письма своим церквам, которые тоже считали их частной корреспонденцией. Лишь позже, уже после Павла, разные люди и церкви собрали его послания воедино и стали считать их частью Писания. Компетентные комментарии относительно раннего собрания писем Павла см. в Harry Gamble, Books and Readers in the Early Church (New Haven, CT: Yale University Press, 1993), 58–65.

67

Есть и другие причины не считать Петра автором послания. В 3:2 автор проговаривается и апеллирует к «апостолам вашим», как если бы не был одним из них. Более того, поскольку автор пользуется Посланием Иуды, то вынужденно должен был написать своё письмо позже этого подлога. И ещё ему знакомо Первое послание Петра (поскольку он сам называет своё «Вторым»), которое, как будет показано в дальнейшем более развёрнуто, также было написано не Петром, а несколько позже, по крайней мере, уже после разрушения Иерусалима в 70 г.

68

William Harris, Ancient Literacy (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989).

69

Среди многих прекрасных работ по древним системам образования особенно хочется выделить эту: Raffaella Cribbiore, Gymnastics of the Mind: Greek Education in Hellenistic and Roman Egypt (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001).

70

Catherine Hezser, Literacy in Roman Palestine (Tübingen: Mohr Siebeck, 2001).

71

Mark Chancey, The Myth of a Gentile Galilee (Cambridge: Cambridge University Press, 2002); см. также его ещё более новое исследование Greco-Roman Culture and the Galilee of Jesus (Cambridge: Cambridge University Press, 2005).

72

Jonathan Reed, Archaeology and the Galilean Jesus (Harrisburg, PA: Trinity Press International, 2000), 140–69.

73

Известная синагога, которую видят туристы на месте раскопок, была построена на несколько веков позже.

74

Полную информацию о традиции, связанной с Феклой, см. в Stephen Davis, The Cult of Saint Thecla: A Tradition of Women's Piety in Late Antiquity (New York: Oxford University Press, 2001).

75

Тертуллиан, О крещении, 17.

76

Классическое исследование по Маркиону, до сих пор заслуживающее прочтения, было написано Адольфом фон Гарнаком в 1921 году. Adolf Harnack, Marcion: das Evangelium vom fremden Gott (Lpz., 1921). На английский его частично перевели John E. Steely и Lyle D. Bierma Marcion: The Gospel of the Alien God (Durham, NC: Labyrinth, 1990). Новейшее исследование принадлежит Heikki Raisanen, «Marcion», in Antti Marjanen and Petri Luomanen, eds., A Companion to Second-Century Christian «Heretics» (Leiden: Brill, 2008), 100–124.

77

См. Брюс М. Мецгер, Канон Нового Завета (Москва: ББИ, 1998), 188–194. Некоторые ученые датируют канон Муратори четвертым столетием, но для большинства это мнение пока не имеет убедительных доводов.

78

Benjamin White, «Reclaiming Paul? Reconfiguration as Reclamation in 3 Corinthians», Journal of Early Christian Studies 17 (2009): 497–523.

79

Более подробное описание гностицизма см. в шестой главе.

80

Корпус научной литературы по пастырским посланиям столь огромен, что трудно сообразить, на что лучше всего обратить внимание заинтересованных читателей, желающих ознакомиться с основными доводами относительно их происхождения. Возможно, стоит начать с Jerome D. Quinn, «Timothy and Titus, Epistles to,» Anchor Bible Dictionary, ed. David Noel Friedman (New York: Doubleday, 1992), 6:560–71. Насколько бы ни соответствовало истине всё, что я пишу в этой книге, насколько бы ни было это истинным практически для всех учёных-библеистов – разница во взглядах присутствует даже здесь. Чтобы ознакомиться с имеющимся у меньшинства мнением, что Павел действительно был автором этих посланий, см. энергичную дискуссию во вступлении к книге Luke Timothy Johnson, The First and Second Letters to Timothy (New York: Doubleday, 2001).

81

Например, Michael Prior, Paul the Letter Writer in the Second Letter to Timothy (Sheffield: Sheffield University Press, 1989).

82

Помимо прочего, это означает, что если подделкой является одно из писем, то подделаны оба письма.

83

A. N. Harrison, The Problem of the Pastoral Epistles (Oxford: Oxford University Press, 1921).

84

Это относится и к тем ученым, которые настаивают на авторстве Павла. Вот одно из недавних исследований:Armin Baum, «Semantic Variation Within the Corpus Paulinum: Linguistic Considerations Concerning the Richer Vocabulary of the Pastoral Epistles», Tyndale Bulletin 59 (2008): 271–92. Баум указывает, что в других посланиях Павла количество различных слов тем меньше, чем меньше сами послания. Однако пастырские послания, будучи короче многих других его писем, содержат больше различных слов. Но Баум по-прежнему хочет думать, что

эти книги написаны Павлом, и предлагает несколько странное объяснение. По его мнению, Павел уделил написанию этих посланий больше внимания и времени, чем другим, так как он сочинял их в письменном виде, а не в устной форме. Мне это кажется маловероятным. Конечно, Павел потратил много времени и усилий на составление таких посланий, как Римлянам и Галатам. Кроме того, Баум не привел никаких свидетельств того, что пастырские послания были составлены Павлом в письменном виде, а не продиктованы Павлом или кем-либо еще.

85

К сожалению, статья доступна только на немецком: «Zu den personlichen Notizen der Pastoralbriefe», Biblische Zeitschrift 13 (1969): 76–94.

86

Dennis Ronald MacDonald, The Legend and the Apostle: The Battle for Paul in Story and Canon (Philadelphia: Westminster, 1983).

87

Ещё раз оговорюсь – научная подоплёка этого вопроса весьма объёмна. Для начала стоит ознакомиться с Edgar Krenz, «Thessalonians, First and Second Epistles to the», Anchor Bible Dictionary (New York: Doubleday, 1992), 6:515–23.

88

F. F. Bruce, Paul: Apostle of the Heart Set Free (Grand Rapids, MI: Eerdmans, 1977).

89

J. Christiaan Beker, Paul the Apostle: The Triumph of God in Life and Thought (Philadelphia: Fortress, 1980).

90

См. J. Christiaan Beker, Heirs of Paul: Paul's Legacy in the New Testament and in the Church Today (Minneapolis: Fortress, 1991).

91

См. Victor Paul Furnish, «Ephesians, Epistle to,» Anchor Bible Dictionary (New York: Doubleday, 1992), 2:535–42.

92

См. Victor Paul Furnish, «Colossians, Epistle to the,» Anchor Bible Dictionary, 1:1090–96.

93

К сожалению, с немецкого языка эта работа никогда не переводилась: Walter Bujard, Stilanalytische Untersuchungen zum Kolosserbrief: Als Beitrag zur Methodik von Sprachvergleichen (Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1973).

94

Мне тогда не приходило в голову, что автору 2 Тим известно только одно Писание, о котором он и говорит, – Ветхий Завет. И его доктрина о богодухновенности могла не совпадать с моим видением полностью безошибочной Библии, видением, которое на самом деле стало возможным только в позднейшее время.

95

Некоторым исключением может служить пример Дональда Гатри, который скорее на исторических, нежели догматических основаниях пытается доказать, что в Новом Завете не может быть подделок. См. Donald Guthrie, «The Development of the Idea of Canonical Pseudepigrapha in New Testament Criticism», Vox Evangelica 1 (1962): 43–59.

96

Эти взгляды на Даниила и Экклезиаста свойственны практически всему библейскому научному сообществу критического направления. Для получения начального представления о проблематике см. два основных учебника по Еврейской Библии, используемых сейчас в американских университетах: John J. Collins, Introduction to the Hebrew Bible (Minneapolis: Fortress, 2004); и Michael Coogan, The Old Testament: A Historical and Literary Introduction to the Hebrew Scriptures (New York: Oxford University Press, 2006).

97

Другой подход заключается в том, чтобы признать, что ложные претензии на авторство действительно заложены в подлоге с намерением обмануть, но при этом настаивать на исключении таких книг из Библии. Это требование принадлежит одному из современных учёных Армину Бауману, выходцу из Германии, который полагает, что если может быть показано, что книга действительно является подложной, то её следует исключить из Нового Завета (это подразумевается в его книге Pseudepigraphie und literarische Falschung im fruhen Christentum [Tubingen: Mohr Siebeck, 2001] и подтверждено в личной переписке). Как можно догадаться, при таком заявлении Баум признаёт подложными не слишком много книг Нового Завета. Однако наряду с подавляющим большинством ученых он готов признать, что к числу подлогов принадлежит, например, 2 Пет.

98

A. N. Harrison, The Problem of the Pastoral Epistles (Oxford: Oxford University Press, 1921), 12.

99

A. W. Argyle, «The Greek of Luke and Acts», New Testament Studies 20 (1974): 445.

100

M. J. J. Menken, 2 Thessalonians (London: Routledge, 1994), 40.

101

Andrew Lincoln, Ephesians (Nashville: Thomas Nelson, 1990), lxx.

102

R. McL. Wilson, Colossians and Philemon (London: Clark, 2005), 31.

103

Чтобы составить представление о том, как те или иные книги вошли в канон Священного Писания, см. мою работу Lost Christianities: The Battles for Scripture and the Faiths We Never Knew (New York: Oxford University Press, 2003). Более полные сведения см. в Harry Gamble, The New Testament Canon: Its Making and Meaning (Philadelphia: Fortress, 1985).

104

Bruce M. Metzger, «Literary Forgeries and Canonical Pseudepigrapha», Journal of Biblical Literature 91 (1972): 15–16.

105

Norbert Brox, Falsche Verfasserangabe: Zur Erklarung der fruhchristlichen Pseudepigraphie (Stuttgart: KBW, 1975), 81.

106

Wolfgang Speyer, Die literarische Falschung im heidnischen und christlichen Altertum (Munich: Beck, 1971), 3.

107

Kurt Aland, «The Problem of Anonymity and Pseudonymity in Christian Literature of the First Two Centuries», Journal of Biblical Literature 12 (1961): 39–49.

108

James Dunn, «The Problem of Pseudonymity», in The Living Word (Philadelphia: Fortress, 1987), 65–85.

109

David Meade, Pseudonymity and Canon: An Investigation into the Relationship of Authorship and Authority in Jewish and Earliest Christian Tradition (Tubingen: Mohr Siebeck, 1986).

110

Markus Barth and Helmut Blanke, Colossians (New York: Doubleday, 1994), 123.

111

Margaret Y. MacDonald, Colossians and Ephesians (Collegeville, MN: Liturgical, 2000), 8.

112

Ещё два источника отстают по времени на несколько столетий и, как я показываю дальше, не имеют практически никакой исторической ценности.

113

Эта фраза относительно подробно разобрана, например, в Baum, Pseudepigraphie und literarische Falschung, 53–55.

114

Ibn Abi Usaybi'a, Kitab 'uyun al-anba 'fi tabaqat alatibba', ed. 'Amir al-Najjar, 4 vols. (Cairo: al-Hay'a al-Misriyya al-'Amma lil-Kitab, 2001), 1:244–45.

115

Цит. по Ямвлих, Жизнь Пифагора (Алетейя Новый Акрополь, 1998), XXXI.

116

См. Leonid Zhmud, Wissenschaft, Philosophie und Religion im fruhen Pythagoreismus (Berlin: Akademie, 1997), 91.

117

См., например, Holger Thesleff, Introduction to the Pythagorean Writings of the Hellenistic Period (Abo: Academi, 1961).

118

Два поздних неоплатоника – Олимпиодор и Элиас, жившие через два с половиной столетия после Ямвлиха, оставили приблизительно похожий комментарий (Олимпиодор, Введение в Логику Аристотеля, 13.4-14.4; Elias, Porphyrii Isagogen et Aristotelis Categorias Commentaria 128.1-22). Но они тоже так далеки от упоминаемых ими событий, что ничем не могут помочь нам понять, что происходило в новозаветные времена, то есть на полтысячи лет раньше. Более того, комментарии Олимпиодора и Элиаса могут брать своё начало в традиции, положенной Ямвлихом.

119

E. Randolph Richards, The Secretary in the Letters of Paul (Tubingen: Mohr Siebeck, 1991).

120

Там же, с.108

121

Там же, с.110–111.

122

У автора здесь дана ссылка на стих из Исаии: «И произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его» (Ис 11:1). Хотя это пророчество тоже традиционно относят к рождению Христа, более уместной здесь представляется другая ссылка: «ибо вот, ты зачнешь и родишь сына, и бритва не коснется головы его, потому что от самого чрева

младенец сей будет назорей Божий, и он начнет спасать Израиля от руки Филистимлян» (Суд 13:5). (Прим. пер.)

123

См. John J. Collins, The Scepter and the Star: The Messiahs of the Dead Sea Scrolls and Other Ancient Literature (New York: Doubleday, 1995).

124

Русский перевод Е.С. Лазарева см. в книге Свенцицкая И., Скогорев А., Апокрифические сказания об Иисусе, Святом Семействе и Свидетелях Христовых (Москва: Когелет, 1999).

125

Русский перевод см. в книге Деревенский Б., Иисус Христос в документах истории (СПб.: Алетейя, 2007).

126

Там же. Стоит заметить, что русский перевод писем выполнен с французского языка и не передаёт всех деталей, обсуждаемых Б. Эрманом. Однако другого перевода на русский язык, похоже, пока не существует. (Прим. пер.)

127

Русский перевод послания в «Страстях Петра и Павла» в книге Скогорев А., Апокрифические деяния апостолов. Арабское Евангелие детства Спасителя (СПб.: Алетейя, 2000).

128

Тертуллиан, Апологетик, 21.24; Евсевий, Церковная история, 2.2.

129

Русский перевод см. Деревенский Б., Иисус Христос в документах истории (СПб.: Алетейя, 2007). Текст Возношение Пилата известен также под названием Послание Пилата к Тиберию.

130

Тертуллиан, Апологетик, 21.24.

131

Русский перевод см. в книге Свенцицкая И., Скогорев А., Апокрифические сказания об Иисусе, Святом Семействе и Свидетелях Христовых (М.: Когелет, 1999).

132

Барт Эрман, Искаженные слова Иисуса: кто, когда и зачем правил Библию (М.: Эксмо, 2009), 96–98.

133

В толкованиях на этот сюжет всегда обсуждается вопрос, что именно он писал. Кто-то думает, что он записывал грехи людей, приведших женщину. Или подходящую случаю цитату из Писания. Или приговор неправедным судьям. Или что-то другое!

134

Chris Keith, The Pericope Adulterae, the Gospel of John, and the Literacy of Jesus (Leiden: Brill, 2009).

135

Августин, О согласии евангелистов, 1.10.

136

Ссылки на другие тексты, якобы принадлежащие Иисусу, есть у нескольких отцов церкви, например у Августина (Против Фауста, 28.4) и Льва Великого (Слово 34.4).

137

Я так думаю потому, что это письмо никогда не фигурировало вне своего вымышленного контекста в качестве отдельного произведения, приписанного Иисусу.

138

Евсевий, Церковная история, 1.13.

139

Письма паломницы IV века (М.: Паломник, 1994).

140

Тертуллиан, Апологетик, 40. (Пер. Н. Щеглова)

141

Минуций Феликс, Октавий, IX. Цит. по Сочинения древних христианских апологетов. В русском переводе протоиерея Петра Преображенского (СПб., 1895). Англ. пер. G. W. Clarke, ed., The Octavius of Minucius Felix (Mahway, NJ: Paulist, 1974).

142

Там же.

143

Английский перевод ряда источников по мученикам см. у Herbert Musurillo, Acts of the Christian Martyrs (Oxford: Clarendon, 1972).

144

Евсевий, Церковная история, 9.5.

145

Овидий, Метаморфозы, 14.136 – 46.

146

Прекрасное исследование об оракулах Сивиллы см. H. W. Parke, Sibyls and Sibylline Prophecy in Classical Antiquity, ed. B. C. McGin (London: Routledge, 1988).

147

Полный англ. перевод и анализ сохранившихся оракулов см. в John J. Collins, Sibylline Oracles, in James Charlesworth, ed., Old Testament Pseudepigrapha, 2 vols. (New York: Doubleday, 1983–1985), 1:317–472.

148

Здесь и далее русский перевод М. и В. Витковских.

149

Иустин, Первая апология, 20.

150

Например, около 177 г. н. э. языческий критик христианства Цельс, как его цитирует отец церкви Ориген в своей книге Против Цельса (5.61.615; 7.53.732; 7.56.734); см. также «Василевса Константина слово, написанное к обществу святых» из Жизни императора Константина Евсевия Памфила, в котором император опровергает язычников, считающих оракул фальшивкой.

151

См. John J. Gunther, St. Paul's Opponents and Their Background (Leiden: Brill, 1973).

152

См. Thomas Sappington, Revelation and Redemption at Colossae (Sheffield: JSOT, 1991); Richard DeMaris, Colossian Controversy: Wisdom in Dispute at Colossae (Sheffield: Sheffield University Press, 1994); Clinton Arnold, Colossian Syncretism: The Interface Between Christianity

and Folk Belief at Colossae (Tubingen: Mohr Siebeck, 1995); Troy Martin, By Philosophy and Empty Deceit: Colossians as Response to a Cynic Critique (Sheffield: Sheffield Academic Press, 1996).

153

Англ. текст Псевдо-Клементин см. Thomas Smith, «The Pseudo-Clementine Literature», in Alexander Roberts and James Donaldson, eds., The Ante-Nicene Fathers, vol. 8 (reprint, Grand Rapids, MI: Eerdmans, 1995).

154

Они так называются потому, что состоят из двадцати проповедей, якобы принадлежащих Клименту, в которых он рассказывает свои вымышленные истории о путешествиях и приключениях с апостолом Петром.

155

За последние годы появилось море книг об историческом Иакове. Компетентное исследование хорошего ученого (с которым я не согласен по ряду вопросов) см. в John Painter, Just James: The Brother of Jesus in History and Tradition (Edinburgh: Clark, 1997).

156

См. например обсуждение в моей книге Иисус, прерванное Слово: Как на самом деле зарождалось христианство (М.: Эксмо, 2010), 72–78.

157

Учёными придумано четыре основных объяснения этим отрывкам от первого лица. Три из четырёх выглядят просто несостоятельными. Традиционное объяснение заключается в том, что автор действительно был соратником Павла. Однако эта точка зрения проблематична, поскольку автор делает столько ошибок относительно жизни и учения Павла, что вряд ли мог быть его близким спутником. Другие исследователи считают, что автор, кем бы он ни был, имел доступ к личным путевым заметкам кого-то из соратников Павла, откуда и брал целиком фразы, написанные от первого лица. Это привлекательная точка зрения, но она не объясняет, почему в таком случае стилистика и лексикон проблемных отрывков не отличаются от остального текста Деяний. Если бы путевые заметки принадлежали другому автору, было бы логично ожидать, что они будут как-то отличаться. Есть исследователи, которые считают, что автором использовался старинный способ описания путешествий (особенно морских) от первого лица. Но другие исследователи отмечают, что есть достаточно описаний морских путешествий, написанных не от первого лица, так что это не может служить объяснением. Четвёртое предположение мне кажется вызывающим меньше всего вопросов: автор редактировал данные отрывки книги Деяний таким образом, чтобы создать у читателя впечатление своего присутствия на месте событий, хотя на самом деле его там не было. Последнее предположение объясняет и то, почему эти отрывки начинаются и заканчиваются так резко: это просто стилистический приём, использованный автором, чтобы в отдельных местах вставить себя в повествование.

158

Ириней Лионский, Против ересей, 3.14.1.

159

См. прим. 155.

160

Современные учёные не единомышленны в том, как следует рассматривать гностицизм и вообще считать ли его единым обширным явлением. Три весьма различных точки зрения по этому вопросу представлены ведущими специалистами в книгах Karen King, What Is Gnosticism? (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2005); Bentley Layton, The Gnostic Scriptures: Ancient Wisdom for the New Age (New York: Doubleday, 1987); и Birger Pearson, Ancient Gnosticism: Traditions and Literature (Minneapolis: Fortress, 2007).

161

На русском языке, к сожалению, нет отдельного полного издания перевода текстов библиотеки Наг-Хаммади, но все они могут быть без труда найдены в Интернете. На английском языке самый последний перевод см. в Marvin Meyer, ed., The Nag Hammadi Scriptures (San Francisco: HarperOne, 2007).

162

Епифаний Кипрский, Панарион, 26.

163

Действительно ли Епифаний знал и читал эти книги или же выдумал их, можно только гадать.

164

Сами слова Дидим и Фома переводятся как «близнец», а именем собственным является Иуда. Как о близнеце Иисуса о нём говорится в древних сирийских Деяниях Фомы, описывающих его миссионерское путешествие в Индию после смерти Иисуса.

165

Здесь цитируется по А.Л. Хосроев, Из истории раннего христианства в Египте. На материале коптской библиотеки из Наг-Хаммади (М.: Присцельс, 1997).

166

Цит. по пер. М.К. Трофимовой, Историко-философские вопросы гностицизма (М., 1979).

167

Перевод отрывков выполнен по приведённому тексту из Wilhelm Schneemelcher, New Testament Apocrypha, trans. R. McL. Wilson, 2 vols. (Louisville, KY: Westminster John Knox, 1991–1992), 1:249–84.

168

Джеймс Фрей – автор нескольких бестселлеров, не переводившихся на русский язык. Опра Уинфри – известная американская телеведущая и автор ток-шоу, названного её именем. (Прим. пер.)

169

Согласно Иоганну Квастену, см. Johannes Quasten, Patrology (Utrecht: Spectrum, 1950), 2:412–13.

170

Послание включено в канон Нового Завета, например в Александрийском кодексе – известном библейском манускрипте пятого века.

171

Для знакомства с палитрой ожиданий иудеев относительно будущего мессии, см. John J. Collins, The Scepter and the Star (New York: Doubleday, 1995) и мой краткий обзор в пятой главе.

172

Ириней Лионский, Против ересей, 3.7.11.

173

Папий говорит, что получил эти сведения от человека, знавшего апостолов. Иными словами, это информация из третьих рук. См. след. прим.

174

Полный текст комментариев Папия см. в Bart D. Ehrman, The Apostolic Fathers, 2 vols., Loeb Classical Library (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003), 2:103.

175

Тертуллиан, Против Маркиона, 4.5 (Пер. А.Ю. Братухина).

176

Подробнее об этом сказано в моей книге Иисус, прерванное Слово: Как на самом деле зарождалось христианство (М.: Эксмо, 2010), 129–138, и здесь, наверное, не стоит повторять все изложенные там факты и аргументы.

177

Есть мнение, что автор послания хотел, чтобы его считали Павлом. См. Clare Rothschild, Hebrews as Pseudepigraphon (Tubingen: Mohr Siebeck, 2009).

178

См. Писания мужей апостольских в русском переводе протоиерея Петра Преображенского (СПб., 1895).

179

См. Свенцицкая И. С., Трофимова М. К. Апокрифы древних христиан (М.: Мысль, 1989).

180

См. M. David Dungan and J. K. Elliott, Art and the Christian Apocrypha (New York: Routledge, 2001).

181

Русский перевод см. в книге Свенцицкая И., Скогорев А., Апокрифические сказания об Иисусе, Святом Семействе и Свидетелях Христовых (М.: Когелет, 1999).

182

Последнее самое полное исследование темы см. в Reidar Aasgaard, The Childhood of Jesus: Decoding the Apocryphal Infancy Gospel of Thomas (Eugene, OR: Cascade, 2009).

183

См. мою книгу Иисус, прерванное Слово. Там я подчёркиваю, что наличие в Евангелиях неисторических сюжетов не является моей личной идеей – это консенсус современных критических исследований, известный уже очень давно.

184

Это предмет моей более ранней работы Искаженные слова Иисуса: Кто, когда и зачем правил Библию (М.: Эксмо, 2009). Здесь я привожу лишь несколько самых важных моментов.

185

См. мою книгу Иисус, прерванное Слово, 98 – 102.

186

Подробнее см. в Gordon Fee, The First Epistle to the Corinthians (Grand Rapids, MI: Eerdmans, 1987), или, более коротко, в Иисус, прерванное Слово, 252–255.

187

Robert Funk, Roy W. Hoover, and the Jesus Seminar, eds., The Five Gospels: The Search for the Authentic Words of Jesus (New York: Macmillan, 1993), 22.

188

Витрувий, Десять книг об архитектуре, 7.3. Пер. Ф.А. Петровского.

189

Полибий, Всеобщая история, 9.2. Пер. Ф.Г. Мищенко.

190

Марциал, Эпиграммы, 1.66. Пер. Ф.А. Петровского.

191

Диоген Лаэртский, Жизни философов, 2.7, 5.6, 8.2.

192

Edgar J. Goodspeed, Modern Apocrypha (Boston: Beacon, 1956); Per Beskow, Strange Tales About Jesus: A Survey of Unfamiliar Gospels (Philadelphia: Fortress, 1983).

193

См. Goodspeed, Modern Apocrypha, 3–14; и Beskow, Strange Tales, 57–65.

194

См. Goodspeed, Modern Apocrypha, 20–28; Beskow, Strange Tales, 42–50.

195

Под римскими источниками я подразумеваю любые источники, принадлежащие языческим авторам Римской империи. Конечно же, Иисус упоминается в христианских источниках, и дважды он упомянут в сочинениях иудейского историка Иосифа Флавия, но больше нигде.

196

См. Goodspeed, Modern Apocrypha, 92–96; Beskow, Strange Tales, 16–24.

197

См. Goodspeed, Modern Apocrypha, 92–93.

198

Имя Joannus в оригинальном тексте содержит несколько ошибок и анахронизмов. Среди них использование буквы «J», которая появилась только в эпоху Возрождения, свойственного народной латыни с IV в. н. э. окончания «-us» вместо «-es», и отсутствие буквы «h» в середине имени, что также невозможно для той эпохи. (Прим. пер.)

199

См. Goodspeed, Modern Apocrypha, 97–101.

200

См. Goodspeed, Modern Apocrypha, 101.

201

См. Goodspeed, Modern Apocrypha, 45–49. Эта история основана на древнем предании о Марии и красном яйце, особенно популярном в византийском христианстве. При всей спорности сюжета от него происходит традиция раскрашивания яиц на Пасху.

202

Согласно П. Бескову, сочинение принадлежит англиканскому клирику Гедеону Оусли (1835–1906), убежденному вегетарианцу, написавшему десять книг по вегетарианству и оккультизму.

203

Hugh Schonfield, The Passover Plot (New York: Bantam, 1965).

204

См. примечание 19.

205

См. примечание 19.

206

Один из самых ярых сторонников Мортона Смита, Скотт Браун, энергично отстаивает подлинность письма Климента. Его самая полная работа на эту тему – Scott Brown, Mark's Other Gospel: Rethinking Morton Smith's Controversial Discovery (Waterloo, ON: Laurier University Press, 2005).

207

Популярный обзор проблемы см. в Sissela Bok, Lying: Moral Choice in Public and Private Life, 3rd ed. (New York: Vintage, 1999).